

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 1(23)

январь – март

2019

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
Состав редакционного совета журнала	6
Состав редакционной коллегии журнала	8
От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала	10

Философия информационного общества

Субстанциальный подход к анализу развития социальной системы и его соотношение с формационным подходом <i>В. В. Тузов</i>	12
Псевдорациональность или экспертность? Перспективы эволюции философии в XXI веке в контексте социально-гуманитарных проблем техногенного характера <i>И. Н. Тяпин</i>	30
Креативность как составляющая развития западной модели образования <i>Д. Н. Боровинская</i>	46

Социология и политология

Политика и геополитика в информационном обществе <i>А. С. Тимощук</i>	54
Информационная безопасность: геополитический аспект <i>В. Н. Лукин, Т. В. Мусиенко</i>	68

Теория и история культуры

От культурной к социокультурной антропологии: состояние предметных исследований <i>П. Г. Выжлецов, Н. В. Выжлецова</i>	89
Брак в постиндустриальную эпоху и его репрезентация в массовой культуре <i>У. А. Карасёва</i>	105

Из истории отечественной науки

Спор о происхождении эмоций. Чувствуем ли мы головой или сердцем? (комментарий к работам В. С. Дерябина, посвященным анализу теорий происхождения эмоций) <i>О. Н. Забродин</i>	117
Анализ двух альтернативных теорий происхождения эмоций и диалектически обоснованная единая теория <i>В. С. Дерябин (публикация О. Н. Забродина)</i>	121

Объявления

Приём в аспирантуру ГУАП по направлению «Философия науки и техники» в 2019 году	135
---	-----

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	136
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial Council of the Journal	6
Editorial Board of the Journal.	8
Editorial. Summary of the Issue.	10

Philosophy of Information Society

The Substantial Approach to the Analysis of the Development of the Social System and Its Relation to the Formational Approach <i>V. V. Tuzov</i>	12
Pseudo-Rationality or Expertise? Prospects for the Evolution of Philosophy in the XXI Century in the Context of Socio-Humanitarian Problems of Technogenic Character <i>I. N. Tyapin</i>	30
Creativity as a Component of the Development of the Western Education Model <i>D. N. Borovinskaya</i>	46

Sociology and Political Science

Politics and Geopolitics in Information Society <i>A. S. Timoschuk</i>	54
Information Security: Geopolitical Aspect <i>V. N. Lukin, T. V. Musienko</i>	68

Theory and History of Culture

From Cultural to Sociocultural Anthropology: The State of Subject Research <i>P. G. Vyzhletsov, N. V. Vyzhletsova</i>	89
Marriage in the Post-Industrial Era and Its Representation in Popular Culture <i>U. A. Karaseva</i>	105

From the History of the Science of Our Country

The Dispute about the Origin of Emotions. Do We Feel Using Our Head or Heart? (Commentary on V. S. Deryabin's Works Devoted to the Analysis of Theories of Emotions Origin) <i>O. N. Zabrodin</i>	117
Analysis of the Two Alternative Theories of Emotions Origin and the Dialectically Based Integral Theory <i>V. S. Deryabin (Publication of O. N. Zabrodin)</i>	121

Announcements

Admission to the Postgraduate School of SUAI in 2019 (Programme "Philosophy of Science and Technology").	135
--	-----

Article Presentation Rule

Article Presentation Rules.	136
-------------------------------------	-----

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

24.00.00 – культурология;

19.00.00 – психологические науки.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

Орлов Владимир Вячеславович – профессор кафедры философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, советник ректора Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

Состав редакционной коллегии журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Игнатъев Михаил Борисович – директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.
Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.
Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала

Раздел «Философия информационного общества» в № 1 (23) нашего журнала за 2019 год открывает статья доктора философских наук **В. В. Тузова** «**Субстанциальный подход к анализу развития социальной системы и его соотношение с формационным подходом**». Петербургский ученый видит специфику субстанциального подхода в том, что он исследует преимущественно не экономические факторы развертывания исторического процесса, а биосоциальную природу человека, являясь важным дополнением к наиболее фундаментальному, формационному подходу. В качестве методологии исследования используется социальная синергетика. Доктор философских наук **И. Н. Тяпин** обосновывает необходимость философской экспертизы как средства эффективного решения важнейших проблем цивилизации, позволяющего противостоять техногенному тренду в развертывании глобализационных процессов (публикация «**Псевдорациональность или экспертность? Перспективы эволюции философии в XXI веке в контексте социально-гуманитарных проблем техногенного характера**»). Современные представления о креативности и информированности как фундаментальных чертах специалиста информационной эпохи проанализированы в статье кандидата философских наук **Д. Н. Боровинской** «**Креативность как составляющая развития западной модели образования**».

В разделе «Политология и социология» дается анализ существенных изменений, происходящих в общественном сознании и поведении людей в последние десятилетия. Доктор философских наук **А. С. Тимощук** в статье «**Политика и геополитика в информационном обществе**» прослеживает сложную систему связей между политикой государства, информационными технологиями масс-медиа, особенностями мировосприятия поколения миллениалов («сетевое» поколение) и идеологией современных форм терроризма. В публикации докторов политических наук **В. Н. Лукина** и **Т. В. Мусиенко** «**Информационная безопасность: геополитический аспект**» показано, что угрозы и риски информационной безопасности, с одной стороны, довольно хорошо изучены и перечислены в ряде международных и российских официальных документов. С другой стороны, отсутствие у разных стран единого подхода к требованиям безопасности и единства действий по борьбе с информационными угрозами негативно сказывается на всей общественной жизни.

Раздел «Теория и история культуры» начинается статьей доцентов ГУАП, кандидата философских наук **П. Г. Выжлецова** и кандидата культурологии **Н. В. Выжлецов** «**От культурной к социокультурной антропологии: состояние предметных исследований**». Современная социокультурная антропология объединяет в себе социологический и культурологический подходы. Предмет этой науки эволюционировал от исследований народов колониальных стран и народов, стоящих на низком уровне развития, до изучения проблем современной культуры США и Западной Европы. Студентка

гуманитарного факультета ГУАП **У. А. Карасёва** в статье **«Брак в постиндустриальную эпоху и его репрезентация в массовой культуре»** на примере конкретных образцов массовой культуры показывает влияние формируемой ею гиперреальности на реальную социальную жизнь человека. Так, в настоящее время в постиндустриальном обществе произошла утрата единых свадебных ритуалов и обычаев.

В разделе «Из истории отечественной науки» впервые публикуется фрагмент монографии ученика И. П. Павлова, психофизиолога и психиатра профессора **В. С. Дерябина (1875–1955) «Анализ двух альтернативных теорий происхождения эмоций и диалектически обоснованная единая теория»** Опираясь на принципы диалектико-материалистического объяснения взаимосвязи психического и физиологического, русский ученый предлагал научный подход к раскрытию природы эмоций, изучению взаимодействия в них материальных и духовных факторов. Публикацию подготовил и прокомментировал доктор медицинских наук **О. Н. Забродин**.

Главный редактор

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.74:1

Субстанциальный подход к анализу развития социальной системы и его соотношение с формационным подходом*

Тузов Виктор Васильевич – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет “ЛЭТИ” им. В. И. Ульянова (Ленина)», кафедра философии, профессор, доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: tuzov_1950@mail.ru

197376, Россия, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5,
тел.: +7 (911) 752-75-69.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Субстанциальный подход к историческому процессу впервые предложен автором статьи.

Результаты: В субстанциальном подходе акцент в выделении причины развития истории делается не на экономические факторы, а на биосоциальную природу человека. В своем поведении человек руководствуется двумя поведенческими программами: биотической (инстинктами) и социальной (культурой, разумом). Эта особенность поведения отражается в организации социума, т. к. отношения между людьми определяются не столько уровнем развития производительных сил, сколько поведенческими программами, которые запускаются под их воздействием. Вследствие этого в разные периоды развития общества действуют разные механизмы его функционирования. В начальный период возникновения социума превалирует организация на основе рационального начала, культуры, затем включается механизм самоорганизации на основе иррационального начала, инстинктов. В настоящее время человечество подошло к необходимости перехода от самоорганизации на основе конкуренции и отбора к организации на основе разума, науки.

Выводы: Человек был и остается главным действующим фактором истории. События на международной арене показывают, что экономические интересы часто отодвигаются на второй план, а решающее значение приобретают факторы психические. Иррациональное поведение на политической арене демонстрируют лидеры многих развитых стран вопреки экономическим интересам. Наличие теоретической основы для понимания характера современных отношений и форм их организации, закономерностей и специфики развития человеческого общества создает фундамент для принятия взвешенных решений в сфере государственного управления.

---

* © В. В. Тузов, 2019.

Ключевые слова: формационный подход; «субстанциальный» подход; социальная система; исторический процесс.

The Substantial Approach to the Analysis of the Development of the Social System and Its Relation to the Formational Approach

Tuzov Viktor Vasilevich – Saint Petersburg Electrotechnical University, Department of Philosophy, Professor, Doctor of Philosophy, Saint Petersburg, Russia.

Email: tuzov_1950@mail.ru
5, Professor Popov st., Saint Petersburg, 197376, Russia,
tel.: +7 (911) 7527569.

Abstract

Background: The author is the first to propose the substantial approach to the historical process.

Results: In the substantial approach, the emphasis in identifying the reasons for the development of history is not on economic factors, but on the biosocial nature of humans. Two behavioral programs: biotic (instincts) and social (culture, reason) control their behavior. This behavior characteristic is reflected in society organization since relations between people are determined not so much by the level productive forces development, as by the behavioral programs launched on their influence. As a result, in different periods of society development there are different mechanisms of its functioning. In the initial period of society emergence, there exists the organization based on a rational principle and culture, and then the mechanism of self-organization based on an irrational principle and instincts is triggered. Currently, humanity has come to the need to move from self-organization based on competition and selection to the organization based on reason and science.

Conclusion: Humans have remained the main factor in history. Events in the international arena show that economic interests are often overshadowed, mental factors become crucial. Despite economic interests, leaders of many developed countries demonstrate irrational behavior in the political arena. The existence of a theoretical basis for understanding the nature of modern relations and the forms of their organization, the pattern and specifics of society development creates the foundation for making informed decisions in the field of public administration.

Keywords: formational approach; substantial approach; social system; historical process.

В 2018 году исполнилось 200 лет со дня рождения К. Маркса. Этот человек своими идеями в прямом и переносном смысле перевернул мир. Он показал механизм функционирования капиталистической экономики, заложил основы социальной философии как науки, у которой есть законы. Неудача, связанная с построением социализма в СССР, не является показателем несостоятельности учения Маркса. Главное в этом учении – не конкретные теоретические формы,

а сам подход к обществу и истории. В предисловии к «Капиталу» отмечается, что теперешнее общество – не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения.

Энгельс в письме к В. Зомбарту пишет: «...все миропонимание Маркса – это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» [1, с. 352].

Маркс подошел к анализу социальной системы как экономист, взяв в качестве ее основы экономическую подсистему. Поскольку эта подсистема действительно имеет важное значение для существования и развития общества, то выявление законов ее развития дает возможность увидеть тенденцию развития всей социальной системы, но с акцентом на то, что связано с экономикой. Конечно, и Маркс, и Энгельс прекрасно понимали, что главной действующей силой в обществе является человек и без его изменения прогресс общества невозможен. Однако приоритет в развитии и общества и человека оказался у экономической основы общества. Это положение вещей, вероятно, вытекало из тезиса о том, что общественное бытие определяет сознание людей.

Намеченная Марксом тенденция развития общества все ярче и ярче проявляет себя на современном этапе эволюции социума, когда рыночная экономика исчерпала свои возможности эффективного развития, а конкуренция как механизм функционирования этой экономики становится угрозой существования общества. Надо помнить о том, что у Маркса кроме гегелевской диалектики не было никакого другого инструмента для построения модели исторического процесса, и что многое он вынужден был придумать сам – например, системный подход, реализованный в «Капитале». Не надо забывать и о том, что Маркс жил и творил в XIX веке. У современной науки методологические возможности намного превосходят то, что имел в своем распоряжении К. Маркс. Само общество существенно изменилось, и то, что во времена Маркса едва проявлялось, сегодня приобрело развитые формы. Это позволяет более точно отразить процесс изменения человеческого общества, его историю.

Маркс не затрагивал вопроса о причинах возникновения частной собственности, эксплуатации. Он видел основу для этого в появлении прибавочного продукта, но почему у некоторых членов сообщества появилось желание изъять его в свою пользу, он ответить не мог. Вот что он пишет о причине появления частной собственности. «Вместе с разделением труда, содержащим все указанные противоречия и покоящимся, в свою очередь, на естественно возникшем разделении труда в семье и на распадении общества на отдельные, противостоящие друг другу семьи, – вместе с этим разделением труда дано в то же время и *распределение*, являющееся притом – как количественно, так и качественно – неравным распределением труда и его продуктов; следовательно, дана и собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети – рабы мужчины. Рабство в семье – правда, еще очень примитивное и скрытое – есть первая собственность, которая, впрочем, уже и в этой форме вполне соответствует определению современных экономистов, согласно которому собственность есть

распоряжение чужой рабочей силой. Впрочем, «разделение труда и частная собственность, это – тождественные выражения» [2, с. 31].

Сегодня развитие науки позволяет рассмотреть развитие социума не только с точки зрения его экономической подсистемы, но и через развитие человека. Увидеть закономерности, которые управляют процессом развития и процессом самоорганизации. Рассмотреть социум на микроуровне и на макроуровне.

Свой подход к анализу исторического процесса я назвал «субстанциальным» исходя из того, что человек является субстанциальной основой социальной системы. Сущность данного подхода изложена в работах: «От хаоса к порядку: проблемы самоорганизации социальной системы» [см.: 3] и «Исторический процесс в свете синергетической парадигмы (субстанциальный подход)» [см.: 4].

Сравним субстанциальный подход к анализу социальной системы с формационным подходом. Рассмотрим сильные стороны формационного подхода и то, что подвергается критике, и покажем, как ее можно избежать, опираясь на субстанциальный подход.

Исторический процесс (процесс развития социальной среды) можно анализировать на уровне единичного, на уровне особенного и на уровне общего. Если рассматривать конкретные исторические события, факты, общества в их специфике, то тем самым будет реализован подход единичный, т. е. на основе которого можно сделать некоторые обобщения. Когда при изучении конкретных обществ выделяется общее для них, это позволяет классифицировать их определенным образом и дает возможность исследованию подняться на уровень особенного. Но у исторического процесса есть еще и уровень общего, то есть того, что присуще всему историческому процессу или всей социальной среде.

Любой объект, который подвергается научному анализу, представляет собой многокачественное системное образование, обладает структурой, состоящей из элементов и подсистем. Каждый элемент, а тем более подсистема, в большей или меньшей степени выражают сущность системы как целого. Но данная сущность преломляется в соответствии со спецификой элемента или подсистемы. В силу этого сущность является в форме особенного, но не общего, когда она представлена наиболее полно. Формационный подход представляет собой уровень особенного, когда из ряда единичных обществ выделяются общие черты, а затем они типизируются по определенному основанию. В качестве такого основания берется экономическая подсистема (ее характер и уровень развития), к которой привязываются все остальные структурные составляющие сообщества. Экономическая подсистема имеет огромное значение в жизни сообщества. Однако ее закономерности не отражают в полной мере сущность человеческого общества как единичного, а тем более – как общего, хотя и позволяют достаточно точно отразить некоторые особенности его развития. Это возможно из-за наличия свойства, открытого в рамках синергетической методологии. В действительности, «... чтобы исследовать количество параметров порядка у сложной многомерной

системы, требуется измерять одну из ее характеристик в дискретные моменты времени» [5, с. 66].

К. Маркс и Ф. Энгельс, взяв за основу изменение форм собственности на средства производства и опираясь на диалектическую методологию, смогли выявить в историческом процессе три этапа. Благодаря этому они показали логику развития человеческого общества в его истории, то общее, что ему присуще. С этой точки зрения, на первом этапе исторического процесса господствовали отношения социального равенства и общественная собственность на средства производства. Однако в результате развития производительных сил отношения равенства заменяются на классовые, а общественная собственность – на частную. Претерпев ряд изменений, общественные отношения возвращаются к своей первоначальной форме равенства и к общественной собственности на средства производства. При этом отдельные общества сливаются в единый экономический и социальный организм. Исчезают деление общества на классы и эксплуатация.

Чтобы эту абстрактную модель сделать более конкретной, они ввели в нее понятие общественно-экономической формации, т. е. общества, находящегося на определенной исторической ступени со своими законами возникновения и развития. С помощью данного понятия они конкретизировали этапы развития, выделив как бы узлы этого развития среди многообразия конкретных обществ и государств.

В самом общем виде К. Маркс совершенно правильно отразил логику исторического процесса. Однако поскольку понятие «общественно-экономическая формация» представляет уровень особенного, а не общего, то здесь возникает трудность. Общественно-экономическая формация, с одной стороны, должна отражать особенности некоторых локальных систем, совпадающих по способу производства. С другой стороны, она должна олицетворять собой этап в развитии исторического процесса. Поскольку исторический процесс развивается нелинейно, и помимо форм, которые отражают качественно отличные этапы в его развитии, имеют место и их модификации, то выделение этих форм и модификаций в отдельные общественно-экономические формации вносит путаницу в понимание хода истории. «Особенное» в истории принимается за «общее». Именно так и произошло с выделением азиатского, рабовладельческого и феодального способов производства и соответствующих им формаций в самостоятельные этапы развития истории.

Следует также отметить, что экономическая подсистема имеет важное значение для локальной социальной системы (община, государство, империя), так как обеспечивает ее воспроизводство. В процессе самоорганизации макроуровня социальной среды¹ есть этап, на котором она еще не превратилась

---

¹ В субстанциальном подходе общество рассматривается как социальная среда. Эта среда имеет два уровня организации: микро и макро. Микроуровень представлен конкретными обществами или локальными социальными системами, которые организованы в форме первобытной общины или государства в более поздний период. Макроуровень (международный) социальной среды сегодня организован крайне слабо и находится в состоянии самоорганизации через конкуренцию и отбор. Закономерности этого уровня иные, чем у микроуровня.

в целостную систему, а существует в виде относительно самостоятельных регионов, состоящих из относительно независимых в экономическом отношении локальных систем. На этом этапе уровень экономического развития ее элементов не имеет значения, так как в среде действует совершенно иной закон. Таким законом является не закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, а закон естественного отбора, реализуемый через конкуренцию. Уровень развития производительных сил важен только для локальной системы, так как из-за него она получает преимущества в конкуренции в среде с другими локальными системами, у которых этот показатель ниже.

Выделение специфического, единичного (например, азиатского, рабовладельческого и феодального способов производства) в качестве особенного, т. е. в качестве этапов развития общего, создает ряд проблем, которые до сих пор вызывают споры. Проблемы возникают с формациями, которые не вписываются в общий ряд. Так, неясно, куда отнести азиатский способ производства, который выпадает из «стройного» ряда развития. Ставится под сомнение и античное рабство как самостоятельный способ производства, так как рабы не были тем основным классом, на котором держалось античное производство. Более того, вызывает споры и модель перехода рабовладельческого способа производства в феодальный. И. Л. Андреев в статье «Методологические проблемы генезиса феодальной формации в рукописях Ф. Энгельса» показывает, что у Ф. Энгельса нет представления о том, что феодальная общественно-экономическая формации есть естественный переход от рабовладения к феодализму. Ф. Энгельс показывает сложный и противоречивый процесс становления феодализма и не более того, не увязывая его с развитием производительных сил рабовладельческого Рима [см.: 6, с. 21–37].

Это говорит о том, что последователи К. Маркса и Ф. Энгельса дополнили их представление об историческом процессе своим представлением, в котором одна формация переходила в другую.

Если отказаться от способа производства и формы собственности как критериев выделения типа общественного устройства и опираться на иной, более общий принцип, то эти противоречия можно снять.

Рассмотрим исторический процесс несколько иначе, чем это делается в формационном подходе. Еще раз отметим, что общая логика развития, которая предполагает трехступенчатое развитие, в основных своих сущностных чертах в этих подходах совпадает. Различие состоит только в основании для выделения данных этапов и в иной интерпретации механизма развития. Эти этапы развития исторического процесса соответствуют закону отрицания отрицания и наглядно могут быть выражены гегелевской формулой: Тезис – Антитезис – Синтез.

Если опираться на диалектическую методологию, то для описания логики исторического процесса необходимо взять только три общественно-экономические формации из тех, что известны: первобытнообщинную, капиталистическую и коммунистическую. Эти формы отражают в полном

объеме особенности каждого этапа развития. С позиции формационного подхода для первобытнообщинной формации характерны общественная собственность на средства производства и равенство членов сообщества. Для капиталистической формации характерны частная собственность, неравенство и классовая структура. Коммунистическая формация должна (по замыслу) базироваться на общественной собственности на средства производства и равенстве, но на качественно ином основании.

С точки зрения субстанциального подхода, первый этап характеризуется возникновением социального из биотического (предчеловеческое стадо) в соответствии со своей сущностью – гуманизмом – и соответствующим ему структурой-аттрактором – равенством. Основой социального является рациональное начало, благодаря действию которого появилась культура в виде запрета на инстинктивное поведение. Особенность социального состоит в том, что оно не имеет на этом этапе развития собственного основания, т. е. экономической среды, а использует для своего развертывания природную среду. На этапе первого отрицания возникает форма социального, противоположная ему по своей основе. Это значит, что в основании второго этапа развития лежит не сущность социального, а сущность биотического, и он характеризуется уже неравновесной структурой-аттрактором. Неравновесность выражается в неравенстве людей по отношению друг к другу. Рациональное начало, культура были сильно потеснены иррациональным началом, инстинктами, которые управляют поведением живого существа. Частная собственность, стремление эксплуатировать чужой труд не упали с неба и не появились из-за развития производительных сил. Они встроены в психику живых существ. Поэтому отменить частную собственность нельзя, как это хотели сделать в СССР. Хотя у Маркса и Энгельса очень часто имеет место критика частной собственности и призывы к ее отмене, тем не менее, они говорили о том, что это должно произойти не по воле людей, а в результате развития производительных сил. В статье «Коммунисты и Карл Гейнцен» Ф. Энгельс пишет: «Пока крупная промышленность еще не достигла такого уровня развития, при котором она может окончательно освободиться от оков частной собственности, до тех пор она не допускает никакого иного распределения своих продуктов, кроме ныне существующего...» [7, с. 283].

На этапе второго отрицания на смену биотическому и соответствующему ему аттрактору должен прийти третий этап, где снова восторжествуют сущность социального и соответствующий ей аттрактор. Рациональное начало должно преодолеть инстинктивное поведение, но не через запрет и страх наказания, а через понимание его недопустимости, т. е. путем «снятия». Маркс и Энгельс часто писали о том, что развитие человека, развитие мышления является необходимым условием построения коммунизма. Энгельс, в частности, отмечал: «Общественное ведение производства не может осуществляться такими людьми, какими они являются сейчас, – людьми, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплуатируется ею, развивает только одну сторону своих способностей за счет всех других и знает только одну отрасль или часть какой-

нибудь отрасли всего производства. Уже нынешняя промышленность все меньше оказывается в состоянии применять таких людей. Промышленность же, которая ведется сообща и планомерно всем обществом, тем более предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства» [8, с. 335].

Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не использовали понятия инстинкт, но писали о неразвитости мышления, сознания людей при описании их «неразумного» поведения. Ф. Энгельс в письме к Блоху пишет: «...история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей... Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, **бессознательно и безвольно** (выделено мной – В. Т.). Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую...» [9, с. 396–397].

Если история движется «бессознательно и безвольно», «подобно природному процессу» несмотря на то, что ее делают обладающие сознанием и мышлением люди, что же действительно управляет поведением человека? Здесь можно сослаться на З. Фрейда, который предположил, что в современных условиях поведение человека определяется двумя факторами: на первом месте инстинкты, иррациональное начало, источник энергии, на втором месте сознание, задача которого состоит в том, чтобы обеспечить безопасность «Ид».

Однако вернемся к истории. Разница между первым этапом и последним состоит в том, что, если на первом этапе сущность социального находилась в неразвитом состоянии, то на последнем этапе она приобретает развернутую зрелую форму и имеет собственное основание в виде развитой экономической среды. Более того, закономерности исторического процесса, которые были сформулированы в рамках формационного подхода и касались соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, в этой триаде работают, в отличие от «пятичленки».

Возникает естественный вопрос: что делать с оставшимися формациями или способами производства: азиатским, античным (рабовладельческим) и феодальным? Здесь следует обратиться, с одной стороны, к диалектике, а с другой – к основоположникам формационного подхода К. Марксу и Ф. Энгельсу. Диалектика при переходе от одного качественного состояния к другому предполагает скачок, который может происходить и очень быстро, и

очень медленно. Учитывая эту особенность скачка, предполагалось, что при переходе от капитализма к коммунизму должен быть переходный этап или переходная форма, когда старое и новое, трансформируясь, постепенно избавятся от груза старого и наберут необходимые для нового этапа развития качества, которые сами по себе в условиях прежней формации возникнуть не могут. Против такого предположения никто не возражал. Но если при переходе от капитализма к коммунизму требуется переходный период, то почему при переходе от коммунизма первобытного к капитализму его не должно было быть? Проблема перехода здесь одна и та же: в предшествующей формации нет основы для качественно иного этапа развития.

Если принять эту поправку, то азиатский, античный (рабовладельческий) и феодальный способы производства оказываются в одном ряду, однако рассматривать их надо не последовательно, а параллельно. Это связано с тем, что данные формы организации социума относятся уже к неравновесному этапу развития социальной среды и частично подчиняются его законам. Здесь действует синергетический механизм самоорганизации. Чтобы показать, какое место занимают эти формации в историческом процессе, рассмотрим некоторые особенности развития первобытного общества.

Если говорить о первобытной общественно-экономической формации (кстати, как и о любой другой), то следует заметить, что она является научной абстракцией, а не реальным объектом. В действительности в социальной среде находилось множество однотипных общин. По мере развития эти общины преобразовывались в новые формы. Причем развитие шло неравномерно, и в среде возникли разные по уровню развития локальные социальные системы и регионы. Поэтому в среде одновременно существовали сообщества, находившиеся на разных стадиях развития. Этот процесс не изменился до настоящего времени. Сегодня есть и первобытные сообщества, и феодальные, и капиталистические, причем находятся они на разной стадии развития. Среда имеет неравновесный характер. От того, что мы будем знать, что в среде в одно и то же время существуют разные по уровню развития общества, которые мы систематизируем, выделим в группы и назовем формациями, ничего не изменится. Ценность этого понятия в том, что формации как бы отражают этапы исторического процесса. Но механизма этого процесса в формационном подходе нет. Есть лишь заявление о том, что развитие производительных сил приводит к изменению общественных отношений. Более того, для таких сообществ, как Древний Египет, Древний Рим, Древний Китай этот закон проявляется с большим трудом, ибо в результате развития производительных сил, если таковое имело место, эти сообщества почему-то перестали существовать, и на их развалинах не появились более развитые сообщества с соответствующими экономикой и социальным строем. Напротив, они опустились на более низкий уровень развития. Затем они путем самоорганизации снова поднимались на прежний уровень в силу каких-то причин. Пульсируя таким образом, они, наконец, превратились в страну или регион, застывший в своем развитии.

Поэтому закон соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил работает только применительно к историческому процессу в целом и к трем его этапам, но не применительно к отдельным общественно-экономическим формациям или историческому процессу в его пятичленном понимании.

Итак, первобытная среда, которую я называю равновесной, стала трансформироваться в неравновесное состояние. Это неравновесное состояние включало в себя и пространственно, и во времени самые разные локальные социальные системы. Такие системы пока еще представляли собой образования, однотипные в качественном отношении, но сильно отличающиеся друг от друга в количественном отношении. Достигнув определенного уровня изменений, эти локальные социальные системы подходили к точке бифуркации, или скачка. В зависимости от региональных особенностей (географическая среда, тип культуры, религия, этнические особенности и т. п.) возникали специфические формы организации социума. Так, из-за климатических особенностей и характера земледелия древнеегипетское, шумерское и другие общества восточного и азиатского регионов взяли от первобытного общества коллективные формы ведения хозяйства. Это определило форму государства, его функции, характер правовых и экономических отношений. Без вмешательства государства резко падала эффективность производства, так как требовались координация и кооперация усилий всего общества для проведения ирригационных работ. Участвуя непосредственно в организации производства, государство участвовало и в сборе, и в распределении собранного урожая. Коллективизм первобытности еще присутствовал во всех сферах жизнедеятельности. Египетская экономика к тому же развивалась на собственной ресурсной базе. В основном это было натуральное хозяйство.

Иные условия были в Древней Греции и Древнем Риме. Из-за климатических условий и особенностей земледелия у государства не было необходимости заниматься организацией процесса производства, а, следовательно, сбором и распределением произведенного продукта. Иными были и традиции, и религия. Индивидуализм уже пронизывал все сферы общественной жизни: от организации производства до общественного сознания. Из-за комплекса разнообразных причин эти общества не имели достаточной ресурсной базы для ведения натурального хозяйства. Под давлением демографических и экологических причин они должны были проявлять активность в социальной среде, расширяя границы жизненного пространства. Эти и другие факторы привели к тому, что им выгоднее стало торговать и вести войну, чем заниматься ремеслами и сельским хозяйством. Для ведения войны были нужны человеческие ресурсы. Но эти же ресурсы одновременно были необходимы и как рабочая сила для обеспечения данного сообщества средствами существования, и для содержания армии. Данное противоречие было разрешено за счет привлечения чужой рабочей силы. И сегодня развитые государства привлекают рабочую силу слаборазвитых государств для выполнения непрестижной, малоквалифицированной работы так же, как это делали рабовладельческие государства.

Такое решение проблемы чревато серьезными последствиями для страны, привлекающей чужую рабочую силу. Как только прекращается приток новой рабочей силы, а та, что уже привлечена, по какой-то причине исчезает или сокращается, государство лишается источника существования.

Таким образом, из-за региональных особенностей в социальной среде стали появляться разные формы организации социума. Это, по сути, был экспериментальный материал исторического процесса, из которого отбирались оптимальные для тех или иных условий формы. Кроме ранее названных форм, известны еще феодальный «социализм» государства инков, прафеодальное государство ацтеков. Все эти формы являются, по своей сути, переходными. Отличие состоит лишь в том, что в силу разных причин одни из них деградировали и, растеряв культуру, «растеклись» на социальной среде, отдав свои элементы соседним локальным системам, а другие стали переходными этапами для новых форм. Так, древнеегипетская культура оказала влияние на древнегреческую. Империя Александра Македонского включала Египет в свой состав. Египет входил и в Римскую империю. Таким образом, его культура оказывала непосредственное влияние на формирование европейской культуры. В свою очередь Римская империя, покоряя соседние народы, несла им свою культуру.

Хотя процесс романизации не закончился к моменту падения империи, культура, тем не менее, не погибла полностью. Часть ее (вместе с населением, церковью) перешла в новый этап или в новую форму развития. Культуры, которые взаимодействовали на европейском континенте, вносили свой вклад в развитие центра, но делали это не последовательно, перетекая друг в друга на макроуровне, а через разрушение собственной структуры до элементов микроуровня. Отдавая их социальной среде, они передавали с ними часть своей культуры другой социальной форме, которая возникала на ее месте.

За внешними отличительными чертами конкретных обществ древнего мира есть и их существенное сходство, которое позволяет объединить их в единую переходную ступень или фазу. Такое объединение возможно не с точки зрения наличия или отсутствия частной собственности, характера экономических отношений, а с точки зрения проявления закона социальной справедливости, т. е. закона соответствия социальной системы своему аттрактору (равенству).

В этом отношении формации, о которых идет речь, по своим структурам-аттракторам являются однотипными, несмотря на различия в способах производства и некоторые другие различия.

Рабовладельческое общество, например, отличается от других обществ целым рядом особенностей. Но по главным признакам – по основной функции государства и по отношению сферы управления к своему народу, т. е. по содержанию общественных отношений – они однотипны. Так, фараон, если он соответствовал по своим личностным качествам этой «должности» и следовал традиции и разуму, заботился о том, чтобы народ не голодал и чтобы в обществе соблюдался паритет интересов. Римское государство также заботилось не только о 250 000 люмпен-пролетариев в Риме, которых кормили

хлебом и мясом, поили вином и развлекали зрелищами, но и осуществляло политику в интересах всех слоев населения. Были ограничены предельные нормы земельных участков в пользовании одного человека, было запрещено превращать свободных граждан в рабов за долги и многое другое. Включение рабов в состав населения рабовладельческих государств и противопоставление их в качестве класса классу рабовладельцев ничем не оправдано. Этого не делали даже сами основоположники формационного подхода. Раб находился вне социальной системы, он не являлся гражданином, а, следовательно, стоял вне закона.

Рабовладельческая формация в этом отношении мало чем отличалась от феодализма. Кодекс чести феодального рыцаря требовал от него щедрости и нестяжательства, заботы о подданных. Феодал заботился о своих арендаторах и помогал им в трудное время из своих запасов. Нельзя идеализировать эти отношения, но надо их реально оценивать. Этот паритет интересов, конечно же, возникал не сам по себе, но, во-первых – как дань традиции и общественному мнению, а во-вторых – как результат противостояния и борьбы за свои интересы и власть имущих, и тех, кто уже стал только объектом управления. Но это было борьбой за справедливость, т. е. за приведение структуры конкретной социальной системы в соответствие со структурой социального аттрактора.

Поэтому древнеегипетское общество, Шумер, Древняя Греция и Рим и ряд других цивилизаций (например, инки или ацтеки) имели в своей основе, с одной стороны, уже неравновесную социальную структуру, а с другой – социально-ориентированную экономику, соответствующую идеологию и политику. В этот перечень стран вошли страны и с азиатским способом производства, и с рабовладельческим, и с полуфеодальным.

Феодальный способ производства исторически возник раньше, чем рабовладельческий. Он органически вытекал из развития социальной структуры первобытного общества. По своему аттрактору он также являлся более гуманным, чем капитализм, по крайней мере, на начальной стадии развития. Поэтому неудивительно, что Европа после падения Римской империи вернулась к исторически более ранней и более гуманной форме организации социума.

Таким образом, все древние общества до капитализма представляли собой формы перехода социальной среды от равновесного состояния к неравновесному. В них неравновесность еще не была представлена в чистом виде и в развитой форме. Эта особенность была отмечена в Манифесте коммунистической партии: «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идилические отношения... Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой» [10, с. 425].

Переход не происходил одномоментно, а был растянут во времени и представлен рядом форм организации социального. Европа попробовала одну

форму организации социального – рабовладение, но эта форма себя изжила, хотя первоначально и принесла реальные плоды греческому и римскому обществам. Тогда ей пришлось переструктурировать свои элементы в другую, более простую форму организации и развиваться на собственной экономической основе, не привлекая со стороны ни рабочую силу в виде рабов, ни материальные и финансовые ресурсы.

Этот переход от равновесного состояния среды к неравновесному характеризуется компромиссом, когда социальное уже не может противостоять биотическому, а биотическое еще не имеет возможности полностью подчинить социальную среду своему влиянию. Именно такой компромисс и демонстрируют общества древнего мира и эпохи Средневековья.

Деление социальной среды на регионы позволяет понять механизм ее развития на этапе неравновесности. Получается как бы веер региональных линий развития, выходящих из одной области – этапа равновесности. К. Маркс объединил однотипные локальные общества в одно понятие – общественно-экономическая формация. Но этим понятием можно объединить только общины периода первобытности на средней стадии развития, когда различие между ними не носили качественного характера, и последнюю ступень развития общества, когда оно представляет собой одно целое в масштабе Земли. Трудности возникают на промежуточном этапе исторического процесса, когда появляются классовые общества и эти трудности состоят в том, что эти общества отличаются по уровню развития. Оказывается, что на социальном пространстве одновременно существуют разнотипные общественные формации. Естественно возникают вопросы. Почему они существуют? Как долго это будет продолжаться? Как они должны между собой взаимодействовать? Какие законы определяют их развитие в качестве единичного, и какие законы определяют их поведение в отношении друг друга? Формационный подход не дает ответов на эти вопросы.

Можно сказать, что в результате трансформации равновесного состояния социальной среды возникли разнотипные общественные формации, которые стали развиваться параллельно. Одни делали это быстрее, другие – медленнее. Но в данном случае вполне можно обойтись и без понятия «формация», так как в отношении друг с другом вступают не общественно-экономические формации (понятие «общественно-экономическая формация» есть абстракция), а реальные локальные сообщества или регионы. Здесь данное понятие скорее запутывает картину исторического процесса, чем ее проясняет.

Если принять деление социальной среды на регионы, состоящие из конкретных локальных систем с примерно одинаковыми аттракторами и уровнями развития, то тогда становятся более понятны и процессы в среде. Эти регионы, выйдя из одного и того же качественного состояния социальной среды, образовались путем определенной самоизоляции группы локальных социальных систем от других регионов. Причины такой самоизоляции были связаны с особенностями географической среды, религии, образа жизни, традиций, уровня развития экономики и т. п. Такая самоизоляция на основе самодостаточности и определила характер их развития. Отсутствие притока

ресурсов, энергии и информации из внешней среды лишило эти регионы источника развития. Исчерпав внутренние источники, система застывает на стоках. Так произошло с Китаем, Индией, государствами Центральной и Средней Азии. Иные процессы протекали в Европе.

На этом перекрестке мировой истории не было ничего постоянного. Здесь жизнь кипела, как в котле. Народы перемешивались, внося живительные соки в биологию человека. Это приводило к повышению активности новых поколений. Информация и ресурсы текли полноводными реками, которые наполнялись благодаря торговле, колонизации и захватническим войнам. В результате Европа оказалась центром мировой истории, где все процессы протекали значительно быстрее. Но резкое отличие Европы от остального мира проявилось только с развитием капитализма. До этого момента большинство регионов и по экономическому, и по культурному уровню развития были примерно одинаковы.

Европа отличается еще одной важной особенностью. Жизнь ее жителей в значительной степени была подчинена закону, а не произволу властителя. В силу этого дух свободы был присущ европейцам в большей степени, чем другим народам. Также была и еще одна культурная особенность, которая отличает европейцев от других народов – индивидуализм, выделенность индивида из общей массы. Восток, Азия – регионы коллективных форм жизнедеятельности, коллективистского сознания и коллективистских традиций. Традиция в Европе в меньшей степени довлела над сознанием людей и поведением. Европейцы несколько раз пытались построить мировые державы на основе товарного производства и рабского труда. Первым это сделал А. Македонский, вторыми – римские императоры. Третий раз это объединение происходило под эгидой христианской церкви через крестовые походы. Затем европейский капитализм создает колониальную империю, а империализм – экономическую. Были и другие, менее значительные этапы.

Таким образом, в социальной среде в период ее неравновесного состояния оказалось несколько векторов развития мировой истории. Причем совершенно четко выделились центр этого развития (Европа) и периферия (другие страны мира). Между регионами и внутри этих регионов идут одинаковые процессы. Европейские страны, обладая более сильным аттрактором, стремятся доминировать в социальной среде и подчинить ее своему влиянию с тенденцией перестроить ее по своему образу и подобию. В регионах также есть свои лидеры, которые делают то же самое. Между регионами идет борьба за первенство, которая проявляется в разных формах: военной, политической, экономической, культурной, религиозной и т. п.

Ранее отмечалось, что в соответствии с субстанциональным подходом этапы исторического процесса могут быть представлены тремя общественно-экономическими формациями. Здесь необходимо дать некоторое пояснение в связи с выделением капиталистической общественно-экономической формации в качестве единственной формы организации жизнедеятельности локальных социальных систем на европейском континенте в период неравновесного состояния социальной среды.

Как уже было отмечено, после падения Римской империи история делает шаг назад и возвращается к той форме организации социума, которая, естественно, должна была вырасти из разрушающейся первобытной среды. Рабовладение было отклонением от магистральной линии развития в силу региональных особенностей европейской социальной среды, тем более что оно развивалось на чужой ресурсной базе в отличие от других стран и регионов. Поэтому пришедшие на территорию империи германские племена принесли свою форму организации жизнедеятельности, которая под влиянием римской культуры претерпела некоторые изменения, а затем распространилась на всей территории как более предпочтительная. Городская культура затухает вместе с товарным производством, так как для нее нет экономической основы.

Этот период развития Европы считается «темным». Не случайно на смену Средневековью приходит эпоха Возрождения. С точки зрения экономического развития это действительно так, но не надо забывать, что христианская религия, войдя в Средневековье, внесла в него свои идеи, свои нравственные нормы. Церковь ставила перед человеком в качестве главной цели работу над душой, отодвигая материальное на второй план. В этом отношении средние века имеют огромное значение для развития человеческого материала будущей Европы.

По мере развития феодального общества на европейском континенте часть сельского населения вытесняется из деревень из-за нехватки земли и ужесточения гнета феодалов. Как правило, это были решительные и энергичные люди с обостренным чувством справедливости. Именно они и бегут с обжитых мест в поисках лучшей доли. Эти беглецы оседают вокруг временных торговых мест, куда периодически приезжают торговать крестьяне с излишками продукции и купцы с товарами ремесленного производства. Они начинают заниматься ремеслом и постепенно формируют постоянные поселения – города. Отношения в городской общине являют собой резкий контраст с феодальными отношениями. По сути это – сообщества равных в социальном отношении людей, социальные братства, особенно на начальной стадии развития. Они еще ближе по своей структуре к социальному аттрактору, чем феодальные владения, так как неравносность по социальному статусу среди горожан минимальна. В силу этого город, во-первых, начинает быстро развиваться и становится реальной силой, более эффективной, чем феодал, а, во-вторых, становится привлекательным для всех, кому дорога свобода и справедливость.

Однако когда любая система достигает предела в развитии, ее форма начинает претерпевать изменения. Эти изменения неизбежно приводят к появлению неравносности и обострению основного противоречия. Система начинает структурироваться в иерархию на основе доминирования сильного над слабым, что загоняет ее в неустойчивое состояние. Постепенно и городская община становится неравносной, но неравносной уже не по социальному статусу, который связан с родословной человека, а по месту человека в системе производства и по количеству имеющихся у него денег. Но деньги пока не могут быть использованы для самовозрастания через расширенное

производство. Рынок сбыта ограничен и законсервирован цеховыми уставами, уставами городов и другими договорами.

Появление капитализма связано с появлением мануфактур. Мануфактуры возникают в деревне. Город консервативен. Цеховые организации не дают возможности новому реализоваться в производстве. Но в социальной среде возникают два важных фактора, готовых породить новую флуктуацию. Первым фактором является избыточное население в деревне, у которого нет в необходимом объеме земли, а, следовательно, нет в достаточном количестве средств существования. Вторым фактором являются капиталы, накопленные посредниками между цехами и рынком – торговцами и цеховыми старшинами. Но реализовать эти капиталы в рамках цеха невозможно из-за ограничений. Тогда-то и появляется мануфактура. Она не требует многолетнего обучения профессии и высокой квалификации, поэтому может использовать дешевый крестьянский труд. По себестоимости продукция мануфактур способна конкурировать с продукцией цехов.

Так в социальной среде появляется форма организации социума, которая полностью на всех уровнях является неравновесной. Конкурентная борьба всех со всеми становится законом жизни как на микроуровне, так и на макроуровне. Возникает рыночная экономика и соответствующая социальная структура. Все отрицательные стороны прежней формы существования, все пороки человеческие раскрываются при капитализме с небывалой силой. Это связано с тем, что все сдерживающие механизмы социального сломаны. Инстинктивное поведение, стремление доминировать любой ценой и в любой форме, успех, нажива становятся целью и смыслом жизни. Под новую социальную структуру подстраивается и религия. На этом этапе развития общества разум, гуманизм и равенство отходят на задний план, а биотические законы и биотический аттрактор становятся ведущими. «Каждый за себя, один Бог за всех» – этот девиз есть отражение идеологии капитализма. Если при феодализме неравновесными были только политическая и социальная подсистемы, то при капитализме неравновесной становится и экономическая подсистема. Возникают товарное производство и рынок как форма экономических отношений.

Неизбежно и до невиданного размера обостряется классовая борьба, рождаются формы кооперации в защиту интересов эксплуатируемого класса (политические партии, профсоюзы, кассы взаимопомощи) и, в конечном счете, развитие событий приводит к кризису капиталистической социальной системы. Биотический аттрактор исчерпывает свои возможности по саморегуляции и самоорганизации общества – пока только на микроуровне. Выход из этого положения был найден с помощью разума.

Алчность представителей доминирующей группы была ограничена государством, которое взяло на себя функцию регулирования экономических отношений в сфере распределения. Структура сделала шаг в направлении социального аттрактора (пособия по безработице, образование, медицинское обслуживание, обеспечение жильем, установление минимума заработной платы, размер рабочего времени и времени отдыха и др.). Это спасло локальные

системы от краха. Остался нерешенным вопрос на макроуровне, где по-прежнему продолжает действовать доминирование. Хотя и здесь есть положительные сдвиги. Разум все больше и больше проникает в эту область отношений между странами. Возникли международные организации, координирующие политику отдельных государств, но действие биотического аттрактора еще не изжито. Главное – не опоздать.

Почему другие переходные формы, стремясь перерасти в своем развитии в полную неравновесность, не смогли этого сделать? Причина заключается в отсутствии соответствующей материально-технической базы производства. Основа древних цивилизаций – сельское хозяйство. Оно, в силу своих особенностей, предполагает натуральную, а не товарную форму отношений. Поэтому желание представителей доминирующей группы увеличить производительность труда и объем национального продукта через увеличение налогов приводит к обнищанию населения, но сельскохозяйственное производство не может превратиться в рыночное. Земля как основное средство производства не позволяет этого сделать. Поэтому стремление такой социальной структуры к большей неравновесности приводит только к одному: система начинает деградировать, так как теряется стимул деятельности и развития. Негативные эмоции становятся постоянными спутниками основной массы населения. В конечном счете, сельское хозяйство как система исчезает.

В заключение следует сказать, что К. Маркс и Ф. Энгельс заложили основу нового подхода к исследованию общества и его истории. Модель общества в виде общественно-экономической формации остается единственной и пока непревзойденной другими моделями формой отражения локальных социальных систем. В ней есть структура, есть законы связи между элементами структуры.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Письмо к В. Зомбарту (от 11 марта 1895 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. / Сочинения. Изд. 2-е. Т. 39 – М.: Издательство политической литературы, 1966. – 747 с.
2. Маркс К. Тезисы о Фейербахе (Немецкая идеология) // Маркс К., Энгельс Ф. / Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3. – М.: Издательство политической литературы, 1955. – 650 с.
3. Тузов В. В. От хаоса к порядку: проблемы самоорганизации социальной системы. – СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2002. – 152 с.
4. Тузов В. В. Исторический процесс в свете синергетической парадигмы (субстанциальный подход). – СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2011. – 228 с.
5. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 62–79.
6. Андреев Н. Л. Методологические проблемы генезиса феодальной формации в рукописях Ф. Энгельса // Вопросы философии. – 1985. – № 3. – С. 21–37.
7. Энгельс Ф. Коммунисты и Карл Гейнцен // Маркс К., Энгельс Ф. / Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. – М.: Издательство политической литературы, 1955. – 638 с.

8. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. / Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. – М.: Издательство политической литературы, 1955. – 638 с.
9. Энгельс Ф. Письмо Йозефу Блоху (Лондон, 21[–22] сентября 1890 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. / Сочинения. Изд. 2-е. Т. 37. – М.: Издательство политической литературы, 1965. – 630 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. / Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. – М.: Издательство политической литературы, 1955. – 638 с.

References

1. Engels F. Letter to W. Sombart (March 11, 1895) [Pismo k V. Zombartu (ot 11 marta 1895 g.)]. *Sochineniya. Izd. 2-e. T. 39* (Works. Issue 2. Vol. 39). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1966, 747 p.
2. Marx K., Theses on Feuerbach (German Ideology) [Tezisy o Feyerbakhe (Nemetskaya ideologiya)]. *Sochineniya. Izd. 2-e. T. 3* (Works. Issue 2. Vol. 3). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1955, 650 p.
3. Tuzov V. V. From Chaos to Order: Problems of Self-Organization of the Social System [*Ot khaosa k poryadku: problemy samoorganizatsii sotsialnoy sistemy*]. St. Petersburg, SPbGETU “LETI”, 2002, 152 p.
4. Tuzov V. V. The Historical Process in the Light of the Synergetic Paradigm (Substantial Approach) [*Istoricheskiy protsess v svete sinergeticheskoy paradigmy (substantsialnyy podkhod)*]. St. Petersburg, SPbGETU “LETI”, 2011, 228 p.
5. Knyazeva Ye. N., Kurdyumov S. P. The Anthropic Principle in Synergetics [Antropnyy printsip v sinergetike]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 1997, № 3, pp. 62–79.
6. Andreev N. L. Methodological Problems of the Genesis of the Feudal Formation in the Manuscripts of F. Engels [Metodologicheskie problemy genezisa feodalnoy formatsii v rukopisyakh F. Engelsa]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 1985, № 3, pp. 21–37.
7. Engels F. The Communists and Karl Heinzen [Kommunisty i Karl Geyntsen]. *Sochineniya. Izd. 2-e. T. 4* (Works. Issue 2. Vol. 4). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1955, 638 p.
8. Engels F. Principles of Communism [Printsipy kommunizma]. *Sochineniya. Izd. 2-e. T. 4* (Works. Issue 2. Vol. 4). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1955, 638 p.
9. Engels F. A Letter to Joseph Bloch (London, September 21 (–22), 1890) [Pismo Yozefu Blokhu (London, 21[–22] sentyabrya 1890 g.)]. *Sochineniya. Izd. 2-e. T. 37* (Works. Issue 2. Vol. 37). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1965, 630 p.
10. Marx K., Engels F. The Manifesto of the Communist Party [Manifesto kommunisticheskoy partii]. *Sochineniya. Izd. 2-e. T. 4* (Works. Issue 2. Vol. 4). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1955, 638 p.

УДК 101.2; 17

Псевдорациональность или экспертность? Перспективы эволюции философии в XXI веке в контексте социально-гуманитарных проблем техногенного характера*

Тяпин Игорь Никифорович – федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет», кафедра философии, профессор, доктор философских наук, Вологда, Россия.

Email: i.n.tyapin@mail.ru

160000, Россия, г. Вологда, ул. Галкинская, д. 3, ауд. 404,
тел.: +7 (921) 601-08-16.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Техногенный тренд в его неопределенности и увеличивающемся влиянии на судьбу человечества в форме катастроф, самоуничтожения и т. п. консервирует и усиливает кризис человека и социальной справедливости. Проблемы маскируются различными модификациями постиндустриалистской концепции. Для обозначения методологии построения и обоснования все новых и новых форм идеологии расчеловечивания наиболее подходит понятие «псевдорациональность». Псевдорациональность реализуется в формах лженауки и пост(лже)философии и представляет собой соединение принципов и приемов софистичности, абсолютного отказа от объективности, псевдологичности, антиномичности постулатов, неадекватной интерпретации культурно-исторических фактов и явлений, дискурса постправды, подмены значения понятий.

Результаты: Известные разработки в области социальной, гуманитарной экспертизы обогащаются и обобщаются в рамках философской экспертизы как актуальной теоретико-практической формы решения судьбоносных проблем современности. Общей особенностью существующих теоретических разработок в области философской экспертизы выступает ее понимание как экспертизы комплексной, долговременной, прогностической, проектной, предполагающей сценарный анализ будущего, основанной на единстве методологии и аксиологии.

Выводы: Философская экспертиза, развертываемая в ходе прямого соотнесения техногенного тренда с глобализацией, а гуманитарной оценки – с практическими действиями за социальную справедливость, предполагает наличие взаимосвязанных и обуславливающих друг друга направлений: формального и неформального, индивидуального и коллективного. Перспективы продуктивной философско-экспертной работы связаны с необходимостью смены негативного вектора функциональной взаимосвязи техногенных и социальных процессов на позитивный; возвращения человеку, обществу и национальному государству роли субъектности в решении вопросов

---

* © И. Н. Тяпин, 2019.

своего дальнейшего бытия. Итоговая цель философской экспертизы – обеспечить общественным руководством и пониманием процессы в области техногенной реальности.

Ключевые слова: глобализация; социальная справедливость; техногенный тренд; NBICS-конвергенция; трансгуманизм; псевдорациональность; манипулятивность; постфилософия; постмодернизм; цивилизационное развитие; гуманитарная экспертиза; философская экспертиза.

Pseudo-Rationality or Expertise? Prospects for the Evolution of Philosophy in the XXI Century in the Context of Socio-Humanitarian Problems of Technogenic Character

Тяпин Игорь Никифорович – Vologda State University, Department of Philosophy, Professor, Doctor of Philosophy, Vologda, Russia.

Email: i.n.tyapin@mail.ru

3 Galkinskaya st., office 404, Vologda, 160000, Russia,
tel.: +7 (921) 601-08-16.

Abstract

Background: The technogenic trend in its uncertainty and increasing influence on the fate of humankind in the form of catastrophes, self-destruction, etc., preserves and intensifies the crisis of humans and social justice. Various modifications of the post-industrial concept mask these problems. The concept of “pseudo-rationality” is most appropriate for characterizing a methodology for the construction and justification of some new forms of dehumanization ideology. Pseudo-rationality emerges in the forms of pseudoscience and post(false)philosophy and is a combination of principles and methods of sophistry, absolute rejection of objectivity, pseudology, antinomicity of postulates, inadequate interpretation of cultural and historical facts and phenomena, post-truth discourse, substitution of concept meanings.

Results: Philosophical expertise being an actual theoretical and practical form for solving momentous problems of modernity enriches and generalizes some well-known developments in the field of social and humanitarian expertise. A common feature of the existing theoretical developments in the field of philosophical expertise is its being comprehensive, long-term and prognostic. This expertise proposes a scenario analysis of the future, based on the unity of methodology and axiology.

Conclusion: Philosophical expertise, evolved in the course of direct correlation between the technogenic trend and globalization, and humanitarian evaluation and practical actions for social justice, presupposes the existence of interconnected and mutually dependent directions: formal and informal, individual and collective. Prospects for productive philosophical and expert work are connected with the need to change a negative vector of the functional relationship of technogenic and social processes for a positive one; returning the role of subjectivity to humans, society and national state in solving their future existence issues.

Keywords: globalization; social justice; technogenic trend; NBICS-convergence; trans-humanism; pseudo-rationality; post-philosophy; postmodernism; humanitarian expertise; philosophical expertise.

Основным направлением разработки социальной теории последних десятилетий стало рассмотрение с позиций технологического детерминизма и технократизма современной социальной системы как «сетевого общества» с «цифровой экономикой». Цифрово-сетевая концепция явно восходит к более ранним теориям постиндустриального общества (общества «третьей волны», «общества четвертой формации», «общества знания» и др.), которые уже полвека выступают в качестве мейнстрима развития. Хотя, в сущности, они направлены на легитимизацию сверхгосударственного, глобально-капиталистического социального уклада, что, в свою очередь, практически нивелирует позитивные права человека.

Отсутствие в рамках указанного уклада социальной справедливости и перспектив для большинства, растущее укрепление социальной сегрегации выступает составной частью еще более серьезной глобальной проблемы – возникновения реальной угрозы существованию человека как вида из-за потребностей технократически ориентированной цивилизации. Можно уверенно говорить о «техногенном тренде», определяемом как ускоряющийся процесс распространения и развития всего связанного с техническим, технологическим в его соответствующей неопределенности и увеличивающемся влиянии на социальную жизнь, на судьбу человечества в форме катастроф, самоуничтожения, пост-вне-человеческого преодоления.

Значительный манипулятивный потенциал техногенного тренда заключается как в самих технологиях, так и в оперировании их тематикой в качестве идеологем. В рамках *первого аспекта* можно с уверенностью констатировать, что техногенный тренд стимулирует начавшийся процесс трансформации человека в управляемое и всецело контролируемое технологическое существо. В рамках *второго аспекта* корректно вести речь о том, что граничащий с бессмыслием восторг по поводу т. н. NBICS-конвергенции, криптовалют и т. п. дает возможность, во-первых, отвлечь внимание человечества от глобальных проблем и противоречий, «забыть» о растущем технико-экономическом разрыве, экономической, политической и культурной экспансии суперразвитых стран, их эксплуатации природных и человеческих ресурсов Земли; во-вторых, окончательно вытеснить из системы фундаментальных ценностей национально-культурную идентификацию, патриотизм, заботу о другом, метафизический поиск смысла жизни.

Анализируя становление идеологии расчеловечивания, многие исследователи напрямую увязывают его концептуализацию с идейной продукцией постмодернизма (особенно наследием М. Фуко, Ж. Делёза, Ж. Деррида). Такой подход представляется справедливым, ибо идеология смерти человека и деконструкции метафизики является брендом именно этого течения. В превратной форме в постмодернистском учении отражаются реальные процессы становления постчеловеческой цивилизации, замены

жизненного мира людей информационно-виртуальной реальностью. Целевым завершением постмодернизма становится превращение идеи бессмертия в апологию смерти, но не сегодняшних индивидов, а родового человека.

Для обозначения методологии построения и обоснования все новых и новых форм суицидной идеологии наиболее подходит понятие «псевдорациональность», хотя к настоящему времени оно еще не получило достаточной концептуальной проработки, особенно применительно к социальному познанию и проектированию.

Напрямую данную проблему еще в 1970-х гг. поставил К. Касториadis, утверждавший, что «в силлогизмах современного мира посылки заимствуют свое содержание у воображаемого. И преобладание силлогизма как такового, навязчивая идея «рациональности», отделенной от всего остального, формируют воображаемое второго порядка. Псевдорациональность современного мира – одна из исторических форм воображаемого. Она произвольна в своих конечных целях, поскольку последние не основываются на разумных основаниях» [9, с. 52].

В. С. Швырёв в 1990-х гг. характеризовал «псевдорациональность» как отчуждение идеальных конструкций от «полноты реального существования», с одной стороны, и чрезмерное приближение этих же конструкций к действительности (ведущее к конформистскому переживанию последней) – с другой [см.: 4, с. 10–11]. При этом, по его мнению, «псевдорациональность» предполагает некоторую деструкцию, разрушение рациональности в ее конструктивных возможностях [см.: 8, с. 115].

В. Н. Порус в ответ определяет «псевдорациональность» в качестве познавательного процесса, погруженного в контекст социальной практики, как подгонку действительности под ее рациональные реконструкции, либо подгонку реконструкций под прагматическое восприятие действительности. Наиболее примечательным представляется его тезис о том, что и тоталитаризм, и конформизм, и политический иррационализм – все это социально оформленные случаи паразитирования на «расщепленной рациональности» [8, с. 113].

«Псевдорациональность» не сводится к совокупности пропагандистских средств манипуляции массовым сознанием (искажение, утаивание и особые способы подачи информации), а также применяемых в постмодернизме лингвистических приемов, вытекающих из культурного контекста: софизмов, интеллектуальных уловок, злоупотребления терминологией [см.: 2].

В области социально-гуманитарного познания наглядными примерами лженаучности, нарушения законов логики и принципов взаимодействия эмпирического и теоретического, «подгонки» фактов под ограниченный набор догм являются *монетаризм* (исходящий из ложного тезиса о господстве в современной экономической сфере рыночного саморегулирования), *правый либертаризм* в теории права (утверждающий, что абсолютно формальное толкование свободы, равенства и справедливости является абстракцией реальных порядков, существовавших в истории, и интерпретирующий социальные обязательства государства как «деспотизм»), *гендерология*

(игнорирование психофизиологических различий полов, преимущественное использование аномальных фактов и явлений в ущерб типичному, фантазии про «шовинизм» языка и народной культуры и др.).

Перечисленные лженаучно-теоретические построения подкрепляются идеологическими доктринами «философского» плана.

Так, вытекающий из либертаризма и монетаризма *анархо-капитализм* (М. Ротбард, Д. Фридман) утверждает, что при отмене «паразитического института» государства охрана порядка будет осуществляться частными организациями, заинтересованными в эффективности своей работы, а люди будут свободно распоряжаться своим телом, квалификацией. При этом очевидно, что рыночная система без контроля со стороны государственной власти приведет к появлению системы угнетения, не прикрывающейся разговорами о «правах человека». *Транс- и постгуманизм* (Э. Дрекслер, Х. Кордейро, Р. Курцвейл, Л. Альтюссер) навязывают расчеловечивание, утрату человеком своей видовой и духовной самоидентификации, называя это реализацией свободы выбора. Однако технология трансформации человечества исключает право личности на свободу, ибо требует способствовать технопрогрессу во что бы то ни стало. *Либеральная биоэтика* (В. Р. Поттер, Э. Кимбрелл, Э. Сулейман и др.) пропагандирует «рациональность», «правомерность», «неизбежность» уничтожения жизни на эмбриональном уровне, эвтаназии, смены пола, клонирования, суррогатного материнства, хирургической трансплантации без согласия донора. Отгалкиваясь от тезиса о прирожденных (природных) правах и потребностях человека, целью выставляется выход из режима природной естественности. *Радикальный квир-феминизм* (Дж. Батлер) под знаменем борьбы за равноправие агрессивно попирает права большинства, называя это «позитивной дискриминацией».

Для обозначения этих и им подобных продуктов псевдорациональности существует относительно недавно вошедшее в оборот политкорректное понятие «постфилософия» (хотя точнее было бы говорить о лжефилософии), которое при этом не получило пока законченного концептуального определения. А. Г. Дугин, не просто констатировавший кризис философии в связи с постмодернистским трендом, а обратившийся напрямую к сути феномена, не смог дать четкого определения постфилософии, лишь описав ее идейные истоки, некоторые проявления и характеристики, например, сознательный отказ от целостного рассмотрения в пользу сосредоточения внимания на части, фрагменте, а также стиль – «ироничный, парадоксальный, несколько идиотский» [7].

В. А. Кутырёв, не пользуясь понятием «постфилософия», в ходе осмысления постмодернизма определяет суть деконструктивистского философствования в трактовке любых явлений и процессов как установку, принципом функционирования которой является не истина, а достижение поставленной цели [13, с. 23]. Так, Ж. Делёз заявлял о том, что «...история философии – это некий вид извращенного совокупления или, что то же самое, непорочного зачатия». «И тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарящим ему ребенка, – продолжает Делез, – но так, чтобы это был именно его

ребенок, который притом оказался бы еще чудовищем. Очень важно, чтобы ребенок был его, поскольку необходимо, чтобы автор в самом деле говорил то, что я его заставляю говорить» [6, с. 171–172]. Идентичен «метод черенков и прививок» Ж. Деррида, который, игнорируя общую направленность текста, находил подавленный в нем маргинальный смысл и, опираясь на него, отрицал центральную идею исследуемого автора, как бы заставляя говорить прямо противоположное тому, что тот имел в виду. В обоих случаях используются предположение вместо доказательства, и компрометация вместо опровержения.

Разница между настоящим философом и пост(лже)философом-софистом-манипулятором состоит в следующем. Если философ, по крайней мере, стремится к вычленению из общего еще не определенных в языке явлений, называет их, описывает и, таким образом, осмысливает, превращает в понятия, то манипулятор целенаправленно занимается интерпретацией явления в нужном для себя ключе, преувеличивая, преуменьшая или вовсе игнорируя те или иные признаки, придавая явлению ярко выраженную эмоциональную окраску.

Представляется уместным вспомнить и известный тезис Г. Дебора о том, что Спектакль не реализует философию, но философизует реальность, превращая деградирующую жизнь каждого человека в спекулятивную вселенную. В данном контексте речь может идти о том, что пост(лже)философия способствует вытеснению и замене в индивидуальном и общественном сознании существенного, всеобщего, объективного несущественным, частным и чисто субъективным. В рамках манипулятивной методологии один тезис нередко исключает другой, но эта проблема «снимается» сознательным отказом от целостности, системности в пользу установки на частности и пропагандой позитивности, гениальности шизофрении.

По мысли А. Г. Дугина, постфилософия выступает индикатором перехода мыслительных способностей современного человека – виртуализованного и десакрализованного – в новое пространство «звероавтомата».

К данному суждению стоит отнестись внимательно. Как отмечает В. А. Кутырёв, в эпоху постмодернизма в центре внимания находится *тело*, однако не ради его сохранения, укрепления и культивирования, а для демонтажа, разложения и трансформации. «Отождествление человеческого тела с любыми другими телами следует считать экстенсивным этапом его информационной реконструкции. Этапом его превращения в “сому”, в “плоть” как некий материал для дальнейшего использования при функционировании других систем» [11, с. 281]. Концептуальным продолжением является идея «тела без органов», «протоплазматическая субстанция», «среда интенсивностей», «кинестетическая амеба».

В рамках псевдорациональности транс- и пост-гуманистический образ человека будущего как механизированной части сети или системы с поддерживающими жизнь и функционирование организма бионическими имплантатами «монтируется» с понятием бесконечной свободы и неограниченности его возможностей. Хотя очевидно, что это открывает новый

уровень контроля за разумом, действиями и в целом жизнедеятельностью индивида, для которого отсутствие той или иной технической части будет, в прямом смысле, смерти подобно (что делает ничтожными все оптимистические заявления о бесконечной свободе, якобы открывающейся для личности в результате ее «технологического улучшения»). Но трансгуманизм – всего лишь целевое завершение постмодернизма, когда идея бессмертия превращается в апологию смерти, но не сегодняшних индивидов, а родового человека. «Жонглируя» понятием «свобода», М. Фуко, Ж. Делёз, Ж. Деррида – «виртуозы» псевдорациональности – пришли к вышеупомянутой идее «тела без органов» – бесформенного, бесструктурного образования, некоего «расчищенного места» для нанесения знаков или вживления чипов.

Гипотетическое решение проблемы техногенного кризиса человека и общества в их «традиционном» виде мыслимо только в рамках подлинно философского подхода, *философской экспертизы*, распространение которой может ликвидировать «ножницы»: разрыв между непониманием значительной частью современного общества роли и значения философии и ее объективно спасительным потенциалом. Как отмечает А. В. Горина, философская (философско-антропологическая, в терминологии данного автора) экспертиза – «это экспертиза всей культуры и цивилизации, и субъект философской антропологии становится тогда экспертом, когда чувствует, видит, что человечество идет к гибели. При этом эксперт, как правило, дает критическую оценку происходящему в мире, предлагая человечеству в качестве экспертного заключения либо путь выживания в условиях зла..., либо путь преодоления зла» [4, с. 116]. По словам Б. Г. Юдина, новые этические и юридические проблемы, порожденные современными научно-техническими достижениями, носят междисциплинарный характер и «именно с позиций философии можно увидеть их в предельно широкой перспективе, удерживая при этом в фокусе и даже заново обнаруживая их различные междисциплинарные аспекты» [22, с. 81]. Субъект философско-антропологической экспертизы качественно отличается от экспертов научных экспертиз (несмотря на то, что сама философская экспертиза связана с общенаучной, представляет собой ее продолжение). Он, помимо требований, предъявляемых к субъекту научной экспертизы (профессиональная компетентность, ответственность и др.), должен обладать мышлением планетарного масштаба.

Философская экспертиза во многом созвучна *гуманитарной экспертизе* и объективно является продолжением последней, обобщением ее теории и практики.

Исторически гуманитарная экспертиза зародилась в лоне биомедицинской (биотехнологической) этики. Связь гуманитарной экспертизы с биомедицинской этикой носит объективный характер. Биомедицинская этика, во-первых, является одной из самых длительных этических традиций, имеющих дело с проблемой профессиональных, техногенных воздействий на человека (клятва Гиппократ), во-вторых, вполне возможно, работает сейчас на «поле самых радикальных преобразований в человеке» [20, с. 24]. В отечественной традиции становление концепции гуманитарной экспертизы относят к

деятельности И. Т. Фролова, И. И. Ашмарина, Б. Г. Юдина. Ныне проблемы взаимосвязи биоэтики и гуманитарной экспертизы разрабатываются в Институте философии РАН [см.: 3, с. 87, 92]. Качество и скорость современных техногенных изменений потребовали обращения к широкому кругу экспертов, специалистов, ко всему научному сообществу и обществу в целом [см.: 1, с. 120, 123–125]; в идейной области – к предельным философским вопросам бытия и познания. Этот объективный запрос, с одной стороны, обязательно подключает к анализу широкий спектр существующих этических разработок современного научно-технического развития [см.: 15, с. 74–81]; с другой стороны, он активизирует в последнем тенденцию к определенному объединению, согласованию усилий и концепций. Все это логично привело к необходимости формирования новой экспертной структуры, а именно – гуманитарной экспертизы. «Гуманитарное» означает исследование современных техногенных рисков или общих рисков, неотъемлемой частью которых являются техногенные, с точки зрения человека; «экспертиза» предполагает опору на предельно широкий, в принципе, всеобъемлющий круг человеческих знаний и интересов. Указанные два сущностных момента присутствуют в любом современном определении гуманитарной экспертизы, к примеру: «гуманитарная экспертиза – форма диалога гражданского общества с государством о допустимости или масштабности применения технологий, которые могут содержать угрозу жизни и здоровью человека и человечества, а также о применимости различных новаций» [14, с. 115].

Осознание единства порожденных техногенным трендом собственно гуманитарных (кризис человеческой телесности и духовности) и социальных проблем (связанных с угрозами социальной справедливости), очевидно, стало одной из причин эволюции тематики гуманитарной экспертизы в направлении ее понимания как экспертизы философской. При этом мнения отечественных исследователей могут различаться в вопросах связи философской (философско-антропологической, гуманитарной) экспертизы, технически обусловленных социальных и гуманитарных «проектов» с классическим способом философствования, а также статусом (характера), целями и ценностными установками философии.

Так, П. Д. Тищенко видит назначение и методологию гуманитарной экспертизы как длящегося мониторинга проблем, принятых решений и отслеживания отдаленных последствий в «прояснении всей глубины и парадоксальности встающих проблем за счет мультидисциплинарного обсуждения» [21, с. 205]. Предложенная им в качестве методологической основы «междисциплинарность», участие представителей разных общественных наук для получения «объемной» картины причинных связей и возможных негативных последствий, казалось бы, предполагает единую ценностно-мировоззренческую платформу. Однако одновременно данный автор антиномично артикулирует множественность ценностно-мировоззренческих оснований в современную эпоху, и, соответственно, множественность моральных оценок конкретного проекта или явления (в частности, по проблеме

идентичности человека, в связи с достижениями в области биотехнологий и искусственного интеллекта).

В. Н. Сыров рассматривает перспективы философской экспертизы как совокупности «неформальных» интеллектуальных операций внутри философского сообщества – одновременно заказчика и исполнителя [см.: 19, с. 137] – исходя из необратимости, по его мнению, процессов кризиса классических форм философствования. В основе философской экспертизы должно лежать рефлексивное отношение, а ее объектом могут быть любые продукты и формы культуры, эксплицированные в виде дискурсов. В рамках критического анализа последних философские компетенции (методологические установки) могут быть преобразованы в нормативные установки или предписания, связанные с поиском возможных долгосрочных последствий, к которым может привести реализация выдвигаемых идей (к примеру, как могут влиять решения, принятые в сфере экономики, на социальную, политическую, культурную сферы). Что же касается установления их причин, то здесь специфика философского подхода заключается в том, чтобы убедительно продемонстрировать, что таковые лежат не в «злокозненности отдельных акторов» или «технических погрешностях», а в характере избранных принципов или, так сказать, «власти дискурсов». Иначе говоря, «философ должен показать обреченность на неудачу любых проектов, идей, убеждений при любой их технической изощренности и добросовестности исполнения в силу жесткости тех рамок, которые заданы принятыми предпосылками. Так, к примеру, когда известный мыслитель писал, что по основаниям строго логического характера предсказать течение событий невозможно, а потому невозможны определенные типы социальных теорий, то он реализовывал описанный нами тип критики» [19, с. 134].

А. В. Горина, также расширительно понимая философскую экспертизу как контекст и метацель современных философских исследований, отталкивается при этом не от постмодернистских установок, а от «классического» понимания функций философии. И называет в качестве методологических основ понимания ее смысла и назначения диалектический анализ, принципы целостности, дополненности и системности, единство общенаучных и философских методов [см.: 5]. Данным автором выделены следующие специфические черты такой экспертизы:

- не ситуативный характер;
- отсутствие официально утвержденного статуса процедуры и заключения;
- отсутствие заказчика экспертизы, роль которого играют «вызовы» самой истории, «ответами» на которые в свою очередь выступают философские теории, модели, утопии – экспертные заключения;
- значительная темпоральная протяженность – от нескольких лет до нескольких столетий и свыше;
- широкая интенциональность, т. е. распространение на все человечество, а не отдельные сообщества и группы;
- особая топология, пространственно-временные условия (некоторые семинары, конференции и т. п.);

– представленность результатов в виде научных и художественных текстов;

– широкая доступность и открытость для участия.

А. В. Горина предлагает и классификацию философской экспертизы, называя три ее разновидности.

1) *Рациональная экспертиза* (субъект – «эксперт-знаток»), понимаемая как исследования, которые опираются на научные методы, выводы которых логически обоснованы и эмпирически подкреплены.

2) *Иррациональная экспертиза* (субъект – «эксперт-критик») – критический взгляд на человека и культуру в целом с позиции антисциентизма, превалирования художественного видения мира, сопровождающегося активным использованием образов, метафор, нарративов и т. д. (по мнению автора статьи, такая экспертиза легко трансформируется в псевдорациональную).

3) *Трансценденталистская экспертиза* (субъект – «эксперт-спаситель»), где эксперт способен предложить миру стратегию спасения человечества в качестве ответа на вызов антропоной катастрофы.

Принципиально иной подход сформулирован В. В. Картуновым и В. О. Шкелетой, утверждающими возможность социально-гуманитарной оценки политических процессов в рамках социально-гуманитарной экспертизы, основанием которой, в свою очередь, являются принципы гуманитарной оценки, базирующиеся на объективно-онтологическом понимании нравственности в контексте феномена архетипов, т. е. транскультурных и наиндивидуальных матриц, образцов мышления, смыслов, ценностей, культурных образов, своеобразных регулятивов деятельности сознания. Указанная гуманитарная оценка может выступать своеобразной и необходимой альтернативой правовой экспертизы, поскольку опора на законодательство в оценке социально-политических процессов, инициируемых властью, не всегда строится с учетом гуманитарных ценностей, на которых фундирована человеческая культура (цивилизация) [см.: 10, с. 10]. Предложенная концепция социально-гуманитарной экспертизы, по мнению ее авторов, может послужить альтернативой западной либеральной парадигме оценки социокультурных и политических явлений, поскольку она учитывает, с одной стороны, так называемые «общечеловеческие ценности», на которых базируется существование цивилизации, с другой – специфику определенной социокультурной общности, выражающуюся в духовных, культурных и психологических феноменах жизни нации, народа, страны.

Несмотря на плюрализм представлений о направленности, ценностно-методологических основаниях и характере (статусе) философской экспертизы, практически все авторы исходят из понимания философской экспертизы как экспертизы *комплексной, долговременной, прогностической, проектной*, предполагающей сценарный анализ будущего, отличающейся от узкоспециальной экспертизы, но одновременно «диалектически» с ней связанной. Общим является понимание философской экспертизы как экспертизы, посвященной наиболее актуальным угрозам и рискам, стоящим

перед человеком, обществом и цивилизацией, основанной на единстве методологии и аксиологии, выступающей, в том числе, в качестве социокультурной технологии. При этом подразумевается, что распространение философской экспертизы будет способствовать новому расцвету философии, значительному повышению ее статуса в системе современного Знания. Кстати, здесь важно в максимально полной мере учесть современные информационно-коммуникационные реалии: философская экспертиза – как любой стремящийся к достойной реализации феномен – должна быть примером в области использования современных информационно-коммуникационных технологий – в частности, для распространения положительного знания о себе.

Учитывая обозначенные аспекты понимания, автор статьи все же не принимает положений о чрезвычайно расширительном толковании философской экспертизы (что на практике будет размывать ее признаки), а также необходимости ее строго неформального статуса (что в условиях господства в современном мире массовой культуры и манипулятивных технологий социального управления, отсутствия специальных усилий и выстраивания необходимой инфраструктуры, не будет иметь никаких реальных последствий). Решение проблемы, скорее всего, состоит в единстве свободного философского творчества мыслителей – представителей различных взглядов и направлений, занятых осмыслением угроз и рисков и имеющих серьезные теоретические достижения (выраженные в виде диссертаций, монографий, публикаций в высокорейтинговых изданиях), и включения их в работу официальных экспертных институтов (или даже создания из них особых философских, экспертных органов). В этом состоит способ избавить общество от господствующих по отношению к той или иной теме упрощенных интерпретаций и штампов, показать неоднозначность проблемы, дать управленческим институтам систему координат для самоопределения относительно принимаемых решений. Последствия решений и иных результатов работы философских экспертных институтов в этом случае становятся как нормативными (в рамках международных и национальных законодательств, этических кодексов профессиональных сообществ и т. п.), так и неформальными (в пределах того влияния, которое имеет экспертный институт на общественное мнение).

В определении круга проблем, образующих области и направления деятельности философских экспертных институтов, необходимо исходить из взаимосвязи национального и общечеловеческого, когда идея мировой цивилизации выступает как выражение тенденций локальных цивилизаций к универсализации, а идея локальной цивилизации раскрывает структуру мировой и расширяет возможности ее эволюции. В этом случае глобальные проблемы трансформируются в угрозы национальной безопасности, воспроизводству и качеству жизни населения, политическому и духовному суверенитету, а проблема социального идеала становится поиском и воплощением идеала национально-культурного.

Философская экспертная практика должна максимально внимательно отнестись к проблеме своих аксиологических оснований и идеалов, ибо, в

конечном счете, именно выдвигание адекватных современности (прежде всего, современным вызовам) ценностей обеспечит философской экспертизе принципиальную успешность. «Размытость» социального идеала и не(до)понимание значимости цивилизационной уникальности вследствие ценностного «раскола» научного и философского сообщества, «эмбриональности» национально-государственной идеи и стратегии цивилизационного развития приводит к тому, что в некоторых вышеупомянутых работах отсутствуют конкретные параметры философской экспертизы, критерии экспертной оценки (это несколько снижает их теоретическую и практическую ценность). Вместе с тем, именно в рамках социального идеала, к которому сознательно или подсознательно тяготеет большинство российского общества, возможно выделить набор таких критериев. По мнению автора статьи, к ним уместно отнести основной перечень этических добродетелей, баланс прав и обязанностей (каждое новое право порождает обязанность и самоограничение), обеспечение реального равенства возможностей, гуманистический идеал, т. е. способствование всестороннему – нравственному, интеллектуальному, физическому – развитию каждого гражданина, социальной солидарности (недопущение атомизации).

Таким образом, эволюция философии, обусловленная ходом глобальной социальной трансформации, вплотную подошла к «точке бифуркации» – моменту выбора между методологическими стратегиями псевдорациональности и экспертности.

Псевдорациональность как методологическая система генерации и поддержки гиперреальности, явившаяся результатом сконструированного синтеза ряда черт различных форм и видов вненаучной рациональности, реализующаяся как в сциентистском, так и антисциентистском вариантах и в формах лженауки и пост(лже)философии, представляет собой соединение принципов и приемов софистичности, абсолютного отказа от объективности, псевдологичности, антиномичности постулатов, неадекватной интерпретации культурно-исторических фактов и явлений, дискурса постправды, подмены значения понятий (смысловой эквилибристики). В рамках новейших модификаций постиндустриалистской теоретической социологии систематическое использование методологических принципов псевдорациональности и вытекающих отсюда манипулятивных методик позволяет размывать, нивелировать и менять ценностные установки и принципы, внедрять убеждения о позитивности и неизбежности тоталитарной социальной атомизации, киборгизации человека и перехода (квази)сословного неравенства в технобиологическое, порнофикации сознания и культуры (превращения телесного и душевного эксгибиционизма в идеальный, а в ближайшей перспективе – обязательный образец и стиль поведения), перманентной социальной неустойчивости, деградации системообразующих социальных институтов, кризиса национально-государственного суверенитета.

Философская экспертиза, развертываемая в ходе прямого соотнесения техногенного тренда с глобализацией, а гуманитарной оценки – с практическими действиями за социальную справедливость, предполагает

наличие взаимосвязанных и обуславливающих друг друга направлений: *формального и неформального, индивидуального и коллективного*. В принципе, ее может проводить один человек, обладающий соответствующими знаниями и способностью к критически взвешенному обобщению результатов. Однако в норме – это совместная деятельность многих людей в рамках определенной структуры (организации) или спонтанно возникающая и самоорганизующаяся деятельность *этически ответственных* мыслителей.

Исходная ценность философской экспертизы состоит в том, что она обращается к разуму (в том числе коллективному), чувству собственного достоинства людей, которые не должны быть рабами техники, живущими в потребительском преклонении перед ней, а равно и вечном страхе того, что техника как-то несанкционированно воздействует на них. Реализация философской экспертизы как обязательного этапа и условия легализации управленческих решений, касающихся основных сфер социально-гуманитарного бытия, выступает важнейшим инструментом преодоления в сознании власти грубого технологического детерминизма, основанного на тезисе об абсолютно имманентной логике технического прогресса, целиком и полностью определяющего социальное развитие без воли человека, а также готовности капитулировать перед глобальным расчеловечиванием. *Основополагающая, руководящая* ценность философской экспертизы связана с ее направленностью на лишение техногенного тренда статуса главного субъекта социально-гуманитарной эволюции. *Итоговая* цель философской экспертизы – *обеспечить общественным руководством и пониманием процессы в области техногенной реальности*. Соответственно, все характерные составляющие феномена техногенного тренда выступают предметом философско-экспертного внимания и критики. Отсюда, к примеру, органично вытекает и общая критика высокого темпа научно-технических изменений, и обоснованное согласие с идеей своеобразной «презумпции виновности» серьезных качественных новаций.

В рамках философской экспертизы обязательно должны разрабатываться положительные идеи и практики, составляющие основу движения и саму реальность нового общественного бытия. Примерами необходимого здесь качества называют экологические идеи, концепцию благоговения перед жизнью А. Швейцера, идеи древневосточной философии [см.: 18, с. 676–697]. Вообще, к ним могут принадлежать все представления о первостепенной важности духовного, культурного развития.

Реализация философской экспертизы превращает философское сообщество из объекта манипуляции, инструмента обслуживания идеологий и сомнительных парадигмальных установок в полноценного субъекта социального управления на локальном и глобальном уровнях. При этом философ становится эталоном гражданственности в качестве носителя нравственного долга и ответственности перед собственным национально-государственным сообществом и человечеством, готовности отстаивать и защищать их права и интересы. Философская экспертиза, формируя основания рационального выбора, возвращает в социально-гуманитарное познание и

управление системный подход, позволяет адекватно интерпретировать информационные и социальные процессы, предотвратить нивелирование нравственных установок и принципов, преодолеть перманентную социальную неустойчивость, обеспечить многополярность будущей мировой цивилизации.

Список литературы

1. Бехманн Г., Горохов В. Г. Социально-философские и методологические проблемы обращения с технологическими рисками в современном обществе // Вопросы философии. – 2012. – № 7. – С. 120–132.
2. Брикмон Ж., Сокал А. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. – 248 с.
3. Воронин А. А. Гуманитарная экспертиза: опыт исследования и проблемы // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7. – М.: ИФРАН, 2013. – С. 87–112.
4. Горина А. В. Научная и философско-антропологическая экспертизы: тождество и различия // Омский научный вестник. – 2011. – № 5 (101). – С. 115–118.
5. Горина А. В. Философско-антропологическая экспертиза как социокультурная технология: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. – Омск, 2012. – 19 с.
6. Делёз Ж. Ницше. – СПб.: Аxiоma, 2001. – 184 с.
7. Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – М.: МГУ, 2009. – 744 с.
8. Исторические типы рациональности / отв. ред. В. А. Лекторский. – Т. 1. – М.: ИФРАН, 1995. – 350 с.
9. Касториadis К. Воображаемое установление общества в современном мире. – М.: Гнозис; Логос, 2003. – 480 с.
10. Картунов В. В., Шкелета В. О. К вопросу о философско-культурологическом обосновании гуманитарной экспертизы социально-политических процессов // Сервис PLUS. – 2014. – Т. 8. – № 4. – С. 9–14.
11. Кутырёв В. А. Бытие или ничто. – СПб.: Алетейя, 2009. – 496 с.
12. Кутырёв В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. – Н. Новгород: Нижний Новгород, 1994. – 200 с.
13. Кутырёв В. А. Философия постмодернизма. – Н. Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. – 95 с.
14. Луков В. А. От экспертизы социальной к гуманитарной экспертизе // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 114–118.
15. Митчем К. Что такое философия техники? – М.: Аспект Пресс, 1995. – 149 с.
16. Рапп Ф. Философия техники: обзор // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 24–53.
17. Саймон Г. Науки об искусственном. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
18. Стёпин В. С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

19. Сыров В. Н. Философская экспертиза: от метафоры к понятию // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. Вып. 1 (4). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2013. – С. 125–137.

20. Тищенко П. Д. Конструирование человека как ре-де-кон-струирование // Конструирование человека: сборник трудов III Всероссийской научной конференции с международным участием. – Томск: ТГПУ, 2009. – С. 24–28.

21. Тищенко П. Д. Философские основания гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 3. – С. 198–205.

22. Философия как экспертиза // Философский журнал. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 79–96.

References

1. Bechmann G., Gorokhov V. G. Social-Philosophical and Methodological Problems of Managing the Risks in Modern Society [Sotsialno-filosofskie i metodologicheskie problemy obrascheniya s tekhnologicheskimi riskami v sovremennom obschestve]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2012, № 7, pp. 120–132.

2. Bricmont J., Sokal A. D. Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals' Abuse of Science [*Intellektualnye ulovki. Kritika sovremennoy filosofii postmoderna*]. Moscow, Dom intellektualnoy knigi, 2002, 248 p.

3. Voronin A. A. Humanitarian Expertise: Research Experience and Problems [Gumanitarnaya ekspertiza: opyt issledovaniya i problemy]. *Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza. Vyp. 7* (Bioethics and Humanitarian Expertise. Vol. 7), Moscow, IFRAN, 2013, pp. 87–112.

4. Gorina A. V. Scientific and Philosophical-Anthropological Expertise: Identity and Differences [Nauchnaya i filosofsko-antropologicheskaya ekspertiza: tozhdestvo i razlichiya]. *Omskiy nauchnyy vestnik* (Omsk Scientific Bulletin), 2011, № 5 (101), pp. 115–118.

5. Gorina A. V. Philosophical-Anthropological Expertise as a Sociocultural Technology: Abstract of the Thesis for the PhD Degree (Philosophy) [*Filosofsko-antropologicheskaya ekspertiza kak sotsiokulturnaya tekhnologiya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*]. Omsk, 2012, 19 p.

6. Deleuze G. Nietzsche [*Nitsshe*]. St. Petersburg, Axioma, 2001, 184 p.

7. Dugin A. G. Post-Philosophy. Three Paradigms in the History of Thought [*Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli*]. Moscow, MGU, 2009, 744 p.

8. Lektorskiy V. A. (Ed.) Historical Types of Rationality. Vol. 1. [*Istoricheskie tipy racionalnosti. Tom 1*]. Moscow, IFRAN, 1995, 350 p.

9. Castoriadis C. Imaginary Establishment of Society in the Modern World [*Voobrazhaemoe ustanovlenie obschestva v sovremennom mire*]. Moscow, Gnosis; Logos, 2003, 480 p.

10. Kortunov V. V., Skeleta V. O. To the Question of Philosophical-Cultural Justification of Humanitarian Examination of Social-Political Processes [K voprosu o filosofsko-kulturologicheskom obosnovanii gumanitarnoy ekspertizy sotsialno-

politicheskikh protsessov]. *Servis PLUS* (Service PLUS), 2014, Vol. 8, № 4, pp. 9–14.

11. Kutyrev V. A. Being or Nothing [*Bytiye ili nichto*]. St. Petersburg, Aleteya, 2009, 496 p.

12. Kutyrev V. A. Natural and Artificial: The Struggle of the Worlds [*Estestvennoe i iskusstvennoe: borba mirov*]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, 1994, 200 p.

13. Kutyrev V. A. Philosophy of Postmodernism [*Filosofiya postmodernizma*]. Nizhny Novgorod, Izdatelstvo Volgo-Vyatskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby, 2006, 95 p.

14. Lukov V. A. From Social Expertise to Humanitarian Expertise [Ot ekspertizy sotsialnoy k gumanitarnoy ekspertize]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* (Knowledge. Understanding. Skill), 2012, № 2, pp. 114–118.

15. Mitcham C. What is the Philosophy of Technology? [*Chto takoe filosofiya tekhniki?*]. Moscow, Aspect Press, 1995, 149 p.

16. Rapp F. Philosophy of Technology: Review [Filosofiya tekhniki: obzor]. *Filosofiya tekhniki v FRG* (The Philosophy of Technology in Germany). Moscow, Progress, 1989, pp. 24–53.

17. Simon A. The Science of the Artificial [*Nauki ob iskusstvennom*]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 144 p.

18. Stepin V. S. Theoretical Knowledge [*Teoreticheskoe znanie*]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2003, 744 p.

19. Syrov V. N. Philosophical Expertise: From Metaphor to Concept [Filosofskaya ekspertiza: ot metafory k ponyatiyu]. *Filosofskoe obrazovanie: Vestnik Assotsiatsii filosofskikh fakultetov i otdeleniy. Vyp. 1 (4)* (Philosophical Education: Bulletin of the Association of Philosophical Faculties and Departments. Vol. 1 (4)), Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2013, pp. 125–137.

20. Tischenko P. D. Human Construction as Re-de-con-struction [Konstruirovaniye cheloveka kak re-de-kon-struirovaniye]. *Konstruirovaniye cheloveka: sbornik trudov III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (Human Construction: Proceedings of the III All-Russian Scientific Conference with International Participation), Tomsk, TGPU, 2009, pp. 24–28.

21. Tischenko P. D. Philosophical Foundations of Humanitarian Expertise [Filosofskiye osnovaniya gumanitarnoy ekspertizy]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* (Knowledge. Understanding. Skill), 2008, № 3, pp. 198–205.

22. Philosophy as an Expertise [Filosofiya kak ekspertiza]. *Filosofskiy zhurnal* (Philosophical Journal), 2017, № 2, pp. 79–96.

УДК 101.1:376

Креативность как составляющая развития западной модели образования*

Боровинская Дарья Николаевна – бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет», кафедра социально-гуманитарного образования, доцент, кандидат философских наук, доцент, Сургут, Россия.

Email: sweetharddk@mail.ru

628400, Россия, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2, тел.: +7 (922) 650-47-16.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Сторонники теории постиндустриального общества отмечают, что залогом современного общественного прогресса служит быстрое технологическое развитие, основанное на превращении науки в непосредственную производительную силу, а мерой такого прогресса выступает становление всесторонне развитой личности и развертывание её уникальных способностей, связанных с креативностью.

Результаты: Сегодняшние трансформации, в отличие от предыдущих периодов развития общества, заключаются в акцентированном сдвиге к экономической и социальной системе, основанной на креативности, широком потоке информации и активной деятельности человека. Исходя из тех изменений, которые произошли в последние десятилетия, к числу актуальных характеристик образа студента следует отнести креативность и информативность как специфические характеристики, позволяющие соответствовать духу времени, отвечать на вызовы современности. Выделенные качества в практическом их преломлении являются источником новых технологий, нового преуспевания и многих экономических и социальных благ, поэтому и ценность их ощутимо возрастает.

Область применения результатов: Предложенный обзор актуальных западных точек зрения на развитие современного общества в условиях ожесточённой конкуренции позволяет выделить основные траектории развития современной модели образования.

Выводы: Главным действующим лицом в информационном обществе становится профессионал с разнообразным набором компетенций, образование и опыт которого позволяют ему отвечать требованиям, предъявляемым современностью. Конкурентное преимущество такого специалиста – это умение своевременно выходить из зоны комфорта, мыслить нестандартно, вне шаблона, и, конечно, умение решать жизненно важные задачи.

---

* © Д. Н. Боровинская, 2019.

Ключевые слова: креативность; человеческий капитал; экономический рост; конкурентоспособность; компетенции; образ студента.

Creativity as a Component of the Development of the Western Education Model

Borovinskaya Daria Nikolaevna – Surgut State Pedagogical University, department of social and humanitarian education, associate professor, PhD, Surgut, Russia.

Email: sweetharddk@mail.ru.

10/2, 50 let VLKSM st., Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Tyumen Region, 628400, Russia, tel.: +7 (922) 650-47-16.

Abstract

Background: Proponents of the theory of post-industrial society point out that rapid technological development based on the transformation of science into a direct productive force is the key to modern social progress, and the formation of a comprehensively developed personality and evolution of their unique abilities related to creativity serves as a measure of such progress.

Results: Contemporary transformations, unlike in the previous periods of society development, consist in an accentuated shift towards the economic and social system based on creativity, a wide flow of information and constant human activity. Based on the changes that have occurred in recent decades, creativity and informativeness should be referred to as actual characteristics of the student's image. They are specific characteristics that allow them to conform to the spirit of the time and meet the challenges of modernity. The qualities mentioned above in their practical use are the source of new technologies, new prosperity, and many economic and social benefits, therefore their value increases significantly.

Implications: The proposed review of current western perspectives on the development of modern society in the face of fierce competition makes it possible to identify some trajectories of the development of the modern education model.

Conclusion: The professional with a diverse set of competences, whose education and experience enable them to meet the requirements of modernity, becomes the main actor in information society. The competitive advantage of such a specialist is the ability to leave the comfort zone in good time, to think outside the box and develop creative solutions.

Keywords: creativity; human capital; economic growth; competitiveness; competence; image of the student.

Проблема креативности находится в центре внимания многих учёных на протяжении длительного времени. Возможности развития уникальных способностей, связанных с креативностью, являются предметом растущего интереса философов, психологов, социологов и экономистов.

Креативность как специфическая характеристика человека позволяет соответствовать духу времени, адекватно отвечать на вызовы современности. В условиях массового потребления приоритет отводится сфере услуг, где главным действующим лицом становится профессионал, образование и опыт которого позволяют ему отвечать требованиям, предъявляемым современным обществом. Конкурентное преимущество такого специалиста – это умение своевременно выходить из зоны комфорта, мыслить нестандартно, вне шаблона, и, конечно, умение решать сложные задачи.

В эпоху жёсткой конкурентной борьбы успеха достигает тот, кто развивает свой творческий потенциал независимо от сфер деятельности. Обладая такими способностями, как скорость анализа и актуализации информации, быстрая переключаемость внимания, умственная работоспособность, развитое чувство проницательности (интуиции), рискованность (готовность пойти на риск), высокий уровень толерантности, пытливость ума, высокая степень устойчивости к изменениям, интерес к новизне реализуемых проектов креативные люди находятся в более выгодном положении по сравнению с работниками тех сфер, где не требуется высокая степень креативного мышления.

С другой стороны, креативность даёт человеку возможность почувствовать некоторую «свободу» посредством самоопределения и самоидентификации. Креативность проникает в нашу жизнь повсеместно, и примеров тут множество. Это и музыкальные произведения, и хореографические постановки, и научные теории, и концепции, и скульптуры, и картины, и различные модели коммуникаторов, планшетных компьютеров и многое другое. Креативность является «масштабной и непрерывной практикой» [4], с течением времени появляются всё новые формы, применяемые в технологической, экологической, экономической, социально-политической, духовной сферах. Популярным стало проведение исследований и разработок в различных областях деятельности человека.

Стремление к индивидуальному своеобразию и самоутверждению позволяет креативным людям самим формировать собственный образ жизни: выбирать интересную и (или) любимую работу, определять условия труда, разнообразно и с удовольствием проводить досуг. И, в конце концов, задавать актуальные нормы сегодняшнего дня, которые существенно отличаются от тех, которые преобладали ранее. Креативность может способствовать и проявлению самого глубинного сущностного качества человека, которое, по мнению В. Н. Сагатовского, заключается в способности при любых условиях принимать собственное решение, делать определяющий выбор и творчески дополнять бытие. Стремление к достижению внутреннего удовлетворения становится движущей силой креативных людей.

В своё время К. Маркс признавал активный деятельностный характер «человеческого начала» истории, его творческую роль в историческом процессе. Он утверждал, что вне деятельности человека нет ни общества, ни истории, ни самого человека. В «Немецкой идеологии» читаем: «Первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование

живых человеческих индивидов. Поэтому первый акт, который подлежит констатированию, – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе... Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самоё свою материальную жизнь» [3, с. 19]. Именно в деятельности проявляются и опредмечиваются сущностные силы индивидуума.

Человек, согласно теории К. Маркса, представал существом «созидающим», «творящим». Человек – это не просто исходный неотъемлемый элемент общества, без которого оно не может существовать, но и, вместе с тем, полномочный и единственный творец последнего на базе деятельного использования соответствующих объективно-исторических предпосылок. Выделяя так называемую эпоху «*ökonomische Gesellschaftsformation*», К. Маркс полагал, что главной её чертой является именно экономический характер жизнедеятельности общества, то есть такой способ взаимодействия между членами социума, который определяется не религиозными, нравственными или политическими, а, в первую очередь, хозяйственными, экономическими факторами. В своей работе «Тезисы о Фейербахе» К. Маркс определяет сущность человека, которая, по его словам, не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. «В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [5, с. 58].

По мнению Маркса, западная модель общественного развития должна была определить будущее человечества, так как она, в отличие от других цивилизаций, построена на принципах рациональности.

Сегодня экономические концепции становятся призмой, через которую изучаются, в частности, культура и культурные индустрии, креативные индустрии [см.: 2, с. 48.]. Креативность всё чаще соотносится с экономическим сознанием человека, его хозяйственной деятельностью. «Формирование современного представления о креативности – это процесс, обусловленный сущностным характером структурных трансформаций в обществе, проистекающих из меняющейся природы экономики и социальной сферы. Стремление к получению прибыли, удовлетворению потребностей и интересов провоцирует рациональное, осмысленное поведение людей в пользу экономически выгодного положения. Это, в свою очередь, обуславливает развитие и доминирование экономической составляющей феномена понятия “креативность”» [1, с. 68].

Ярким примером взаимосвязи креативности и экономического развития могут служить работы известного американского социолога Р. Флориды [см.: 6]. В своём исследовании он использует структурные уравнения и аналитические модели, позволяющие более полно раскрыть данный вопрос, а также выделить и охарактеризовать основные факторы, влияющие на концентрацию креативного класса и человеческого капитала на региональном уровне. Это так называемые «3 ‘Т’ экономического развития» – такие факторы, как технология, талант и толерантность. По мнению многих экономистов, ввиду того, что талант определяет экономический рост, важно понять, что обуславливает его географию.

В зарубежной литературе представлены три точки зрения на эту проблему. *Первый подход*, предложенный Э. Глейзером [см.: 8] и его коллегами, заключается в том, что человеческий капитал формируется в регионах за счёт исходных, уже имеющихся преимуществ. Сторонники данного подхода полагают, что именно университеты, исполняя основную функцию в сферах производства человеческого капитала и его распределения, играют ключевую роль в наборе исходных преимуществ.

Безусловно, университеты являются ядром креативности, так как, с точки зрения Р. Флориды, выступают центрами передовых технологий, обладают неоспоримым свойством притягивать талантливых людей, а также способствуют созданию прогрессивного, открытого и благоприятного человеческого климата, способствующего привлечению членов креативного класса. Однако только лишь одной высшей образовательной школе не по силам создать набор таких преимуществ. «Окружающее сообщество должно обладать способностью усваивать и использовать инновации, генерируемые университетом, а также способствовать обеспечению удобств и качества места, желательных для представителей креативного класса» [4, с. 319–320]. Не следует забывать и о высокой мобильности квалифицированных и образованных людей – как в отдельно взятой стране, так и за её пределами.

В рамках *второго подхода* утверждается, что именно разнообразие услуг способствует привлечению и удержанию талантливых людей. Тогда как представители *третьего подхода* полагают, что на уровень и географическое распределение человеческого капитала влияют в первую очередь лояльность и открытость. По мнению американского экономиста М. Ноlanda, терпимое отношение к сексуальным меньшинствам, например, способствует положительному развитию экономической активности.

В качестве основных способов мотивации и управления креативностью зарубежные специалисты, апеллируя параметрами креативной экономики, выделяют такие, как ужесточение сроков, намеренное создание стрессовых ситуаций, вызывающих нестабильность, внимательное отношение к сотрудникам и их потребностям, постановка перед исполнителями сложных проблем, формирование открытых студий, офисов, работающих на проектной основе (университетские лаборатории, художественные студии).

«Креативность стала движущей силой экономического роста. Возможность конкурировать и преуспевать в условиях глобальной экономики выходит за рамки торговли товарами и услугами, потоков капиталов и инвестиций. Вместо этого она всё больше превращается в возможность стран привлекать, удерживать креативных людей, а также способствовать их развитию» [7, р. 5]. Соединённые Штаты Америки являются мировым лидером по привлечению лучших специалистов в различных областях. Ряд стран – такие, как Швеция, Финляндия, Нидерланды, Дания, Бельгия, Ирландия – имея особые конкурентные преимущества, вкладывают средства в развитие креативного потенциала специалистов, привлекаемых из других стран. Креативность – это актив, который постоянно должен культивироваться и обновляться. В свою

очередь, изменения в формах и содержании высшего образования всё чаще ориентированы на развитие этого актива.

Погоня за новыми знаниями – неотъемлемая черта современного хозяйства. Поскольку информационные ресурсы обладают весьма специфическим свойством воспроизводимости и могут эффективно использоваться далеко не всеми субъектами производства, пропорции обмена благ в «постэкономическом» обществе в большой мере определяются таким параметром, как редкость – редкость продукта, редкость способностей к обработке информации, редкость знаний, редкость оптимального сочетания традиционных и новых факторов производства.

Массированное внедрение информационных технологий увеличивает спрос на специальности, требующие определённой квалификации, образования, основанного на умении креативно мыслить. Экономика всё больше становится зависимой от знаний.

Вместе с тем, глубокие изменения, произошедшие и происходящие в развитии средств коммуникации, глобализации информационных потоков, накладывают неоднозначный отпечаток на формирование такого качества человека, как информативность.

Постоянное усвоение и генерирование информации является важнейшей составляющей современной жизни. Формирующееся сегодня общество – это, скорее, не общество профессионалов (здесь совершенно прав Ф. Вебстер, отмечая, что увеличивающееся число профессионалов, каким бы впечатляющим оно ни было, не может служить достаточно веским основанием для вывода о наступлении новой эпохи), а общество инноваторов.

Сегодняшние трансформации, в отличие от предыдущих периодов развития общества, заключаются в акцентированном сдвиге к экономической и социальной системе, основанной на креативности, широком потоке информации и активной деятельности человека.

Исходя из тех изменений, которые произошли в последние десятилетия, к числу актуальных характеристик образа студента, отвечающих вызовам современности, следует отнести *креативность* и *информативность*.

Выделенные качества в практическом их преломлении являются источником новых технологий, нового преуспевания и многих экономических и социальных благ, поэтому и ценность их ощутимо возрастает.

В процессе поступательного развития общества нередки и противоречия, устранение которых способствует качественному изменению и совершенствованию окружающего нас мира. Присущие студенту положительные характеристики могут и должны стать залогом успешного их разрешения. Сегодня то, что прежде считалось непоколебимым, зачастую становится уже неприемлемым. Условия нашей текущей жизни таковы, что мы в большинстве своём должны стремиться ко всё большему проявлению креативных качеств, чтобы перерабатывать, интерпретировать и впитывать ежемоментно поступающую информацию. При этом неизбежно возникают трудности, обусловленные активной и напряжённой работой сознания. Внутренние потребности носителя креативности и внешние обстоятельства уже

изначально нередко бывают антагонистичны, но именно их наличие накладывает клише на общественное развитие. А смена этих отпечатков свидетельствует о высокой жизнеспособности общества.

Список литературы

1. Боровинская Д. Н., Захарова Л. Н. Концептуальное представление о креативности: материалистический взгляд // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 10. – С. 62–69.
2. Боровинская Д. Н. Экономические и культурные основания креативности // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 388. – С. 47–53. DOI: 10.17223/15617793/388/8.
3. Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 7–544.
4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2005. – 421 с.
5. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. – М.: Политиздат, 1977. – 71 с.
6. Florida R., Mellander C. The Creative Class or Human Capital? Explaining Regional Development in Sweden. – Toronto.: The Martin Prosperity Institute at The Joseph L. Rotman School of Management, University of Toronto, 2006. – 39 p.
7. Florida R., Tinagli I. Europe in the Creative Age. – Pittsburgh.: Carnegie Mellon Software Industry Center Funding Provided by the Alfred P. Sloan Foundation, Co-Published in Europe with Demos, 2004. – 48 p.
8. Glaeser E. L., Kolko J., Saiz A. Consumer City // Journal of Economic Geography. – 2001. – № 1. – pp. 27–50.

References

1. Borovinskaya D. N., Zakharova L. N. Conceptual Understanding of Creativity: The Materialistic View [Kontseptualnoe predstavlenie o kreativnosti: materialisticheskiy vzglyad]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* (Socio-Humanitarian Knowledge), 2017, № 10, pp. 62–69.
2. Borovinskaya D. N. Economic and Cultural Bases of Creativity [Ekonomicheskie i kulturnye osnovaniya kreativnosti]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* (Tomsk State University Journal), 2014, № 388, pp. 47–53. DOI: 10.17223/15617793/388/8.
3. Marx K. The German Ideology [Nemetskaya ideologiya]. *Sochineniya. Izd. 2. T. 3* (Collected Works. Ed. 2. Vol. 3). Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1955, pp. 7–544.
4. Florida R. The Rise of the Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life [*Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushee*]. Moscow, Klassika-XXI, 2005, 430 p.
5. Engels F. Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy [*Lyudvig Feyerbakh i konets klassicheskoy nemetskoy filosofii*]. Moscow, Politizdat, 1977, 71 p.

6. Florida R., Mellander C. *The Creative Class or Human Capital? Explaining Regional Development in Sweden*. Toronto, The Martin Prosperity Institute at The Joseph L. Rotman School of Management, University of Toronto, 2006, 39 p.

7. Florida R., Tinagli I. *Europe in the Creative Age*. Pittsburgh, Carnegie Mellon Software Industry Center Funding Provided by the Alfred P. Sloan Foundation, Co-Published in Europe with Demos, 2004, 48 p.

8. Glaeser E. L., Kolko J., Saiz A. Consumer City. *Journal of Economic Geography*, 2001, № 1, pp. 27–50.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 31.48.26

Политика и геополитика в информационном обществе*

Тимощук Алексей Станиславович – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, профессор, доктор философских наук, доцент, Владимир, Россия.

Email: human@vui.vladinfo.ru

600020, г. Владимир, ул. Б. Нижегородская, д. 67-е,
тел.: +7-4922-45-44-75.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Мы живем в мире нарастающей сложности. В результате применения новейших информационных технологий социокультурная динамика и способы разрешения конфликтов в постиндустриальном обществе значительно изменяются.

Результаты: Параметры нового общества определяются множеством факторов, среди которых можно выделить наиболее явные: 1) научная, информационная, экономическая, юридическая и криминальная глобализация, 2) растущая роль информации и деонтологизация товарно-денежных отношений, 3) увеличение уровня сложности и рискогенности общества, 4) становление техносферы как новой области отношений. Поколение Y (миллениалы) ждёт комфорта от жизни, им трудно адаптироваться к старым институтам труда. При этом и поколение Y, и всех миллиардеров – создателей IT технологий объединяет цифровой либерализм и уверенность в необходимости расширения Интернета без границ и анонимных коммуникаций, что очень на руку террористическим группам, торговцам наркотиками и иным преступникам.

Выводы: Терроризм и экстремизм представляют собой новый уровень глобальной и национальной угрозы. В этой связи третье поколение прав и свобод, включающее тайну переписки (коммуникации), вполне может быть пересмотрено в пользу безопасности.

Ключевые слова: информационные технологии; информационное общество; модернизация; геополитика; противодействие терроризму.

---

* © А. С. Тимощук, 2019.

Politics and Geopolitics in Information Society

Timoschuk Alexey Stanislavovich – Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Professor, Doctor of Philosophy, Vladimir, Russia.

Email: human@vui.vladinfo.ru

67th, B. Nizhegorodskaya st., Vladimir, 600020, Russia,

tel.: + 7-4922-45-44-75.

Abstract

Background: We live in a world of increasing complexity. Due to the use of the latest information technologies, sociocultural dynamics and ways of resolving conflicts in post-industrial society have changed significantly.

Results: The parameters of this new society are determined by many factors. The most obvious ones are as follows: 1) scientific, informational, economic, legal and criminal globalization, 2) the growing role of information and deontologization of commodity-money relations, 3) an increase in the level of complexity and riskiness of society, 4) the formation of the techno-sphere as a new area of relations. Generation Y (millennials) wants to live in comfort, it is difficult for them to adapt to the old labor institutions. At the same time, generation Y and all billionaires of IT technologies are united by the idea of digital liberalism and confidence in the need to expand the Internet without borders and anonymous communications, which is very good for terrorist groups, drug dealers and other criminals.

Conclusion: Terrorism and extremism represent a new level of global and national threat. In this regard, the third generation of rights and freedoms, including the secret of correspondence (communication), may be revised in favor of security.

Keywords: information technologies; information society; modernization; geopolitics; actions against terrorism.

Начало XXI века было ознаменовано дерзкими террористическими актами против государства. После ответа правоохранительных органов террористы переключились на более доступные цели – школы, места отдыха, транспорт. Известно, что экстремизм и терроризм часто связаны с иной преступной деятельностью – преступлениями против государства, мошенничеством, торговлей оружием и др. В Северной Америке наркокартели финансируют террористов, поскольку обе стороны заинтересованы в нарушении иммиграционного законодательства. Из этого следует, что общее усиление контроля любой преступности благоприятно сказывается на снижении опасности терроризма и экстремизма. Поэтому стратегия противодействия терроризму включает в себя несколько направлений деятельности:

- просвещение,
- борьба с безработицей и справедливое распределении доходов,
- усиление правоохранительных органов.

Тюремное заключение часто предоставляет для экстремистов расширенные возможности по радикализации других осуждённых, поэтому

особое внимание должно быть уделено контролю осуждённых за терроризм в тюрьме.

Террористы и экстремисты несут долгосрочную угрозу обществу. Они характеризуются как не контактные среди уголовной среды тюрем, образуют свои неформальные сообщества по национальному и религиозному признаку. «Как показывают опросы, полностью отрицают свою вину более 30 % и не сожалеют о содеянном около 70 % преступников-террористов. Отчасти это объясняется тем, что в отличие от “обычных” убийц, террористы совершают насилие в отношении не “своих”, а “чужих” или чуждых, которых они ненавидят как представителей иной культуры (нации, религии)» [1, с. 12].

Без единого понимания терроризма в одном государстве, регионе, во всём мире борьба с ним будет испытывать затруднения. У стран, которые затрагивает проблема терроризма, много расхождений по определению сущности экстремизма и терроризма, в этом заключается антиномия глобализации и тенденция к образованию национальных государств. Например, в Великобритании и США радикальные высказывания и призывы не осуждаются как экстремизм, а в России – да. Риторика терроризма используется в политическом конфликте на Украине. Россия не согласна с репрезентацией действий по урегулированию территориально-политических разногласий Украины с Луганской и Донецкой областями как антитеррористической операции.

Для эффективного глобального противодействия экстремизму и терроризму необходимо согласование различных юридических платформ. Казахстан, лидер по антитеррористическим инновациям в 2016 г., например, поступил следующим образом: за основу были взяты шанхайские соглашения о коллективной безопасности, затем принят Закон по противодействию экстремизму и терроризму, который включает обязательную регистрацию мигрантов, усиленный контроль за оборотом оружия, административную ответственность охранных структур и владельцев объектов, уязвимых в террористическом отношении. После этого был принят новый Уголовный кодекс и Гражданский кодекс. Все эти виды нормативно-правовых актов исходят из одного модельного закона с одним пониманием терроризма и экстремизма. Модельное законодательство является частью концепции комфортного законодательства или согласованного на всех уровнях, подготовленного заранее и принятого сразу вместо законодательства *ad hoc*. Несомненно, такая идея когерентного права, лишённого внутренних противоречий, прекрасна, но она разбивается о краеугольный камень антиномий, из которых соткана жизнь. Поэтому подобные планы «комфортного законодательства», «закона о правилах принятия всех законов» не реалистичны. Трезвое понимание неуправляемой динамики общественной жизни мы находим в англосаксонской системе права, вообще отказавшейся от кодификации норм и вменившей формулировку судебных решений в компетенцию эксперта.

В условиях кризиса больших нарративов закон берёт на себя функции метанаррации, создания единых ценностных требований. В традиционном обществе роль метанарративов выполняли священные писания, в царской

России – нарратив «православие, самодержавие, народность», в советском обществе – учение о коммунизме. Сегодня от них остались лишь винтажные и ретро наррации «великой династии Романовых», «великого советского прошлого». В условиях эксфолиации этноконфессиональных и иных нарративов возрастает потребность в государственной политике создания единого ценностно-смыслового пространства через образование, право, медиасферу.

Интернет представляет сегодня быстрый способ распространения идей и ресурсов терроризма и экстремизма. Соответственно, наша деятельность по противодействию насилию против граждан ради достижения политических целей должна учитывать все новые медиа.

Интернет как информационный ресурс и коммуникационная сеть может быть использован для осуществления преступной деятельности несколькими путями:

- распространение своего учения,
- радикализация последователей,
- выкладывание роликов с актами насилия – т. е. фото и видео отчётов о деятельности,
- сбор средств,
- вербовка новых членов.

Следует признать, что вся эта деятельность связана вместе и может называться стратегией диссеминации плевел терроризма и экстремизма. Формы могут варьировать: от производства видеоигр «убей неверного» до создания музыкальных клипов соответствующей тематики. Не всегда глобальная сеть используется для пропаганды напрямую, сегодня её активно используют скрыто, для корпоративных целей закрытой организации: как способ коммуникации (Skype, Viber, WhatsApp, Telegram), как инструмент передачи материалов (системы обмена файлов), электронная почта, закрытые сайты и группы в социальных сетях, как способ передачи сообщений, способ поиска информации в отношении жертв терроризма и экстремизма, процесс анонимной оплаты преступных услуг через криптовалюты. В этом смысле консервативный подход специалиста по кибербезопасности Е. В. Касперского, выступающего с инициативой паспортизации доступа в Интернет и ограничения информационных прав, выглядит совсем не ретроградным. Обеспечение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз позволяет говорить о необходимости регулирования права на Интернет.

И если медиа директор Герман Клименко после запрета Telegram в России предсказывает ему судьбу падающей звезды и рекомендует перейти на ICQ (проект Mail.ru Group), считая его полноценным мессенджером для обычного пользователя, то в его словах больше здравого смысла, нежели в хайповом позёрстве: «Советник президента по Интернету Герман Клименко посоветовал пользователям Telegram переходить на узелковое письмо». Не нужно бороться с государственной системой, с ней нужно сотрудничать.

Для выявления такого содержания необходимо взаимодействие телекоммуникационных провайдеров и правоохранительных органов. Последовательна в этом смысле инициатива Роскомтехнадзора обязать мессенджеры работать в России по договору с операторами связи и идентифицировать своих пользователей. Очевидно, что в условиях угрозы экстремизма и терроризма необходимо выводить из черных и серых зон любой телекоммуникационный обмен. В условиях, когда терроризм – это, в принципе, глубоко законспирированная деятельность, когда некоторые главари даже не притрагиваются к современным средствам связи, положить конец анонимности в Интернете, сделать весь контент проверяемым – это то небольшое, что государство может и обязано сделать.

OTT-сервисы (over the top – онлайн-сервисы, без лицензий работающие на сетях операторов связи), действительно, можно считать паразитами, уходящими от ответственности как за содержание сообщений, так и за отсутствие идентификации пользователей.

Особую сложность составляет выявление экстремистских дискурсов в социальных сетях, через которые идеи могут продвигаться в скрытой форме. В связи с этим требуется разработка новых областей знаний о социальных сетях: сетевое взаимодействие и глобальный порядок, сетевое общество и роль сети в революционной деятельности, управление сетевыми сообществами, методики и практики информационно-коммуникационных и сетевых технологий в области социального активизма и волонтерства, агитация и пропаганда в социальной сети, Интернет и экстремистская деятельность, теоретические и практические аспекты информационного права; актуальные вопросы виртуальной криминалистики.

Экстремистские дискурсы попадают на благодатную почву радикально настроенной молодежи. Именно они выступили движущей силой общественных трансформаций в Египте, Марокко, Украине.

Социальный портрет протестующей молодежи в провинции получен мной на основе наблюдения за студентами: обычно это обучающийся в платной группе из неблагополучной семьи, где чаще всего мать выбивается из сил, чтобы дать какое-то образование ребёнку. Поскольку она всегда на работе, у неё не было времени заниматься ребёнком в школе, делать с ним каждый день уроки, готовить к ЕГЭ. Чтобы не сдавать ЕГЭ, школьник идёт в колледж, как правило, платно, потому что не может набрать баллов и поступить на бюджетное место. Ребёнок впитывает беспросветное состояние постоянной нужды, слышит жалобы окружения на «чудо-страну Россию». Их злит Олимпиада, космическая программа, поддержка Крыма. Они носят подделки брендов и гордятся этим. Мечтают поехать в гламурный Лас-Вегас. Возмущаются, что в нефтежильной России не дают наличными доллары гражданам, как в нефтесосной Саудовской Аравии. И есть ответ, почему! «Всё украли медведуты! А Навальный, он всё вернёт! Он хороший человек. Он накажет всех врагов – банкиров, чиновников, продавцов». Конечно, это очень дешево и непрофессионально.

Это молодёжь, которая выросла на мифе о том, что в жизни всё так, как в Интернете, они впитали дух потребительской свободы, но так и не состоялись в жизни. Их праздник жизни укомплектован продуктами эконома класса из супермаркета.

Возможно, сходный типаж выходил на акции в Марокко и Египте, Ливии и Украине. Молодёжный фактор для геронтократии – довольно грозная вещь, если учитывать, что в обществе потребления вещей много, они нужны молодым людям сразу, а возможностей нет, и не предвидится.

Для сравнения, в соседней бюджетной группе не услышишь таких заявлений – «я не люблю эту страну», «для меня ничего не сделала эта страна», «я ничего не должен этой стране». Т. е. если родители занимались детьми, вложили в их образование, дети имеют перспективы развития, ценят то, что получают от государства и не идут на митинги несогласных.

Говорят, миллениалы политически пробудились, начался *youthquake*. Протест молодёжи – это не политическая проблема. Навальный не сможет помочь этому поколению неоварваров с гаджетами, как те на это рассчитывают, выходя на протестные акции. Скорее он есть кандидат от этого поколения Y (*next*, эхо-бумеры, миллениалы). Это люди скорости, быстрых изменений вкусов и доступности благ жизни. Они исполнены технологического оптимизма, им чужд упорный труд и аскеза. Поэтому их иногда называют поколение Питера Пэна: в условиях геронтократии им удобно в родительском доме, без брака и серьёзных обязательств.

Одна из особенностей современного социума – позднее взросление молодого поколения. Медицинский журнал *Lancet* предложил увеличить отроческий возраст в постиндустриальных странах до 24 лет и здесь важны, прежде всего, социальные причины. Самостоятельная жизнь, финансовая независимость, средний возраст вступления в брак – всё это происходит значительно позднее, нежели в 1973 г, как следует из показателей [см.: 4].

С этой точки зрения, доступность высшего образования – это необходимость постиндустриального общества, т. к. общество не может предложить приемлемые для молодых и амбициозных виды занятости.

Молодёжи нужна перспективная занятость. Когда-то аграрная цивилизация давала землю в качестве поприща или крестовые походы в качестве ристалища. Затем индустриальная цивилизация собирала народ на заводы. Постиндустриальная экономика генерировала услуги. Сегодня переизбыток и товаров, и услуг. И, одновременно, дефицит рабочих мест для молодёжи. Куда податься? В виртуальную матрицу или наёмником на войну? Дать доступные места в вузах, чтобы сохранить хотя бы какую-то часть молодёжи от безделья и социально опасных практик – это одна из обязанностей государства.

Людская масса слишком велика, чтобы каждому подогнать социальный лифт. Если в феодальном обществе они были бы вписаны в свою страту и не питали бы несбыточных надежд, в либеральной демократии безответственно внушается ложная идея: «ты можешь».

Поколение Y ждёт комфорта от жизни, им трудно адаптироваться к старым институтам труда. Если их родители были верны телевидению и радио, миллениалы – главные потребители и двигатели Ютуба, социальных сетей и чатов. Они также являются мотором движения сетевого самовыражения через игры, мемы, Интернет, флешмобы.

Однако телекоммуникационные технологии – это лишь одна из частей сложного эмерджентного мира, результат длительной эволюции аграрного, индустриального и сейчас постиндустриального мира. Интернет – это надстройка, интерфейсная суперсистема над таким базисом, как сельскохозяйственное и промышленное производство. Без надстройки общество выживет, а без базиса – нет. Более того, чтобы в сети было всё надёжно, моментально и уютно, над этим трудились и продолжают упорно работать миллионы людей.

С. Джобс, Б. Гейтс, М. Цукерберг, С. Брин, П. Дуров – это не только инноваторы, верующие в божество IT, они ещё большие социальные активисты-технократы. Их объединяет убеждённость в том, что социальный прогресс – это прогресс техники и технологий, широкоформатное восприятие медиа как мессии, который может улучшить мир.

Б. Гейтс, например, не только создал благотворительный фонд с 24 миллиардным долларовым капиталом, он лично заведует им, вместе с женой распределяет гранты, выбирает проекты, лично входит во все тонкости глобальных проблем перенаселения, распространения болезней, бедности. При этом он подходит к каждой мировой проблеме как социальный инженер, цифровые данные для него важнее идеологии.

М. Цукерберг анонсирует, что Интернет спасает жизнь! Он даёт образование, работу, медицинскую помощь, оказывает финансовые услуги. Марк верит, что широкополосный небесный доступ к Интернету в бедных странах Азии и Африки может помочь неграмотным крестьянам заключать сделки напрямую через его социальную сеть и вытаскивать их из нищеты. Свой вклад в улучшение мира он видит в том, чтобы помочь людям объединиться, развивать свой творческий потенциал через веб-технологии персонализированного обучения (рекомендательные алгоритмы, адаптация ресурсов под пользователя).

Филантропия мультимиллиардера Сергея Брина простирается на широкий спектр общественных вопросов: энергетика, продовольственная безопасность, окружающая среда, устойчивое развитие, старение. Он инвестирует в выращивание синтетического мяса, чтобы не убивать коров и не загрязнять атмосферу метаном от навоза, ведь сейчас порядка 30 % полезных земель используются как пастбища и лишь 4 % – для зерновых культур.

Создатель сети «ВКонтакте» и мессенджера «Telegram» Павел Дуров формулирует свою философию инновационизма следующим образом: простые законы, выборные судьи, экономическая автономия регионов, дестандартизация образования, дерегуляция общественных отношений, отмена НДС и снижение налогов. Эти небрежные, вольные рекомендации для

политиков Интернет-магнат выкладывает попутно, наслаждаясь налоговым раем оффшоров.

При этом всех миллиардеров IT технологий объединяет цифровой либерализм и уверенность в необходимости расширения Интернета без границ и анонимных коммуникаций, что очень на руку террористическим группам, торговцам наркотиков и иным преступникам.

Интернет – это не только спасение для постиндустриального человечества, но и паутина великих иллюзий. Для того, чтобы успешно пользоваться этим инструментом, человек должен быть социально успешен и свободен. У молодёжи, которая узнаёт о жизни по коротким оппозиционным роликам, рождается когнитивный диссонанс, почему в России не так, как в Швейцарии. Правительства во многих странах осознают необходимость остановить сетевую анархию, безответственность и анонимность. Наряду со свободой подключения должна быть и свобода отключения. Через сетевые медиа поддерживается слишком большое количество беззаконий: терроризм, экстремизм, педофилия, сбыт наркотиков, нацизм [см.: 2].

Интернет способствует не только прогрессу, но и дегуманизации общества. По уровню развитости чипов и процессоров наши смартфоны могут рассчитывать траекторию ракет в космосе, но по качеству обрабатываемой информации они порой зависают на весьма обыденном уровне развлечений и покупок.

Нести чушь с серьёзным лицом – это выдающееся искусство и техника. Интернет удовлетворяет потребности и в этом. Там можно найти глубокомысленные размышления о том, как пускать газы при любимом человеке и как это делать, если человек оказался не любимым.

Билл Тансер, исследователь Интернет-трафика, изложил глобальные тренды в Сети в своей книге «Что делают миллионы пользователей в Интернете и почему это имеет значение» [см.: 5]. Одно из его наблюдений: социальные сети и виртуальные технологии воплощают подсознательные патологии в вуайеризме и экибиционизме; социальное порно вытесняет физиологическое. Действительно, популярность сцен суицида в Перископе, некрофилии онлайн в ВК, групп колумбайнов и пр. позволяет говорить о компенсаторной функции Интернета для перверсий Homo sapiens. Тёмная сторона Сети – это порнография, насилие над детьми, brutальные сцены, криминальные группы.

Нельзя становится варварами с гаджетами – варварами, которые познакомились с историей России и современным политико-государственным устройством по роликам харизматичных сетевых риториков. Харизма – характерологическая вещь, как и юмор. Яценюк, Навальный, Кличко – весьма своеобразные харизматики для весьма специфической публики. Они находят друг друга – ведущий и ведомый, для достижения своих целей. При этом ведомые практически всегда остаются в проигрыше. Ролики блоггеров – это псевдообразовательные суррогаты. *Моё послание для молодёжи стабильно такое: не доверяйте никому, ищите истину сами.*

Терроризм и экстремизм представляют собой новый уровень глобальной и национальной угрозы. В этой связи третье поколение прав и свобод,

включающее тайну переписки (коммуникации), вполне может быть пересмотрено в пользу безопасности.

Дамоклов меч терроризма и экстремизма позволяет переосмыслить в целом подход к правам и свободам. Первое поколение – гражданские и политические возможности человека, были сформулированы в ходе буржуазно-демократических революций и борьбы за независимость США. Если в то время стоял вопрос о том, чтобы оградить гражданина от произвола монарха, сегодня перед государством стоят задачи расширения функций социального благосостояния и безопасности. Чтобы сегодня обеспечить гражданское (личное) право на жизнь человека, необходимо, в числе прочего, ограничить тайну коммуникации для контроля террористов и экстремистов.

Рискогенный характер технологической цивилизации подталкивает государство ограничивать ради целей безопасности от терроризма и экстремизма некоторые политические права (свободу мысли и слова, свободу информации, право на создание общественных объединений, право на проведение публичных мероприятий). В противном случае имеет место эксплуатация этих политических прав и свобод радикальными группами, эквилибрирующими на линии дозволенного и запрещённого, как это происходит в Европе.

Второе поколение прав, сформированные в результате II и III НТР, относятся к категории социальных и экономических (свобода передвижения, право на жилище, право на труд, право на приемлемый уровень жизни, право на предпринимательство, право на частную собственность, право на образование, медицинское обслуживание и многие другие социальные гарантии: пособия по случаю полной, частичной или временной утраты трудоспособности, право на пенсию, пособие по безработице и т. д.). Эти общественные блага имеют двойственное значение в борьбе с терроризмом. С одной стороны, законопослушные граждане естественно достойны пользоваться этими социально-экономическими достижениями. Вызывает негодование, что пособники терроризма, выступающие зачастую с лозунгами уничтожения ненавистных государств, при этом успешно пользуются государственными пособиями, бесплатной медицинской помощью и образованием.

Следует изучать опыт противодействия терроризму и экстремизму с использованием ограничений экономических прав:

- изъятие экономической инфраструктуры террористов и экстремистов (домов, складов, техники),
- санкции в отношении банков, финансовых организаций, предприятий, оказывающих пособничество в нелегальных и полулегальных операциях террористов и экстремистов,
- ограничение на свободу выезда за границу лицам, в отношении которых ведётся профилактический учёт по терроризму и экстремизму.

Третье поколение прав связано с международными процессами XX века, требованиями коллективной безопасности. Это солидарные права всех жителей земли – право на мир, право на сохранение природы, право на безопасность. Коллективное право на безопасность требует ограничения ряда

индивидуальных прав прошлых поколений в связи с резким ухудшением защищённости городов и жизненно важных технологических объектов. Общая эволюция государства и права, общественных отношений демонстрирует последовательную негоциацию института прав и свобод, историческую связь становления социального государства с его функциями безопасности и благосостояния и институтом гражданского общества. Сегодня фактически мы должны сформулировать четвёртое поколение прав и свобод или, можно сказать даже более корректно, четвёртую сборку прав и свобод, которые включают все гуманитарные достижения предыдущих поколений, рассматриваемых в свете глобальных угроз терроризма и экстремизма. Разработка современного понимания прав и свобод проходит в контексте приоритетной темы международного контроля организованной преступности, терроризма, экстремизма, эксплуатации детей. Правовой ответ угрозам XXI века даётся с учётом дальнейшего выживания человечества как биологического вида.

Сложность в идентификации и преследовании экстремистов, террористов и их пособников представляют не только техническая оснащённость, использование всех достижений НТР для преступных целей, но и эксплуатация первого поколения прав и свобод человека, которые создавались в других условиях для европейских стран. В условиях глобализации тема прав и свобод граждан используется в смешанной риторике, завуалировано, для прикрытия преступных целей.

Так, правоохранительные органы Великобритании долгое время не могли найти средства посадить за решётку проповедника А. Чоудари (Anjem Choudary), который последние 20 лет стоял с мегафоном в людных местах Лондона и выступал с идеями радикальной исламизации. Хотя его не пускали в мечети, в своей уличной проповеди, роликах в Ютубе, выступлениях на форумах он делал скандальные заявления: «Исламский флаг будет развеваться над Лондонстаном», «Мусульмане в Англии должны проповедовать идеи их веры, всё остальное – враждебно им». Только в июле 2016 г. его смогли осудить за открытый призыв поддерживать ИГИЛ. Вместе с Мухаммедом Рахманом он был осуждён на пять лет и шесть месяцев. Возможно, Чоудари сознательно много лет балансировал на грани законной деятельности, а сейчас перешёл эту линию для того, чтобы стать тюремным мучеником и обрести ещё большую силу. Специалисты, взаимодействующие с активистами джихада, указывают, что это люди с определённым виктимным психотипом. По некоторым оценкам, его экстремистская риторика убедила более чем сто человек встать на путь радикализма. Среди них были смертники Омар Шариф, Бруст Зиамани, Майкл Адеболоджо. При этом антитеррористический отдел Скотланд-ярда провёл колоссальную работу, проанализировав материал за 20 лет объёмом более 12 терабайт [см.: 3].

Чоудари родился в Англии, получил юридическое образование, его жена и четверо детей пользуются социальными благами общества развитого капитализма, в то время как глава семейства, обращённый в радикальный ислам Омар Бакри Мухаммедом, полевым командиром из Ливана, открыто выступает

в поддержку терактов 11 сентября 2001 г. в Нью Йорке и 1 июля 2005 г. в Лондоне. Чоудари провёл несколько школ по исламу в Великобритании, где, возможно, проводилась подготовка к боевым действиям. Организовав в 2008 г. радикальную группу «Islam4UK» (Ислам для Великобритании), Чоудари поставил цель убедить граждан страны в превосходстве шариата. Средства, которые были выбраны для этого, вызвали отвращение английского правительства, в частности, планы по проведению исламского шествия с пустыми гробами рядом с ветеранами боевых действий в горячих точках.

Исламский центр аль-Мухаджирун, созданный Чоудари, преследовал мусульман, продающих алкоголь в своих заведениях, угрожал им расправой по законам шариата, отрицая британскую юрисдикцию для мусульман.

Подобные методы используют германские салафиты Свен Лау (Абу Адам) и Пьер Фогель, которые обращают европейцев в ислам, вербуют в Сирию, действуя на грани немецких законов. Им удаётся привлечь к себе внимание, потому что в капиталистическом рыночном обществе от человека всегда требуют лучших результатов и лучшее достаётся немногим, а желание обладать социальными благами есть у всех. Салафитские организации дают молодёжи чувство принадлежности группе, альтернативу бургерскому быту; они стабилизируют их жизненные установки, дают ценности. Ранее так же действовали нацисты и левые радикалы. Садовники и фермеры редко становятся героями, разве что во Вселенной Толкина. Салафитское подполье хорошо адаптируется к европейскому рынку, оно чувствует спрос на чёткие и простые идеи для организации молодёжи. Плюс они дают сверхценности – жить в Халифате, получить рай. Буквальное толкование Корана востребовано простыми людьми, которые не хотят углубляться в теологию. Раньше простые пропозиции высказывали нацисты, сегодня – салафиты, которые предлагают лёгкий способ преодолеть клаустрофобию капитализма.

Фанатики-салафиты сеют раздор в обществе, рекрутируют террористов. Их последователи убеждены, что, взрывая мирных граждан в метро, они призывают божественное правление, ибо выступают против правительства, ведущего войну в Ираке и Сирии, оказывающего поддержку США и Израилю. Мюриды принимают клятву верности радикально понимаемому исламу, не считая себя гражданами той страны, от которой получают социальную защиту и блага.

Следует признать эффективной политику уничтожения фанатиков-боевиков. В этом случае закон должен разрешать преднамеренное убийства в том случае, если субъект является «непосредственной угрозой». В. В. Путин сформулировал этот способ: «мочить в сортире». Конечно, могут иметь место несчастные случаи, но они единичны. Так, радикальный проповедник Anwar al-Awlaki и его 16-летний сын были убиты в Южном Йемена с помощью БПЛА. При этом сын был убит по ошибке. Анвар аль-Авлаки, один из идеологов террористической сети «Аль-Каида», проходил обучение в лагере моджахедов в Афганистане, был наставником двум угонщикам самолётов в США, автор «44 способа поддерживать джихад». Он получил западное образование, долгое время пользовался гостеприимством США, был имамом мечетей в Денвере и

Сан-Диего. В своём блоге на английском языке он проповедовал ненависть к немусульманам (кафарам) и сострадание к убитым террористам, считая их мучениками. Он рекрутировал несколько террористов – Umar Farouk Abdulmutallab, Nidal Malik Hasan, Faisal Shahzad, которые слушали сначала его лекции в мечети, а затем смотрели видеовыступления в Интернете.

Не умаляя общественной опасности терроризма, следует указать на два аспекта проблемы. Во-первых, следует признать, что мы во многом выступаем заложниками медиа политики. Если брать насильственные преступления, то, по статистике, почти половина убийств вершатся, главным образом, нашими близкими в наших семьях. Подавляющее большинство насильственных преступлений совершается в сферах быта и досуга, мы входим в мировые лидеры и по количеству самоубийств, много нас погибает на дорогах, и миллионы не рождаются из-за аборт. На этом фоне в абсолютных цифрах терроризм не является проблемой № 1 для общества, однако из-за специфики современной информационной среды, ее «медийности», преступления террористической направленности вызывают шок у социума и государство реагирует на них больше всего.

Медиатизация зла имеет двоякий эффект. Она не только предупреждает общество об опасности, она ещё учит способам совершения преступлений, собирает поклонниц маньяков и насильников.

Если провести количественный рифрейминг, терроризм – это, прежде всего, пиар-проблема. О самых масштабных ликвидации людей мы не говорим в силу их массовости и анонимности: эпидемия испанки в начале XX века погубила 20–40 млн. человек, ДТП за историю автомобильного транспорта унесли жизни более миллиарда. Число погибших от алкоголя, наркотиков и подобных самоуничтожающих привычек даже трудно оценить.

Второй аспект терроризма связан с использованием его в политической борьбе. Деньги – это материальная основа войны. Террористические организации привлекают колоссальные деньги. От нас скрыты их источники финансирования, мы не знаем истинного лица их кукловодов. Пока политики не договорятся, что такое терроризм и кого считать экстремистом, религиоведы могут только разводиться руками.

В заключение в качестве памятки приведём признаки представителя радикального ислама. Внешние признаки сегодня не обязательно являются маркером, поскольку длинную бороду можно сбрить, количество намазов увеличить, ноги не расставлять широко и не поднимать вверх указательный палец правой руки, чтобы не привлекать внимания оперативных служб. Знакомство с вероучением последователя ислама остаётся наиболее проверенным способом идентификации экстремистских составляющих. Следует выделить следующие аспекты радикализации мусульманского вероучения.

Во-первых, это вера в предопределенность. Вступление в радикальную группу, участие в вооруженной борьбе или нажатие на кнопку пояса смертника – это поступки, предопределенные Аллахом, которых просто нельзя избежать. С верующего человека фактически снимаются все моральные ограничения,

поскольку он становится уверенным, что это не его личный выбор, за который придется отвечать в Судный день, а воля самого Аллаха.

Второе – представление воли определённых идеологов как воли Аллаха (такдир).

Третье – вера в прощение всех грехов в случае совершения акта джихада (теракта, участие в войне с неверными и т. п.). Для этого используется следующий хадис: «Один человек спросил: “О, посланник Аллаха! Взыщется ли с нас за то, что мы совершали во времена невежества?” (Пророк) сказал: “С того, кто в Исламе совершал благое, не спросят за то, что он делал во времена невежества, а с того, кто в Исламе совершал скверное, спросят и за первое, и за последнее”».

Четвёртое – яростная критика «джахилии», или неисламского образа жизни. Сюда же можно отнести тенденцию упростить исходный ислам; представить в проповеди сложную исламскую прагматику (фард – предписанные действия; ваджиб – важные; мустахаб – дополнительные; сунна – желательные; мубах – нейтральные; макрух – нежелательные; муфсид – нарушающие; харам – запрещённые) в виде бинарной оппозиции «харам и халяль».

И, наконец, **пятое** – убеждённость в социальной взаимопомощи братьев-мусульман (ихванульмуслимун).

Таким образом, в силу особой общественной угрозы терроризм и экстремизм должны рассматриваться по особому порядку рассмотрения дел, как нуждающиеся в быстром реагировании спецслужб. Системный ответ на проблемы общественной безопасности в электронных сетях должен включать в себя следующий минимальный набор мер:

– развитие новой отрасли – Интернет права, где накапливались бы специальные юридические знания по идентификации, квалификации, методам расследования преступлений с применением электронных сетей;

– оперативный обмен информацией специалистов о способах злоупотребления глобальными электронными ресурсами;

– разработка стратегии противодействия кибертерроризму и экстремизму, учитывающей технические, юридические и пиар аспекты.

Список литературы

1. Галахов С. С. Некоторые проблемы противодействия преступлениям террористического характера и общие сведения о состоянии, динамике и структуре лиц, отбывающих наказание за их совершение // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, 4–6 апреля 2017 г. / сост. Тарасов В. А. – Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2017. – С. 7–13.

2. Морозов Е. М. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. – М.: АСТ, Corpus, 2014. – 526 с.

3. Anjem Choudary Jailed for Five and a Half Years for Urging Support of Isis // The Guardian. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.theguardian.com/uk-news/2016/sep/06/anjem-choudary-jailed-for-five-years-and-six-months-for-urging-support-of-isis> (дата обращения 10.12.2018).

4. Silver K. Adolescence Now Lasts from 10 to 24 // BBC News. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/health-42732442> (дата обращения 10.12.2018).

5. Tancer B. *Click: What Millions of People Are Doing Online and Why It Matters*. – New York: Hyperion Books, 2008. – 221 p.

References

1. Galakhov S. S. Some Problems of Countering Crimes of a Terrorist Nature and General Information about the State, Dynamics and Structure of Persons Serving Sentences for Their Commission [Nekotorye problemy protivodeystviya prestupleniyam terroristicheskogo kharaktera i obshchie svedeniya o sostoyanii, dinamike i strukture lits, otbyvayuschikh nakazanie za ikh sovershenie]. *Penitentsiarnaya sistema i obschestvo: opyt vzaimodeystviya: sbornik materialov IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 4–6 aprelya 2017 g.* (Penitentiary System and Society: Experience of Interaction: Collected Materials of the IV International Scientific and Practical Conference, April 4–6, 2017). Perm, FKOU VO Permskiy institut FSIN Rossii, 2017, pp. 7–13.

2. Morozov E. M. Internet as Illusion. The Reverse Side of the Net [*Internet kak illyuziya. Obratnaya storona seti*]. Moscow, AST, Corpus, 2014, 526 p.

3. *Anjem Choudary Jailed for Five and a Half Years for Urging Support of Isis*. Available at: <https://www.theguardian.com/uk-news/2016/sep/06/anjem-choudary-jailed-for-five-years-and-six-months-for-urging-support-of-isis> (accessed 10 December 2018).

4. Silver K. *Adolescence Now Lasts from 10 to 24*. Available at: <http://www.bbc.com/news/health-42732442> (accessed 10 December 2018).

5. Tancer B. *Click: What Millions of People Are Doing Online and Why It Matters*. New York, Hyperion Books, 2008, 221 p.

УДК 327.7

Информационная безопасность: геополитический аспект*

Лукин Владимир Николаевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России», кафедра философии и социальных наук, профессор, доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: lvn55555@mail.ru

196105, Россия, Санкт-Петербург, Московский проспект, д.149,
тел.: +7 (812) 706-43-75.

Мусиенко Тамара Викторовна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, профессор, доктор политических наук, доцент; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России», заместитель начальника университета по научной работе, кафедра философии и социальных наук, профессор, доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: lvn55555@mail.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
тел.: +7 (921) 976-25-20.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Информационное общество глобализируется с развитием информационно-коммуникационных технологий. Информационная безопасность вызывает все возрастающую озабоченность мирового сообщества на глобальном, региональном и национальном уровнях. Степень информационной безопасности непосредственно влияет на состояние национальной безопасности и возможности реализации национальных интересов в современном геополитическом пространстве.

Результаты: Угрозы и риски, обозначенные в Окинавской «Хартии глобального информационного общества», не только не минимизированы, но принимают все более угрожающие размеры. Принципы, способствующие обеспечению информационной безопасности и сформулированные в Женевско-Тунисской «Декларации принципов», на практике не реализованы.

К настоящему времени не реализованы предложения группы международных экспертов о принятии общих правил взаимодействия и международного сотрудничества не только на глобальном, но и региональном уровнях. В сложившихся условиях обеспечить информационную безопасность на национальном уровне представляется затруднительным.

---

* © В. Н. Лукин, Т. В. Мусиенко, 2019.

В Российской Федерации довольно детально разработана правовая база национальной политики в сфере информационной безопасности в соответствии с нормами международного права. Ее основу составляют «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденная Президентом страны в мае 2017 года, «Доктрина информационной безопасности России» (2016 г.), Федеральные законы «О связи», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

Область применения результатов: Политический анализ геополитического аспекта информационной безопасности позволяет выявить наличие проблем в ее обеспечении на глобальном уровне; может способствовать коррекции государственной политики в области обеспечения информационной безопасности на национальном уровне.

Выводы: Отсутствие единых критериев определения угроз и рисков информационной безопасности создаёт предпосылки для их умножения, снижает возможности противостояния киберпреступности, дает основание государствам для бездоказательных обвинений в несанкционированных проникновениях в национальные киберпространства и использование последних в ущерб национальным интересам. Это отрицательно влияет на информационно-психологическое состояние людей во всем мире и способствует разжиганию межгосударственной, межнациональной, межрелигиозной розни, вызывает возрастание рисков глобальной катастрофы.

Ключевые слова: информационное общество; информационная безопасность; критерии информационной безопасности; защита информации; киберпространство; киберпреступность; информационно-психологическое воздействие; цифровизация; информационная угроза; критическая информационная инфраструктура; российский опыт.

Information Security: Geopolitical Aspect

Lukin Vladimir Nikolaevich – Saint Petersburg University of the State Fire Service EMERCOM of Russia, Department of Philosophy and Social Sciences, Professor, Doctor of Political Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Email: lvn55555@mail.ru

149 Moskovsky Prospect, Saint Petersburg, 196105, Russia,
tel.: +7 (812) 706-43-75.

Musienko Tamara Viktorovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Professor, Doctor of Political Sciences; Saint Petersburg University of State Fire Service EMERCOM of Russia, Deputy Head of the University for Research, Department of Philosophy and Social Sciences, Professor, Doctor of Political Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Email: lvn55555@mail.ru

15 Gastello st., Saint Petersburg, 196135, Russia,

tel.: +7 (921) 976-25-20.

Abstract

Background: Information society is globalizing with the development of information and communication technologies (ICT). Information security is a growing concern for the global community at the global, regional and national levels. The degree of information security directly affects the state of national security and the possibility of realizing national interests in the modern geopolitical space.

Results: The Okinawa Charter of the Global Information Society has not minimized the treats and risks identified; they are becoming increasingly rampant. The principles promoting information security, as set out in the Geneva-Tunis Declaration of Principles, have not been implemented in practice.

The proposals of a group of international experts to adopt common rules for interaction and international cooperation not only at the global but also at the regional level have not been implemented to date. Under current circumstances, it is difficult to ensure information security at the national level.

The Russian Federation has developed in detail a legal framework for national information security policy in accordance with international law. The Strategy for the Development of Information Society in the Russian Federation for 2017–2030, approved by the President of the country in May 2017, the Doctrine of Information Security of Russia (2016), the Federal Laws «On Telecommunications», «On Information, Information technologies and information security», «On security of the critical information infrastructure of the Russian Federation» are its basis.

Research Implications: A political analysis of the geopolitical aspect of information security reveals a number of problems in its provision at the global level; it can contribute to the correction of state policy in the field of information security at the national level.

Conclusion: The lack of uniform criteria for determining the threats and risks to information security creates preconditions for their increase, reduces the possibilities of confronting cybercrime and gives countries the reason for groundless accusations of unauthorized intrusions into national cyberspace and the use of the latter to the detriment of national interests. This negatively affects the psychological state of people all over the world, causes interstate, interethnic, interfaith strife and increases the risks of a global catastrophe.

Keywords: information society; information security; information security criteria; cyberspace; cybercrime; information and psychological impact; digitalization; information threat; critical information infrastructure; Russian experience.

Проблема информационной безопасности актуализирована вступлением глобального информационного пространства в сложную фазу своего развития, вызванного практически неограниченными возможностями средств массовой информации оказывать информационно-психологическое воздействие на население планеты в любом её регионе.

Информационная безопасность вызывает все возрастающую озабоченность

мирового сообщества, в котором отсутствуют единые критерии определения угроз и рисков. Глобальные акторы озабочены решением проблем по ее обеспечению. Так, например, Российская Федерация считает, что комплекс вопросов, связанных с обеспечением безопасности информационной инфраструктуры России, устойчивая работа информационных систем, средств коммуникации и связи, их защищённость имеют для государства стратегическое значение. «Это важный фактор обеспечения суверенитета, обороноспособности, безопасности государства, эффективного развития экономики, социальной сферы, государственного управления на базе передовых, в том числе цифровых, технологий» [1].

Обвинения в адрес России в несанкционированном проникновении в национальное киберпространство североамериканских и европейских государств уже становится общим местом. Так, президент США Д. Трамп в выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2018 года заявил о вмешательстве уже не только России, но и Китая в избирательный процесс по выборам в Конгресс. Ему вторит и председатель Европейского совета Европейского Союза Д. Туск: «Внешние игроки используют анонимность в киберпространстве для незаконного вмешательства в политические процессы» [2]. Средства массовой информации большинства стран мира, включая Россию, практически сразу же распространили высказывания министра внутренней безопасности США о «кибербезопасности». По мнению министра, некие преступники пытаются найти уязвимые места, чтобы причинить США вред и разрушить «однополярный мир и образ жизни Америки». Под ними подразумеваются, прежде всего, Китай, Иран, Северная Корея и Россия, готовые использовать все элементы своей национальной мощи, включая кибернетические, шпионские, информационные операции [см.: 3]. Вместе с тем два журналиста «Нью-Йорк таймс», публиковавшие серию материалов о российском вмешательстве в выборы президента США, которые разошлись в киберпространстве, на организованной ими же пресс-конференции признали отсутствие каких-либо доказательств чего-то подобного [см.: 4].

Подобные «фейковые» материалы в киберпространстве создают реальные угрозы информационной безопасности. Это не может не вызывать озабоченность мирового сообщества. Реализуя национальную концепцию безопасности, Россия тоже принимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности.

На рубеже XX–XXI веков в полной мере осознаются угрозы и риски информационной безопасности на глобальном уровне. В 2000 году принимается Окинавская «Хартия глобального информационного общества» (далее – Хартия), в которой отмечалось: «Усилия международного сообщества, направленные на развитие глобального информационного общества, должны сопровождаться согласованными действиями по созданию безопасного и свободного от преступности киберпространства. Мы должны обеспечить осуществление эффективных мер... в борьбе с преступностью в компьютерной сфере». Этот вид преступности отнесен к сфере транснациональной организованной преступности. Информационно-коммуникационные

технологии (далее – ИКТ) названы в Хартии «одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. ИТ быстро становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики» [5]. Это при том, что в 2000 году лишь пять процентов населения имели доступ к Интернету [см.: 6, с. 40].

Затем была принята Декларация принципов (далее – Декларация) «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (Женева, 2003 год) и План действий (далее – План) Тунисского обязательства (Тунис, 2005 год).

В Декларации была представлена общая концепция информационного общества в виде одиннадцати разделов, включающих шестьдесят четыре позиции. План действий включал цели, задачи, контрольные показатели, направления действий с обоснованием цифровой солидарности. В разделе «Укрепление доверия и безопасности при использовании ИКТ» упрочение доверия названо «предпосылкой становления информационного общества», наряду с информационной безопасностью и безопасностью сетей, аутентификацией, защитой неприкосновенности частной жизни и прав потребителей; обоснована необходимость формирования, развития и внедрения глобальной культуры кибербезопасности и важность международного сотрудничества (п. 35), которое, в свою очередь, должно быть направлено на предотвращение использования информационных ресурсов и технологий в преступных и террористических целях при соблюдении прав человека (п. 36). В числе главных угроз информационной безопасности был обозначен, например, все возрастающий масштаб спама (п. 37) [см.: 7, 8]. Реализация Плана была сопряжена со многими трудностями, и большинство решений так и осталось на бумаге.

По данным ООН за 2014 год, в мире мобильные телефоны были в среднем у шести из семи человек. Три миллиарда человек пользовались Интернетом, и это число продолжает быстро расти. В Африке охват широкополосной связью, составлявший в 2010 году 2 %, возрос в 2014 году до 20 %.

Что касается масштабов киберпреступности, по данным ООН, в 2013 году жертвами таких преступлений стали около 600 млн. человек. По оценкам экспертов, ущерб глобальной экономике от киберпреступников будет ежегодно составлять примерно 400 млрд. долларов США [см.: 9].

По разным данным, за 2015–2017 годы количество мобильных телефонов превысило семь миллиардов и составляет 96 штук на каждые сто человек (в России – 155,5), а людей, пользующимися ими в 2017 году – 5 млрд., 80 % из которых используют смартфоны; количество пользователей социальных сетей растет. Так, в 2017 году пользователей Facebook в мире насчитывалось 1 млрд. 938 млн. человек. В Китайской Народной Республике национальная социальная интернет-сеть WeChat насчитывает 870 млн. пользователей [см.: 10, 11].

Если в 2016 году российский сегмент сети Интернет насчитывал более 80 млн. человек, то в 2018 году численность пользователей достигла 91,4 млн. человек [см.: 12].

Вместе с тем, в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденной Президентом страны в мае 2017 года (далее – Стратегия-17), отмечено, что в восприятии окружающего мира, особенно в сети Интернет, наблюдается явное «смещение акцентов с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный», что «сформировало новую модель восприятия – так называемое клиповое мышление, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации». Вред такой формы освоения информации очевиден: упрощается задача влияния на взгляды и предпочтения людей, формируются навязываемые извне модели поведения. В этом случае преимущество в достижении экономических и политических целей имеют те государства и организации, которым принадлежат основные технологии распространения информации [см.: 13]. Доказательством тому могут служить вполне очевидная потеря национальной идентичности в ряде европейских государств, болезненные процессы ее ломки в бывших советских республиках.

Все это предоставляет практически неограниченные возможности для распространения разнообразной информации и использования киберпространства в преступных целях.

В целях выработки конкретных предложений по противодействию киберпреступности в ООН была создана Группа правительственных экспертов ООН из представителей двадцати стран, включая Россию (далее – Группа). После нескольких лет работы, в августе 2015 года, Группе впервые удалось договориться о необходимости принятия правил поведения государств в информационном пространстве, о применимости международного права в информационной сфере.

Такие правила должны включать:

- недопустимость огульных обвинений друг друга в кибератаках;
- недопустимость односторонних заявлений о причастности того или иного государства к противоправным действиям в информационном пространстве;
- запрет на бездоказательное приписывание вредоносной активности какому-либо государству;
- запрет бездоказательных обвинений государств в осуществлении кибернападений;
- запрет на нападение на критически важную инфраструктуру других стран;
- запрет на вредоносные закладки в IT-продукцию;
- суверенное право государств распоряжаться информационно-коммуникационной инфраструктурой на своей территории и определять свою политику в сфере международной информационной безопасности [см.: 14].

Но и в настоящее время решений на уровне ООН по этому вопросу не принято, и усилия государств направлены больше на управление Интернетом, чем на обеспечение информационной безопасности.

В условиях такого глобального соперничества за управление сетью Интернет реализуются предложения, изложенные, например, в книге Лоры Денардис (Laura Denardis) «Глобальная война за управление Интернетом» (The Global War for Internet Governance) [см.: 15]. Некоторыми исследователями даже предлагается термин «кибергеополитика» [см., напр.: 16].

На национальном уровне позиция России в отношении ИКТ обозначена Президентом России В. В. Путиным: «Новейшее оборудование, средства связи и цифровые технологии, интегрированные базы... – всё это должно создавать максимально удобные и комфортные условия для граждан» [17]; в то же время «системы сетевого доступа, цифровизация общественной и личной жизни требуют надежной защиты интересов и гражданина, и государства в целом» [18].

Для реализации этих целей в Российской Федерации в 2006 году был принят Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в который с учетом меняющейся геополитической ситуации внесены ряд существенных изменений и дополнений (далее – Федеральный закон).

Федеральный закон определяет восемь принципов правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, среди которых и «обеспечение безопасности Российской Федерации при создании информационных систем, их эксплуатации и защите содержащейся в них информации»; закон также определяет основное содержание защиты – принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, от иных неправомерных действий; соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа (статья 16 № 149-ФЗ).

Федеральный закон «О связи», принятый в 2003 году, предусматривает меры по защите сети связи специального назначения (статья 16), а проблема государственного регулирования деятельности в области связи выделена отдельной, пятой, главой; в области международного сотрудничества – двенадцатой главой [см.: 19].

Стратегия-17 определила цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов.

В Стратегии-17 акцент сделан на создании цифровой экономики и укреплении интеллектуального суверенитета страны. Следует заметить, что сформировать международные правовые механизмы обеспечения

информационного суверенитета, позволяющие отстаивать права государства на регулирование собственного информационного пространства, несмотря на все усилия России и международного сообщества, к настоящему времени не удалось. Основная причина в том, что «усилия многих государств направлены на приоритетное развитие национальной информационной инфраструктуры в ущерб формированию и распространению знаний».

В Стратегии-17 была дана характеристика современного состояния российского информационного общества. В среднем на одного россиянина к 2017 году приходилось два абонентских номера мобильной связи; аудитория российского сегмента Интернета составляла более 80 млн. человек; к системе оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде подключились более 34 млн. россиян; с 2014 года осуществляется подключение российских населенных пунктов численностью от 250 до 500 человек к Интернету, и 5 млн. россиян, проживающих почти в 14 тыс. малонаселённых пунктах, постепенно получают доступ к сети Интернет; реализация услуг и товаров россиянам в сети Интернет в 2015 году достигла эквивалента в 2,3 % от валового внутреннего продукта; объем платежей российских граждан через сеть Интернет в 2015 году составил 475 млрд. рублей, что почти на треть больше, чем в 2014 году.

Важными условиями формирования информационного пространства знаний, отмечено в Стратегии-17, являются формирование безопасной информационной среды на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей; создание и развитие систем нормативно-правовой, информационно-консультативной, технологической и технической помощи в обнаружении, предупреждении, предотвращении и отражении угроз информационной безопасности граждан и ликвидации последствий их проявления во всех сферах жизнедеятельности.

Решение задач защиты граждан и обеспечения информационной независимости государства усложняется, так как технологии основаны на зарубежных разработках. Отсюда и формулируемые в Стратегии-17 задачи: российские компании должны создавать прорывные отечественные технологии, а государство – обеспечивать и защищать их интересы.

Хранение информации обо всех операциях, обработка данных должны осуществляться исключительно на серверах, расположенных на территории Российской Федерации. Расчеты с зарубежными компаниями должны осуществляться только через российскую платежную систему.

Направление на замещение импортного оборудования, программного обеспечения и электронной компонентной базы на отечественное обозначается как стратегическое.

В целях обеспечения информационной безопасности предполагается также использование российских криптоалгоритмов и средств шифрования при взаимодействии органов власти между собой, а также с гражданами и организациями. Особое внимание должно быть уделено использованию систем

обнаружения и ликвидации последствий хакерских атак на информационные ресурсы и критически важные объекты [см.: 13].

В «Доктрине информационной безопасности России», утвержденной Указом Президента Российской Федерации в 2016 году (далее – Доктрина), раскрываются такие категории, как угроза информационной безопасности; обеспечение информационной безопасности; средства обеспечения информационной безопасности; система обеспечения информационной безопасности; информационная инфраструктура Российской Федерации.

Информационные технологии приобрели глобальный трансграничный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства.

В Доктрине сформулированы одиннадцать основных видов информационных угроз.

1. Использование возможностей трансграничного оборота информации для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности.

2. Нарастание рядом зарубежных стран возможностей информационно-технического воздействия, включая техническую разведку, на информационную инфраструктуру России в военных целях.

3. Использование специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира, и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств.

4. Использование различными террористическими и экстремистскими организациями механизмов информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников.

5. Рост масштабов компьютерной преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере; увеличивается число преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны.

6. Применение отдельными государствами и организациями информационных технологий в военно-политических целях, в том числе для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных на подрыв суверенитета, политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации и ее союзников, и представляющих угрозу международному миру, глобальной и региональной безопасности.

7. Постоянное повышение сложности, увеличение масштабов и рост скоординированности компьютерных атак на объекты критической информационной инфраструктуры, усиление разведывательной деятельности иностранных государств в отношении Российской Федерации.

8. Недостаточный уровень развития конкурентоспособных информационных технологий и их использования для производства продукции и оказания услуг. Остается высоким уровень зависимости отечественной промышленности от зарубежных информационных технологий в части, касающейся электронной компонентной базы, программного обеспечения, вычислительной техники и средств связи, что обуславливает зависимость социально-экономического развития Российской Федерации от геополитических интересов зарубежных стран.

9. Недостаточная эффективность научных исследований, направленных на создание перспективных информационных технологий, низкий уровень внедрения отечественных разработок и недостаточное кадровое обеспечение в области информационной безопасности, а также низкая осведомленность граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности. При этом мероприятия по обеспечению безопасности информационной инфраструктуры, включая ее целостность, доступность и устойчивое функционирование с использованием отечественных информационных технологий и отечественной продукции, зачастую не имеют комплексной основы.

10. Стремление отдельных государств использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве.

11. Отсутствие международно-правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения в информационном пространстве, а также механизмов и процедур их применения, учитывающих специфику информационных технологий, что затрудняет формирование системы международной информационной безопасности, направленной на достижение стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства.

Стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности определены исходя из наличия перечисленных угроз.

В области обороны стратегической целью является защита жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, связанных с применением информационных технологий в военно-политических целях по таким направлениям, как:

– стратегическое сдерживание и предотвращение военных конфликтов, которые могут возникнуть в результате применения информационных технологий;

– совершенствование системы обеспечения информационной безопасности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, включающей в себя силы и средства информационного противоборства;

– прогнозирование, обнаружение и оценка информационных угроз, включая угрозы Вооруженным Силам Российской Федерации в информационной сфере;

– содействие обеспечению защиты интересов союзников Российской Федерации в информационной сфере;

– нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества.

В области обеспечения государственной и общественной информационной безопасности стратегическими целями являются защита суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, а также защита критической информационной инфраструктуры; основные направления – следующие:

– противодействие использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности;

– пресечение деятельности, наносящей ущерб национальной безопасности Российской Федерации, осуществляемой с использованием технических средств и информационных технологий специальными службами и организациями иностранных государств, а также отдельными лицами;

– повышение защищенности критической информационной инфраструктуры и устойчивости ее функционирования, развитие механизмов обнаружения и предупреждения информационных угроз и ликвидации последствий их проявления, повышение защищенности граждан и территорий от последствий чрезвычайных ситуаций, вызванных информационно-техническим воздействием на объекты критической информационной инфраструктуры;

– повышение безопасности функционирования объектов информационной инфраструктуры, в том числе в целях обеспечения устойчивого взаимодействия государственных органов, недопущения иностранного контроля за функционированием таких объектов, обеспечение целостности, устойчивости функционирования и безопасности единой сети электросвязи Российской Федерации, а также обеспечение безопасности информации, передаваемой по ней и обрабатываемой в информационных системах на территории Российской Федерации;

– повышение безопасности функционирования образцов вооружения, военной и специальной техники и автоматизированных систем управления;

– повышение эффективности профилактики правонарушений, совершаемых с использованием информационных технологий, и противодействия таким правонарушениям;

– обеспечение защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, иной информации ограниченного доступа и распространения, в том числе за счет повышения защищенности соответствующих информационных технологий;

– совершенствование методов и способов производства и безопасного применения продукции, оказания услуг на основе информационных технологий с использованием отечественных разработок, удовлетворяющих требованиям информационной безопасности;

– повышение эффективности информационного обеспечения реализации государственной политики Российской Федерации;

– нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В Доктрине определены стратегические цели в сфере экономики, науки, технологий и образования.

Стратегической целью обеспечения информационной безопасности в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства является формирование устойчивой системы неконфликтных межгосударственных отношений в информационном пространстве, а основными направлениями являются:

– защита суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве посредством осуществления самостоятельной и независимой политики, направленной на реализацию национальных интересов в информационной сфере;

– участие в формировании системы международной информационной безопасности;

– создание международно-правовых механизмов, учитывающих специфику информационных технологий, в целях предотвращения и урегулирования межгосударственных конфликтов в информационном пространстве;

– продвижение в рамках деятельности международных организаций позиции Российской Федерации, предусматривающей обеспечение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества всех заинтересованных сторон в информационной сфере;

– развитие национальной системы управления российским сегментом сети «Интернет» [см.: 21].

Федеральным законом от 29 июля 2017 года № 276-ФЗ были внесены изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которые создали правовую основу для формирования механизма взаимодействия с государственными институтами владельцев информационно-телекоммуникационных сетей и информационных ресурсов (сайтов, страниц сайтов в сети «Интернет», информационных систем и программ для электронных вычислительных машин), операторов поисковых систем (кроме государственных).

Этим Федеральным законом устанавливается запрет на использование таких сетей и ресурсов, доступ к которым на территории Российской Федерации ограничен на основании судебных актов или решений уполномоченных органов. Владельцы информационно-телекоммуникационных сетей и информационных ресурсов получили доступ к специализированной федеральной государственной информационной системе Роскомнадзора, в

которую включаются сведения об ограничениях. Кроме того, изменился порядок распространения блогерами общедоступной информации в сети «Интернет». Для нарушителей положений Федерального закона № 276-ФЗ предусматривается возможность ограничения доступа к соответствующим информационно-телекоммуникационным сетям и информационным ресурсам [см.: 22].

По данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России на первое сентября 2018 года более пяти миллионов компаний со всего мира предоставляют услуги российским гражданам, требуя при этом предоставление своих персональных данных. Сто тысяч из них получают достаточно большие объёмы персональных данных. С помощью созданной российской автоматизированной системы мониторинга Интернета за последние три года было выявлено более 1200 компаний, которые бесконтрольно распространяли такие базы; 690 сайтов эту информацию удалили, 550 – были заблокированы.

В деле защиты прав на интеллектуальную собственность также есть положительные результаты: шесть тысяч пиратских ресурсов заблокировано, одиннадцать тысяч – удалили такую информацию [см.: 23].

В настоящее время Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» действует в редакции от 19 июля 2018 года.

Кроме Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России, основными инструментами противодействия киберпреступности в стране является Федеральная служба по техническому и экспортному контролю, а также Федеральная служба безопасности, которая обеспечивает государственную систему обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы.

В феврале 2018 года в Государственной Думе прошли слушания об итогах первого года работы Совета по цифровой экономике при Председателе Государственной Думы. Обсуждались программа «Цифровая экономика Российской Федерации», обеспечение электронного взаимодействия бизнеса и государства, повышение доступности финансовых услуг на основе цифровых технологий, вопросы кибербезопасности и антимонопольного регулирования в цифровой экономике.

Использование достижений ведущих отечественных интернет-компаний может повысить шансы в процессе модернизации российской экономики. Для развития цифровой экономики необходима соответствующая нормативно-правовая база, и Государственная Дума должна ее разработать [см.: 24].

Особую актуальность приобретает проблема информационной безопасности на этапе формирования цифрового здравоохранения. Так, на мартовском совещании с участием Президента страны по этой теме была достигнута договорённость о подготовке руководством Федеральной службы исполнения наказания России (далее – ФСИН) совместно с Общественной наблюдательной комиссией Москвы и Общероссийской общественной

организацией «Деловая Россия» предложений по дальнейшему масштабированию опыта внедрения телемедицинской системы в исправительных учреждениях Управления ФСИН города Москвы на территорию России [см.: 25].

В целях регулирования отношений в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, ее устойчивого функционирования, обеспечения правовой основы деятельности государственных институтов по предотвращению компьютерных атак и минимизации рисков с первого января 2018 года вступил в силу Федеральный закон от 26.07.2017 № 187–ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

Федеральный закон № 187–ФЗ определяет безопасность критической информационной инфраструктуры как «состояние защищенности критической информационной инфраструктуры, обеспечивающее ее устойчивое функционирование при проведении в отношении ее компьютерных атак» (статья 2, п. 2).

К критической информационной инфраструктуре отнесены такие объекты, как информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления ее субъектов – государственных органов, государственных учреждений, российских юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей (статья 2, п. 6–8).

Во исполнение этого Федерального закона формируется государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации с Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам.

Все объекты критической информационной инфраструктуры подлежат категорированию по критериям, установленным Правительством России, в следующем порядке: социальная, политическая, экономическая, экологическая значимость и обеспечение обороны страны, безопасности государства и правопорядка (статья 7, п. 2).

Десятой статьей определены обязанности системы информационной безопасности по выполнению основных задач: предотвращение неправомерного доступа к информации, недопущение воздействия на технические средства обработки информации, восстановление функционирования и непрерывное взаимодействие с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации.

Объекты и субъекты критической информационной инфраструктуры должны соответствовать требованиям, установленным в одиннадцатой статье, с обязательной оценкой состояния системы безопасности [см.: 26].

Подобный подход к обеспечению информационной безопасности на национальном уровне мог бы стать примером для организации такой деятельности на региональном и глобальном уровнях, поскольку усилий на национальном уровне явно недостаточно для обеспечения информационной безопасности государства.

В результате углубляющегося геополитического противостояния глобальных геополитических акторов угрозы и риски информационной безопасности в киберпространстве множатся. Киберпространство превращено в инструмент агрессии, взаимного вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Отсутствие взаимопонимания и международного сотрудничества на соответствующем уровне используется террористами для превращения киберпространства в одно из эффективных средств, способствующих как совершению отдельных или серийных террористических актов, так и созданию террористических государств.

Обеспечение информационной безопасности на глобальном, региональном и национальном уровнях возможно только на основе консенсуса. Его отсутствие приводит к кибератакам, в результате которых, например, в 2017 году от вредоносного вируса пострадали не только российские информационные ресурсы, но и ресурсы еще ста пятидесяти стран мира. Тем не менее, геополитические акторы вместо совместного противостояния киберпреступности активно используют информационное пространство в качестве фактора «мягкой силы» для ослабления геополитических противников, продвижения национальных, а также геоэкономических и геополитических интересов.

Информационные технологии уже поставлены на военную службу. В ряде стран формируются кибервойска с соответствующим статусом. Так, в США в 2017 году Кибернетическое командование США (US Cybercom – создано в 2010 году), по решению президента было выведено из состава Стратегического командования и переподчинено Комитету начальников штабов. Но еще в 2015 году принята новая наступательная киберстратегия, предполагающая возможность превентивных действий против основных геополитических противников в киберпространстве – Китая, России, Северной Кореи и Ирана. В 2018 году приступил к работе новейший интегрированный киберцентр в укрепленном военном кампусе Форт-Мид (Fort George Gordon Meade, Штат Мэриленд), а Киберкомандование, по свидетельству газеты «The New York Times», было наделено правом проводить хакерские атаки с целью предотвращения готовящихся кибернападений [см.: 27].

В Российской Федерации в 2018 году создано Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. В первом интервью министр этого ведомства обозначил ряд приоритетов действий, начиная с покрытия Интернетом подавляющей части государственных, муниципальных учреждений и заканчивая обеспечением кибербезопасности. На реализацию национального проекта «Цифровая экономика», который в майском Указе Президента Российской Федерации 2018 года определен в качестве стратегической задачи [см.: 28], до 2024 года запланировано федеральное бюджетное финансирование в объеме одного триллиона восьмидесяти миллиардов рублей, не считая ежегодные расходы примерно по сто миллиардов рублей на информатизацию федеральных ведомств. В целях обеспечения информационной безопасности предпринимаются отдельные попытки провести импортозамещение: остается

задача перевода органов власти на отечественное программное обеспечение [см.: 29].

Проблемы информационного пространства нередко проявляются в чудовищных формах в реальном социальном пространстве. Например, создание в социальных сетях сообществ с разными антигуманными целями подвигает молодых людей с неустойчивой психикой к созданию для себя лжегероев и толкает их на «героические поступки» (ряд трагических событий с применением оружия в школах США, «керченская бойня» и т. п.). В своем выступлении на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2018 года Президент Российской Федерации отмечал: «Это значит, что все мы, вместе взятые, не только в России, в мире в целом, плохо реагируем на изменяющиеся условия в мире. Это значит, что мы не создаем нужного, интересного и полезного контента для молодых людей, и они хватают этот суррогат героизма. Это приводит к трагедиям подобного рода. А настоящий героизм... – это защита цивилизации от язв сегодняшнего дня... По большому счету, мы пока не объединили своих усилий должным образом, а это можно сделать на основе известных норм международного права и соответствующих решений Организации Объединенных Наций... К сожалению, в полном смысле этого слова, нам пока эта совместная работа не удастся. Есть отдельные элементы сотрудничества, но их недостаточно» [30].

Список литературы

1. Заседание Совета Безопасности // Президент России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55924> (дата обращения 10.10.2018).
2. At UN Security Council, World Leaders Debate Iran, North Korea Sanctions and Non-Proliferation // UN News. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/en/story/2018/09/1020711> (дата обращения 10.10.2018).
3. Селиверстова Н. Министр внутренней безопасности США: однополярный мир Америки под угрозой // РИА Новости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20180906/1527914247.html> (дата обращения: 10.10.2018).
4. Mazzetti M., Shane S. Our Investigative Reporters Explain the Trump-Russia Story // The New York Times. – September 26. – 2018.
5. Окинавская Хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 51–56.
6. Report of the Secretary-General on the Work of the Organization // United Nations Secretary-General. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=A/55/1\(SUPP\)&Lang=E](http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=A/55/1(SUPP)&Lang=E) (дата обращения 10.10.2018).
7. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» // UN News. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения 10.10.2018).

8. Артамонов В. С., Артамонова Г. К., Лукин В. Н., Малый И. А., Мусиенко Т. В. Безопасность в геополитике: теоретические и методологические аспекты. Монография / Под ред. В. С. Артамонова. – Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России. – 2017. – 268 с.

9. Генсек ООН назвал угрозы, сопровождающие революцию в сфере ИТ // Росбалт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/05/20/1400256.html> (дата обращения 10.10.2018).

10. Количество мобильных телефонов по странам мира // Рейтинги стран и компаний. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://total-rating.ru/1970-kolichestvo-mobilnyh-telefonov-po-stranam-mira.html> (дата обращения: 10.10.2018).

11. Сколько людей в мире используют мобильный телефон? // MyMeizuClub. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mymeizuclub.ru/news/skolko-ljudej-v-mire-ispolzujut-mobilnyj-telefon> (дата обращения 10.10.2018).

12. Интернет в России 2018: главные цифры // Безопасный Интернет – проект городского методического центра. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/97-internet-v-rossii-2018> (дата обращения 10.10.2018).

13. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Президент России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения 10.10.2018).

14. МИД РФ: доклад ООН по киберпространству может стать шагом к конвенции // РИА Новости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20150817/1189704214.html> (дата обращения 10.10.2018).

15. Denardis L. The Global War for Internet Governance. – New Haven: Yale University Press, 2014. – 288 p.

16. Савин Л. Геополитика и киберпространство: новая парадигма безопасности // Геополитика.ru. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.geopolitica.ru/article/geopolitika-i-kiberprostranstvo-novaya-paradigma-bezopasnosti> (дата обращения 10.10.2018).

17. Заседание Совета Безопасности // Президент России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/security-council/57213> (дата обращения 10.10.2018).

18. Путин: цифровизация жизни требует надежной защиты граждан и государства // Новости в России и мире – ТАСС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/3773481> (дата обращения 10.10.2018).

19. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Президент России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24157> (дата обращения 10.10.2018).

20. Федеральный закон Российской Федерации от 07.07.2003 года № 126-ФЗ «О связи» // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. – [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/186117/> (дата обращения 10.10.2018).

21. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71556224/> (дата обращения 10.10.2018).

22. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Президент России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42170> (дата обращения 10.10.2018).

23. Рабочая встреча с главой Роскомнадзора Александром Жаровым // Президент России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58613> (дата обращения 10.10.2018).

24. Герман Клименко выступил на парламентских слушаниях «Формирование правовых условий финансирования и развития цифровой экономики» // Президент России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/66/events/57073> (дата обращения 10.10.2018).

25. Совещание по вопросу развития цифрового здравоохранения в России // Президент России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/66/events/57074> (дата обращения 10.10.2018).

26. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ // КонсультантПлюс – Надёжная правовая поддержка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения 10.10.2018).

27. Пентагон разрешил кибервойскам нападать первыми // Tadviser – Портал выбора технологий и поставщиков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Киберкомандование_США_\(US_Cybercom\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Киберкомандование_США_(US_Cybercom)) (дата обращения 10.10.2018).

28. Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425#> (дата обращения: 10.10.2018).

29. Первое интервью министра Константина Носкова – о приоритетах, команде и бюджете цифрового развития России // Tadviser – Портал выбора технологий и поставщиков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Первое_интервью_министра_Константина_Носкова_-_о_приоритетах,_команде_и_бюджете_цифрового_развития_России (дата обращения 10.10.2018).

30. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (дата обращения: 18.10.2018).

References

1. Meeting of the Security Council [*Zasedanie Soveta Bezopasnosti*]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55924> (accessed 10 October 2018).

2. *At UN Security Council, World Leaders Debate Iran, North Korea Sanctions and Non-Proliferation*. Available at: <https://news.un.org/en/story/2018/09/1020711> (accessed 10 October 2018).

3. Seliverstova N. The Minister of Internal Security of the United States: The Unipolar World of America under Threat [*Ministr vnutrenney bezopasnosti SShA: odnopolyarnyy mir Ameriki pod ugrozoy*]. Available at: <https://ria.ru/world/20180906/1527914247.html> (accessed 10 October 2018).

4. Mazzetti M., Shane S. Our Investigative Reporters Explain the Trump-Russia Story. *The New York Times*, September 26, 2018.

5. Okinawa Charter on Global Information Society [Okinavskaya Khartiya globalnogo informatsionnogo obschestva]. *Diplomaticeskij vestnik* (Diplomatic Bulletin), 2000, № 8, pp. 51–56.

6. *Report of the Secretary-General on the Work of the Organization*. Available at: [http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=A/55/1\(SUPP\)&Lang=E](http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=A/55/1(SUPP)&Lang=E) (accessed 10 October 2018).

7. *Declaration of Principles “Building the Information Society: a Global Challenge in the New Millennium”*. Available at: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (accessed 10 October 2018).

8. Artamonov V. S., Artamonova G. K., Lukin V. N., Malyy I. A., Musienko T. V. Security in Geopolitics: Theoretical and Methodological Aspects [*Bezopasnost v geopolitike: teoreticheskie i metodologicheskie aspekty*]. Ivanovo, Ivanovskaya pozharno-spatatel'naya akademiya GPS MChS Rossii, 2017, 268 p.

9. The UN Secretary-General Called the Threats Accompanying the Revolution in the Field of IT [*Gensek OON nazval ugrozy, soprovozhdayuschie revolyutsiyu v sfere IT*]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/05/20/1400256.html> (accessed 10 October 2018).

10. The Number of Mobile Phones in the World [*Kolichestvo mobilnykh telefonov po stranam mira*]. Available at: <http://total-rating.ru/1970-kolichestvo-mobilnyh-telefonov-po-stranam-mira.html> (accessed 10 October 2018).

11. How Many People in the World Use a Mobile Phone? [*Skolko lyudey v mire ispolzuyut mobilnyy telefon?*]. Available at: <http://mymeizuclub.ru/news/skolko-ljudej-v-mire-ispolzujut-mobilnyj-telefon> (accessed 10 October 2018).

12. Internet in Russia 2018: The Main Figures [*Internet v Rossii 2018: glavnye tsifry*]. <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/97-internet-v-rossii-2018> (accessed 10 October 2018).

13. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 № 203 “On the Strategy of Development of the Information Society in the Russian Federation for

2017–2030” [*Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.05.2017 g. № 203 “O Strategii razvitiya informatsionnogo obschestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody”*]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed 10 October 2018).

14. Russian Foreign Ministry: UN Report on Cyberspace Can Be a Step Towards the Convention [*MID RF: doklad OON po kiberprostranstvu mozhet stat shagom k konventsii*]. Available at: <https://ria.ru/world/20150817/1189704214.html> (accessed 10 October 2018).

15. Denardis L. *The Global War for Internet Governance*. New Haven, Yale University Press, 2014, 288 p.

16. Savin L. Geopolitics and Cyberspace: A New Security Paradigm [*Geopolitika i kiberprostranstvo: novaya paradigma bezopasnosti*]. Available at: <https://www.geopolitika.ru/article/geopolitika-i-kiberprostranstvo-novaya-paradigma-bezopasnosti> (accessed 10 October 2018).

17. Meeting of the Security Council [*Zasedanie Soveta Bezopasnosti*]. Available at: <http://kremlin.ru/events/security-council/57213> (accessed 10 October 2018).

18. Putin: Digitalization of Life Requires Reliable Protection of Citizens and the State [*Putin: tsifrovizatsiya zhizni trebuetsya nadezhnoy zaschity grazhdan i gosudarstva*]. Available at: <http://tass.ru/ekonomika/3773481> (accessed 10 October 2018).

19. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 “On Information, Information Technologies and Information Protection” [*Federalnyy zakon ot 27.07.2006 g. № 149-FZ “Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zaschite informatsii”*]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24157> (accessed 10 October 2018).

20. Federal Law of the Russian Federation of 07.07.2003 № 126-FZ “On communication” [*Federalnyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 07.07.2003 goda № 126-FZ “O svyazi”*]. Available at: <http://base.garant.ru/186117/> (accessed 10 October 2018).

21. The Decree of the President of the Russian Federation Dated 05.12.2016 № 646 “On the Doctrine of Information Security of the Russian Federation” [*Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 05.12.2016 goda № 646 “Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii”*]. Available at: <http://base.garant.ru/71556224/> (accessed 10 October 2018).

22. Federal Law No. 276-FZ of 29 July 2017 on Amendments to the Federal Law on Information, Information Technologies and Information Protection [*Federalnyy zakon ot 29 iyulya 2017 goda № 276-FZ “O vnesenii izmeneniy v Federalnyy zakon “Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zaschite informatsii”*]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42170> (accessed 10 October 2018).

23. Working Meeting with the Head of Roskomnadzor Alexander Zharov [*Rabochaya vstrecha s glavoy Roskomnadzora Aleksandrom Zharovym*]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58613> (accessed 10 October 2018).

24. German Klimenko Spoke at the Parliamentary Hearings “Formation of Legal Conditions for Financing and Development of the Digital Economy” [*German*

Klimenko vystupil na parlamentskikh slushaniyakh "Formirovaniye pravovykh usloviy finansirovaniya i razvitiya tsifrovoy ekonomiki"]. Available at: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/66/events/57073> (accessed 10 October 2018).

25. Meeting on the Development of Digital Health in Russia [*Soveschanie po voprosu razvitiya tsifrovogo zdavookhraneniya v Rossii*]. Available at: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/66/events/57074> (accessed 10 October 2018).

26. Federal law "On Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" Dated 26.07.2017 № 187-FZ [*Federalnyy zakon "O bezopasnosti kriticheskoy informatsionnoy infrastruktury Rossiyskoy Federatsii" ot 26.07.2017 № 187-FZ*]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (accessed 10 October 2018).

27. The Pentagon Allowed the Cyber Troops to Attack First [*Pentagon razreshil kibervoyaskam napadat pervymi*]. Available at: [http://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Киберкомандование_США_\(US_Cybercom\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Киберкомандование_США_(US_Cybercom)) (accessed 10 October 2018).

28. Decree of the President of the Russian Federation "On National Goals and Strategic Objectives of the Russian Federation for the Period up to 2024" [*Prezident podpisal Ukaz "O natsionalnykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda"*]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425#> (accessed 10 October 2018).

29. The First Interview of the Minister Konstantin Noskov – About the Priorities, the Team and the Budget for the Digital Development of Russia [*Pervoe intervyyu ministra Konstantina Noskova – o prioritetakh, komande i byudzhete tsifrovogo razvitiya Rossii*]. Available at: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Первое_интервью_министра_Константина_Носкова_-_о_приоритетах,_команде_и_бюджете_цифрового_развития_России (accessed 10 October 2018).

30. Meeting of the Discussion Club "Valdai" [*Zasedanie diskussionnogo kluba "Valday"*]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (accessed 10 October 2018).

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

От культурной к социокультурной антропологии: состояние предметных исследований*

Выжлецов Павел Геннадиевич – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: vyzhletsov@mail.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
тел.: +7 (812) 708-42-13.

Выжлецова Наталья Викторовна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра рекламы и современных коммуникаций, доцент, кандидат культурологии, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: maus72@mail.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
тел.: +7 (812) 708-43-45.

Авторское резюме

Состояние вопроса: При определении предмета социокультурной антропологии следует учитывать две противоположные исследовательские программы: 1) изучение проблем культурных различий, способов придания действиям смысла и целенаправленности, которые осуществляются посредством языка, обычая, традиции (наследие Ф. Боаса); 2) исследование эволюции человека, прежде всего, ее материальных факторов (истоки в биологическом эволюционизме Ч. Дарвина). Вместе с тем, разнородные тенденции в рамках социокультурной антропологии связаны общими традициями эволюционизма и функционализма, практикой полевых исследований, возрастающим уровнем работ по проблематике культурной динамики. В наше время необходимо пересмотреть и точно сформулировать общую программу социокультурной антропологии, учитывая преемственность со сложившейся ранее научной традицией.

Результаты: В современной социокультурной антропологии расширилось предметное поле и круг объектов исследования: от жертв колониальной несправедливости, зарубежных народов и регионов колониального и постколониального мира до междисциплинарных проектов по изучению

---

* © П. Г. Выжлецов, Н. В. Выжлецова, 2019.

проблем современной культуры США и Западной Европы (воздействия средств массовой информации, высоких технологий, рекламы и др. на общество). В настоящее время в рамках процессов глобализации сформировалась новая антропологическая парадигма, связанная с формированием и преобразованием культурной и социальной идентичности.

Область применения результатов: Предложенный авторами подход позволяет более точно представить предметное поле социокультурной антропологии в начале XXI века.

Выводы: Предметом социокультурной антропологии в настоящее время выступает исследование культурных различий и сходств, которые рассматриваются в ракурсе достижения людьми собственной идентичности. Предполагается, что указанная человеческая общность наделена совокупностью «культурных черт» или признаков, носителями которых выступают конкретные люди. В 2000-е годы четко обозначилась тенденция к расширению предметного поля антропологии и объединения ее «ветвей» под знаком термина «социокультурная антропология». Социальный аспект антропологии предполагает изучение семьи и способов взаимодействия между ее представителями, а культурная составляющая обозначает исследование знаково-символических форм общения между ними.

Ключевые слова: культурная, социальная, социокультурная антропология; культурология; этнография; предмет; объект; парадигма; этнос; культура; идентичность.

From Cultural to Sociocultural Anthropology: The State of Subject Research

Vyzhletsov Pavel Gennadievich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Associate Professor, PhD, Saint Petersburg, Russia.

Email: vyzhletsov@mail.ru

15 Gastello st., Saint Petersburg, 196135, Russia,

tel.: +7 (812) 708-42-13.

Vyzhletsova Natalya Viktorovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Advertising and Modern Communications, Associate Professor, PhD, Saint Petersburg, Russia.

Email: maus72@mail.ru

15 Gastello st., Saint Petersburg, 196135, Russia,

tel.: +7 (812) 708-43-45.

Abstract

Background: When defining the subject of sociocultural anthropology, two opposing research programs should be considered. First, studying issues of cultural differences, ways of discovering meaning and purposefulness of actions, which are carried out through language, custom, and tradition (F. Boas' heritage). Second,

studying the evolution of humans, its material factors (sources in the biological evolutionism of C. Darwin). At the same time, heterogeneous tendencies within the framework of sociocultural anthropology are linked with common traditions of evolutionism and functionalism, field research practices, and an increasing level of works on cultural dynamics. In our time, it is necessary to revise and formulate precisely the general program of sociocultural anthropology, taking into account the continuity of the scientific tradition established previously.

Results: In contemporary sociocultural anthropology, the subject field and range of research objects have expanded: from victims of colonial injustice, foreign peoples and regions of the colonial and postcolonial world to interdisciplinary projects to study the problems of contemporary culture in the USA and Western Europe (media, high technology, advertising, etc. influence on society). As part of globalization processes, a new anthropological paradigm has emerged, connected with the formation and transformation of cultural and social identity.

Research Implications: The approach proposed by the authors makes it possible to present more accurately the subject field of sociocultural anthropology at the beginning of the 21st century.

Conclusion: The subject of sociocultural anthropology is the study of cultural differences and similarities, which are considered from the point of view of people achieving their own identity. This human community appears to have a set of “cultural traits” or signs, the bearers of which are individuals. In the 2000s, there was a clear trend towards the expansion of the subject field of anthropology and the unification of its “branches” using the term “sociocultural anthropology”. The social aspect of anthropology involves the study of the family and the ways of interaction between its members, and the cultural component refers to the study of sign-symbolic forms of communication between them.

Keywords: cultural, social, sociocultural anthropology; cultural studies; ethnography; subject; object; paradigm; ethnos; culture; identity.

Введение

Представляется возможным выделить две магистральные линии развития культурной антропологии.

Первая заключается в том, что социокультурная антропология и культурология связаны «родственными» отношениями [6, с. 142], а именно, культурная антропология стала источником возникновения культурологии. Поскольку термин «культурология» связан с именем американского культурного антрополога Л. Уайта, то в данном контексте необходимо отметить, что его научный вклад оценивается не однозначно. Так, одни исследователи считают, что он обосновал новое направление в культурной антропологии и, как следствие, новую науку – культурологию [см.: 4, с. 79], другие же, что только новое направление – культурный эволюционизм.

Вторая линия развития послужила предпосылкой становления социокультурной антропологии. В данной статье мы обратимся к рассмотрению последней.

1. Переход от культурной к социокультурной антропологии

Согласно Р. Борофски, основой для книги которого послужили материалы Американской антропологической ассоциации (1989), культурная антропология представляет собой поддисциплину антропологии (другое название, принятое в США, – общая антропология), которая входит как часть или раздел в ее состав. Поэтому, как отмечает Борофски: «Культурная антропология подвержена многим из тех же тенденций, что и более широкая научная дисциплина – антропология» [3, с. 7].

В свою очередь А. и Дж. Куперы полагают, что термин «культурная антропология» употребляется в основном в США «...для обозначения той отрасли антропологии, которая изучает человека (т. е. людей) как социальное существо, а также скорее благоприобретенные, чем генетически передаваемые формы поведения» [3, с. 7].

Д. Мандельбаум определяет основную задачу «культурной антропологии», также делая акцент на исследовании человеческого поведения. Согласно Мандельбауму, эта задача «...состоит в изучении сходств и различий в поведении разнообразных групп людей, в описании характера тех или иных культур и типичных для них процессов воспроизводства, изменений и развития» [3, с. 7]. При этом трех последних авторов объединяет внимание к социально и культурно обусловленному поведению людей, «человека».

Вместе с тем, сама культурная антропология как поддисциплина антропологии не однородна. Так, Р. Раппопорт выделяет в ней две основные «традиции» – объективистскую и биологизаторскую, с одной стороны, и субъективистскую и гуманитарную – с другой. Они были заложены в культурной антропологии преимущественно в США со времени ее формирования. Согласно Раппопорту: «Одна из них, объективная в своих устремлениях и одухотворяемая биологическими науками, стремится к обнаружению и объяснению причин, а в некоторых случаях... и к открытию законов. Другая же, находящаяся под влиянием философии, лингвистики и гуманитарных наук и более открытая субъективно обретаемому знанию, стремится к интеграции и открытию сущности вещей» [10, с. 18].

Несмотря на то, что указанные направления, особенно в последнее время, находятся в состоянии конфронтации, важно установление союза между ними. Обретенный союз будет способствовать выявлению существующего состояния предмета исследования культурной антропологии «во всей его полноте» [10, с. 19].

При определении предмета как культурной, так и социокультурной антропологии в начале XXI в. важно учесть две программы исследований, которые уже утвердились в американской культурной антропологии.

В частности, Купер связывает указанное содержание с двумя «исследовательскими программами». Начала первой заложил Ф. Боас, предметом ее исследования выступила вариативность культуры. В качестве основных здесь фигурируют проблемы культурных различий, способов придания «действиям их смысла и целенаправленности», которые осуществляются посредством «языка и обычая», «значения традиции» [3, с. 7].

Вторая программа противостоит первой, обоснованной Ф. Боасом. Она исходит из идей биологической эволюции Ч. Дарвина. Предметом ее исследования выступает эволюция человека, в изучении которой особое внимание уделяется «материальным факторам» и «общим принципам». Данная программа, в противовес первой, «формирует себя скорее по образу и подобию естественных наук, нежели гуманитарных» [3, с. 8].

Вместе с тем наряду с разделяющими, фрагментирующими тенденциями Р. Борофски отмечает, что «у антропологов есть общие традиции, общий опыт и общая литература» [3, с. 16], которые обеспечивают целостность этой дисциплины и относятся к специфическим чертам социокультурной антропологии.

1) Общие традиции, заложенные эволюционизмом (Л. Морган, Э. Тайлор, Дж. Фрэнгер) и функционализмом (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун), продолжают существовать, в том числе и в иных, переосмысленных формах. Они прививаются в высших учебных заведениях в процессе обучения, предполагающего освоение специальной литературы [см.: 3, с. 13].

2) Основанием общего опыта для этих исследовательских традиций выступает практика полевых исследований [см.: 3, с. 15], которая является способом сбора эмпирических данных о культуре какого-либо народа.

3) Возрастающий уровень специальных антропологических (этнографических) работ проявляется в «сложном анализе культурной динамики», внимательном отношении к особенностям «времени и пространства» [3, с. 16].

Одновременно Р. Борофски выделяет объекты изучения и через них обозначает предметное поле исследований культурной антропологии: «Традиционными объектами антропологических исследований являются народы, находящиеся под политическим контролем западных элит – либо в таких отдаленных регионах, как Африка или Папуа-Новая Гвинея, либо таких, как резервационные группы американских индейцев или сельские общины европейских крестьян. Эта традиция в определении предметной области антропологии в целом сохраняется и сегодня. Ученые в своих исследованиях склонны фокусировать внимание на “жертвах несправедливости”, т. е. на тех, кто наделен меньшей силой и находится на большом удалении от центров западной политической и экономической власти» [3, с. 14].

Отсюда следует, что предметом изучения культурной антропологии выступают «жертвы несправедливости» (термин С. Тэкса [S. Tax]). А через объекты исследования конкретизируются те, о ком именно идет речь: народы, этнические и социальные группы, а также индивиды, которые контролируются западными элитами.

Отмеченное понимание объектов и предмета культурной антропологии следует дополнить с учетом тех тенденций, которые сложились в 2000-е гг. и обозначены, в частности, Д. Маркусом уже под знаком социокультурной антропологии.

Он подчеркивает «активистскую» позицию, которую занимают антропологи в своих исследовательских проектах, выстроенных как с учетом

этических ценностей, так и идеала справедливости. Для Маркуса данная позиция ученых отражает саму «суть полевой работы» в современную эпоху: «Этнографическая полевая работа, как межкультурное столкновение в сегодняшнем идеологически поляризованном мире, неизбежно и изначально политизирована. Активистская ориентация молодого поколения – сознательная реакция на данные условия и понятный ответ на консервативную модель классического “беспристрастного” ученого» [8, с. 46].

Данное высказывание является конкретизацией того факта, что антропология возникла как элемент системы колониализма и в последнее время антропологи пытаются освободиться от «темного» прошлого науки.

Следует подчеркнуть, что Д. Маркус осмысляет указанную тенденцию, как и ряд других, уже с позиции социокультурной антропологии, подчеркивая определенную условность нового термина: «Традиционно в США она именовалась “культурной антропологией”, но поскольку в отдельных центрах и среди отдельных ученых все же предпочиталось название “социальная антропология”, я буду условно называть ее здесь социокультурной антропологией» [8, с. 46].

2. Современные западные исследователи о предмете социокультурной антропологии

Д. Маркус констатирует, что именно в 1980-е годы «...корабль дисциплины снялся с тех якорей, на которых он простоял большую часть XX в.» [8, с. 43].

Так, еще в 1970-е годы специализация антропологов начиналась с выбора объекта, т. е. географического региона исследования за пределами США и «укладывались в традиционную парадигму “народов и регионов”» [8, с. 43–44].

Этот подход был заложен Ф. Боасом в США и Б. Малиновским как одним из основателей социальной антропологии в Великобритании. Указанный подход был закреплен в самом образовательном процессе подготовки антропологов и в практическом плане предполагал изучение традиционных антропологических вопросов путем полевых исследований. В частности, вопросов, касающихся ритуала и религии, родства и общественной организации.

Хотя, отмечает Маркус, уже в 1950–1960-х годах в США в рамках антропологических исследований общественно-экономического развития осуществлялись проекты, где «...люди изучались одновременно как представители традиционной сельской культуры и урбанизирующихся слоев населения; как индивиды, имеющие специфическое место в социальной структуре собственного общества, и как индивиды, переходящие границы данной структуры и включающиеся в систему международного разделения труда» [8, с. 44].

В целом парадигма «народов и регионов» предполагала исследование обществ как некоторых «изолированных структур». Главной задачей исследовательских проектов в рамках отмеченной парадигмы выступало «пополнение некоего глобального этнографического архива за счет очередной

порции сравнительных данных», а сами проекты были частью грандиозного предприятия «по созданию общей науки о человеке», которое осталось не завершенным и сохраняющим «идеологическую гегемонию» [8, с. 43–45]. Вклад в этот архив социокультурной антропологии заключался в изучении тех народов, которые вели образ жизни, отличающийся от современного.

Вместе с тем в университетской среде того времени уже присутствовали новые веяния: французский постструктурализм М. Фуко и Р. Барта; междисциплинарные подходы в британских культурных исследованиях, которые испытали влияние местной версии марксизма; применение структуралистских концепций к истории; «попытки переосмысления политики и этики полевой работы, вызванные ростом общественно-интеллектуальных волнений в бурный период конца 1960-х годов»; феминизм [8, с. 43].

Другой исследователь, М. Салинс, отмечает, что уже в 1960-е годы в антропологии возникло противопоставление «западные – самобытные» как «антитеза между западным утилитаризмом и локальной самобытностью» [12, с. 58].

В свою очередь, в качестве одного из основных источников изменившегося состояния социокультурной антропологии в 2000-е годы, ее отхода от парадигмы «народов и регионов», Маркус называет междисциплинарные дискуссии 1980–1990-х годов.

Согласно Д. Маркусу, «все отмеченные выше сдвиги можно рассматривать в двух контекстах: институционального развития антропологии США как исследовательской сферы, построенной по принципу “четырёх областей” (физическая антропология, социокультурная антропология, археология и лингвистика), с одной стороны, и восприятия социокультурной антропологии широкой публикой – с другой» [8, с. 46].

Так, в настоящее время именно в социокультурной антропологии работает наибольшее число антропологов, и она лучше всего известна публике. Ее развитие поставило под вопрос также существование «общей антропологии» и сам принцип ее подразделения на четыре области. Поэтому, как утверждает Д. Маркус, будущее социокультурной антропологии связано с формированием такой новой исследовательской программы, которая не ограничивается изучением регионов за пределами США и Европы.

В настоящее время современные культуры как Западной Европы, так и США вошли в число новых объектов антропологического изучения. Вследствие этого уменьшился интерес к специализации антропологов на основе исключительно зарубежных регионов исследования, т. е. «регионального» принципа, и возросло число специализирующихся по «проблемному принципу» [8, с. 49] организации научных проектов и стратегий исследования. Примером специализации на основе изучения определенных проблем служит ряд возникших в 1990-е годы новых направлений в области социокультурной антропологии: «...междисциплинарные исследования культуры средств массовой информации, корпораций, рекламы, рынков, воздействия высоких технологий на общество и др.» [8, с. 49].

Кроме того, Д. Маркус делает акцент на разрыве социокультурной антропологии с позитивистскими способами исследований, который начался в конце 1970-х годов, хотя предпосылки к этому сложились ранее.

Так, позитивистская лексика, которая была присуща академической антропологии, возникшей как часть системы колониализма, контрастировала с особенностями полевых исследований, свидетельством чему стала публикация дневников Б. Малиновского в 1967 г. [8, с. 47]. Иначе говоря, из двух указанных Р. Борофски программ исследования наибольшее развитие в 2000-е годы получила та, которая ориентировалась на образец социальных и гуманитарных, а не естественных наук. В результате уже формируется новая программа исследований, сближающаяся с гуманитарным знанием.

Согласно Д. Маркусу, радикальным образом изменились: понятийный аппарат науки, представления о включенности этнографического исследования в общественно-политический контекст, сама практика исследований и др.

Более того, если до 1980-х годов основные темы и проблемы разрабатывались в результате дискуссий внутри антропологического сообщества, то теперь они формируются под влиянием внешних причин, т. е. под воздействием споров, диалогов антропологов с представителями других научных дисциплин по проблемам изучения общества и культуры.

С 1980-х гг. представители гуманитарных наук (например, историки, литературоведы) «...в поисках общественно-значимой роли заинтересовались концепциями и исследовательскими стратегиями социокультурной антропологии» [8, с. 47]. Согласно Маркусу, «вопрос о том, как конституируются культурные различия и как они эксплуатируются... режимами власти, стал рассматриваться в... более широкой перспективе, чем... в... антропологии предшествующего периода. Незападные культуры, субкультуры этнических и социальных меньшинств стали... привлекать внимание... исследователей...» [8, с. 47].

Эта ситуация вызвала к жизни по меньшей мере два следствия: во-первых, сами университетские программы по социокультурной антропологии формируются теперь под влиянием междисциплинарных стимулов, хотя полевой этнографический метод в целом продолжает использоваться; во-вторых, новые темы и проблемы входят в поле предмета социокультурной антропологии. К последним относят: «...изучение жизни тех же самых народов в контексте... взаимозависимого колониального и постколониального мира, а также в контексте современных условий глобализации, тенденций так называемого этнического возрождения и разнообразных движений коренных народов» [8, с. 45].

По сути, речь идет здесь о конкретизации и развитии поставленного ранее вопроса о «жертвах несправедливости». Причем при исследовании указанных проблем антропологи все чаще опираются на положения тех социальных и культурных теорий, которые выработаны за рамками антропологии. Например, в современной американской социокультурной антропологии благодаря сотрудничеству с литературоведами используется «фонд критической мысли» французского постструктурализма, в совместной работе с историками

антропологи соединяют этнографические исследования с исследованиями в области социальной истории. Маркус подчеркивает: «Методологическая и концептуальная открытость, которая поначалу характеризовала новаторские работы в области сравнительного литературоведения, а затем... в области культурных исследований, сегодня характеризует большую часть этнографических работ» [8, с. 48].

Подводя промежуточный итог, Д. Маркус отмечает следующее. Несмотря на то, что мозаика разнообразных интересов в области социокультурной антропологии в США сохраняется с прежних времен, она «сложена уже по-другому» [8, с. 44].

Вместе с тем сама междисциплинарзация социального и гуманитарного знания, в том числе антропологического, может быть проанализирована как следствие процессов глобализации культуры [см.: 13].

Последний аспект рассматривается Маркусом как результат изменения самого состояния мира, а поэтому и жизни народов в последней четверти XX в. Вследствие этого появились новые объекты исследования, возникли новые проблемы, связанные и с пониманием культуры вообще, произошли изменения как в содержании социальных и гуманитарных наук, так и в самой антропологии. Д. Маркус характеризует эти процессы следующим образом: «Ко второй половине 1990-х годов мир постепенно перешел из непредсказуемого состояния “постмодернизма” в несколько более предсказуемое состояние “глобализации”» [8, с. 49].

Основным следствием данного перехода стало формирование нового подхода в науке. Это означает смену парадигм в социокультурной антропологии США в 1990-х годах: место парадигмы «народов и регионов» заняла парадигма «культурной и социальной идентичности», а именно «процессов формирования и трансформирования культурной и социальной идентичности» [8, с. 49].

Вместе с тем указанная парадигма конституирует и обозначает новый предмет исследования, который предполагает и новый ракурс эмпирического и теоретического познания объектов.

В данном контексте следует привести некоторые общеметодологические выводы Л. Г. Ионина, касающиеся использования понятия «парадигма» в области научных исследований культуры (антропологии, культурологии). Он подчеркивает, что деятельность ученого «...есть работа в рамках *парадигмы*. Она состоит в дополнении, уточнении, углублении сформулированных в *парадигме* принципов, в распространении их на новые предметные области» [7, с. 157]. Согласно Ионину: «Смена *парадигм* есть смена отношений к объекту исследования, предполагающая изменение исследовательских методов и целей, а иногда и смена самого предмета исследования» [7, с. 157].

Возвращаясь к вопросу о переходе к новой парадигме в социокультурной антропологии, Маркус отмечает еще одно следствие этого процесса. А именно, сформировалось более реалистическое понимание культуры – не как целостного и неизменного явления, а как феномена фрагментированного, зависящего от линий исторических процессов, соединяющего «глобальное и

локальное» [8, с. 49]. Примером обращения к подобной «форме антропологического анализа культуры в 1990-х годах» является замысел журнала «Public Culture», который был основан А. Аппадурой и другими учеными [8, с. 49].

Кроме того, в центре внимания социокультурной антропологии оказались «способы антропологической репрезентации» и ее общественные последствия как «симптомы внутридисциплинарных изменений» [8, с. 50–51]. В качестве примера Д. Маркус приводит спор между Г. Обейзекером и М. Салинсом, состоявшийся в середине 1990-х годов: Обейзекер первым поставил под сомнение выводы Салинса о «столкновении» экспедиции капитана Кука с местным гавайским населением. Этот спор «имел характер типичнейшей научной дискуссии о фактах и интерпретации, с другой стороны, дебаты, в которые он вылился, опять же приняли характер дебатов о репрезентации “другой” культуры (был ли факт обожествления Кука гавайцами выражением их образа мышления, или это был попросту европейский миф, т. е. репрезентация, вытекающая из определенных понятий европейцев о “примитивных” обществах?)» [8, с. 51].

Изменения коснулись как тех исследовательских стратегий, которые имеют практическое применение, так и характера рассмотрения отношений между субъектом и объектом исследования. В данном контексте Д. Маркус приводит пример, касающийся изменившихся отношений между субъектом и объектом полевого исследования как свидетельство наступления нового исторического периода в антропологической науке. Он подчеркивает, что «объект» как конкретный представитель изучаемой культуры теперь сам способен говорить о жизненных реалиях своего народа, т. е. он обрел голос и лицо.

Так, в 1987 г., в период распространения «мультикультурализма» (гуманистической идеологии «меньшинств и этнических групп» [8, с. 52], получившей распространение в 1980-е годы), вышла в свет книга «Я, Ригоберта Менчу» гватемальского автора, майя по происхождению. Автор, свидетельствующая о притеснении и даже уничтожении майя в Гватемале, была удостоена Нобелевской премии мира. Спустя десятилетие антрополог Д. Столл провел исследования в этом регионе и собрал материалы, доказывающие, что в книге Р. Менчу были приведены недостоверные фактические данные. Последовал скандал, в центре которого оказалась антропологическая проблема репрезентации «истины о “другой” культуре» [8, с. 52]. Согласно Д. Маркусу, «...имело место столкновение антропологической репрезентации, опирающейся на практику “объективной” научной фиксации наблюдаемого материала, и, так сказать, саморепрезентации антропологического “объекта”, опирающейся на другую (“ненаучную”) практику осмысления сложных жизненных реалий» [8, с. 51–52].

Еще один пример касается социальных последствий репрезентации в области антропологии, цены антропологической истины. В 1968 г. была опубликована книга этнографа Н. Шаньона «Яномами», которая рассматривала этот народ как архетипически традиционный и стала классической в

американской антропологии. В 2002 г. вслед за публикацией книги журналиста П. Тирнея «Тьма в Эльдорадо» разразился скандал. Тирней проанализировал малоизвестные факты полевой работы Шаньона среди яномами и направление биомедицинских исследований в области антропологии, в рамках которых осуществлялся сам проект. Согласно Тирнею, указанный биомедицинский проект принес яномами много бед, а его книга стала своего рода общественным приговором вмешательству антропологов в жизнь этого народа. Д. Маркус предлагает следующий вывод: «В данном скандале оказались затронутыми не только вопросы репрезентации “других” культур в антропологическом дискурсе, но и вопросы цены научной истины, вопрос о технологическом развитии как о скрытом ассимиляционном механизме и вопрос о политическом векторе межкультурного контакта в современном глобализующемся мире» [8, с. 52].

На основании приведенных примеров дискуссий и скандалов Д. Маркус делает вывод, что теперь антропология находится в более сложных отношениях с обществом, чем в колониальный период, когда она следовала «модели Малиновского» [8, с. 52]. Поэтому большинству этнографических проектов присуща одна общая отличительная черта: «...в них присутствует задача исследования тех общественных условий, которые позволяют антропологу производить знание о “других” культурах» [8, с. 52].

Вместе с тем, согласно Д. Маркусу, в 2000-е годы социокультурная антропология как область знания в США не находится в состоянии «распада», ей необходимо пересмотреть и точно сформулировать общую программу своей дисциплины, учитывая преемственность со сложившейся ранее научной традицией.

3. Предмет социокультурной антропологии: актуальные подходы в отечественной науке

Что касается российской традиции, то Ю. М. Резник отмечает отсутствие в современной социокультурной антропологии единого представления как о предмете, так об объектах исследования [см.: 11, с. 345]. Резник предлагает следующее обобщение, полагая, что социокультурная антропология «...исследует процессы, механизмы и формы социокультурного существования людей, включая структурный, функциональный и динамический аспекты их анализа. Концептуализация ее предметной области... осуществляется при помощи таких единиц анализа как *культурные факты* (артефакты...), *жизненные формы* (“внеинституциональные структуры”), *жизненные уклады* (“уровень обыденной жизни”), *жизненные общности* (“общностные связи”), *жизненные различия* (“инобытие культуры”), *жизненные феномены* (“акты интерсубъективного сознания” в жизненном мире), *жизненные влечения* (“структуры социального бессознательного”) и *жизненные события* (“социокультурная микродинамика”), задающие определенные ракурсы исследования объектов данной науки» [11, с. 359]. Хотя, возможно, в данном подробном определении предмета антропологии преобладает тенденция к

социологии жизненного мира людей, а это приводит к тому, что специфически культурная сторона вопроса несколько отходит на второй план.

Другой исследователь, Э. А. Орлова, исходит из мысли о культуре как особой сфере познания, которая выявляет «искусственный мир», созданный и изменяемый людьми в процессе их «совместной активности» [9, с. 362–363]. Исходя из подобной модели понимания культуры, Э. А. Орлова осмысляет предмет культурной антропологии на основе принципов целостности и системности. Речь идет о концептуальной целостности предметного поля и о выявлении ряда взаимосвязанных понятий, относящихся к основаниям культуры, т. е. «общему строению», объектам, динамике развития [9, с. 363].

Руководствуясь терминологическими границами, она выделяет ту часть предмета культурной антропологии, которая соответствует изучаемой проблеме, по некоторым «основаниям». Всего выделяется семь оснований.

1) «*Происхождение*»: «естественное – искусственное», или «природа – культура». Здесь рассматриваются проблемы «поиска причин» возникновения культуры; способов проведения и удержания границ между культурой и природой; форм преобразования природы в явления культуры («артефакты»).

2) «*Свойства изучаемых объектов*»: «вещественное – социальное – символическое». В данном случае рассматривается специфика определенных классов «объектов», способы их выделения и проведения различий между ними.

3) «*Масштаб охвата предметной области*», который исследуется в координатах «культура (всего человечества) – культуры (конкретные, локальные ее проявления)». Здесь рассматриваются как общие культурные черты, присущие всем народам, регионам, обществам, так и культурные особенности и отличия.

4) «*Формы существования*», которые, в частности, предполагают противопоставление «институциональное – обыденное». Здесь изучаются различия в «способах функционирования нормативных образований», относящихся как ко всему обществу в целом, так и к отдельным социальным группам.

5) «*Степень распространенности культурных объектов*»: «массовое – субкультурное (локально-групповое)». В данном случае выявляется содержание «культурной информации» и ее функционирование на каждом из уровней.

6) «*Степень сложности культурной информации*»: «элитарное – популярное», где выясняются причины возникновения элитарных и массовых форм культуры, а также их функции.

7) «*Локусы существования*»: «городское – сельское» (что может рассматриваться и как «письменное – устное»). Здесь ставится проблема влияния социальных форм на способы «осмысления и символизации людьми» их повседневной жизни [9, с. 363].

В заключение необходимо отметить, что, согласно российской этнографической традиции, П. Л. Белков проводит детальное обоснование соотношения понятий «реальность» (или ее фрагмент) – «предмет» – «объект»

для этнографии как науки. В качестве самой исследуемой реальности, по его мнению, выступает исторически сложившееся в научной традиции (истории и географии, когда история народов отделяется от истории государств) «представление о народах» [2, с. 46]. Именно из этого фрагмента реальности выделяется предмет исследования – «...культура как некое свойство народа или срез представлений о нем» [2, с. 47]. При этом П. Л. Белков предлагает своего рода предварительное определение термина «культура»: «...общие и единообразные свойства организованных человеческих групп, а не сами эти группы» [2, с. 47]. Он также обосновывает то, что у этнографии и антропологии один и тот же предмет исследования: «Изучая “народы” или “человека”, этнографы, в конечном счете, всякий раз обращаются к их культуре» [2, с. 47].

Далее П. Л. Белков уточняет как определение культуры, так и предмет этнографии, которая выступает для него синонимом социокультурной антропологии: «...предметом ее исследования является культура как совокупность реально существующих результатов абстрагирующей деятельности человека (предметов, вещей, явлений)» [2, с. 265]. При этом он конкретизирует представление о культуре, подчеркивая, что определение этнографии как науки «...связано с понятием, бесписьменной, традиционной культуры, основанной на устной передаче информации, способом хранения которой являются не знаки (письмо, застывшее говорение), а символы (образ, изображение)» [2, с. 266].

Кроме того, Белков обозначает объект этнографии, которым является «этнос»: «В качестве объекта эмпирического исследования этнос выступает как отдельная культура (“культурный круг”), в качестве объекта теоретического исследования этнос “испаряется” до простейшей абстракции сходства / различия культуры. Это совпадает с сущностью бесписьменной (“первобытной”) культуры как логического антипода письменной культуры, стремящейся к унификации, снятию внутренних и внешних различий» [2, с. 266].

Заключение

Таким образом, в 2000-е годы четко обозначилась тенденция к расширению предметного поля антропологии и объединения ее «ветвей» под знаком термина «социокультурная антропология». Это можно понять так: социальный аспект антропологии предполагает изучение, в частности, семьи и способов взаимодействия между ее представителями, а культурная составляющая обозначает исследование знаково-символических форм общения между ними [см.: 5, с. 105].

Вместе с тем, в современной российской традиции нет единого представления о предмете социокультурной антропологии. Так, Э. А. Орлова исходит из определения предмета еще культурной (социальной) антропологии и в центре ее внимания находятся культура как особая сфера познания и «искусственный мир», созданный и изменяемый людьми. Она осмысляет предмет культурной (социальной) антропологии на основе принципов целостности и системности.

Ю. М. Резник же считает, что социокультурная антропология изучает формы общественного и культурного «существования людей». Хотя, на наш взгляд, в этом определении предмета антропологии преобладает тенденция к социологии жизненного мира людей.

В период глобализации и нового витка колониализма, становления информационного общества в России актуальным представляется определение предмета социокультурной антропологии, предложенное Д. Маркусом. То есть ее предметом в настоящее время выступает исследование культурных различий и сходств, которые рассматриваются в ракурсе достижения людьми собственной идентичности. Причем, в частности, идентичность – это «способ, с помощью которого человек сам определяет свою принадлежность к некой общности» [1, с. 15]. Предполагается, что указанная человеческая общность наделена, в частности, совокупностью «культурных черт» или признаков (среди них: предметы повседневного мира, система верований, особенности искусства и др.), носителями которых выступают конкретные люди.

Список литературы

1. Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. – М.: Весь мир, 2004. – 216 с.
2. Белков П. Л. Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. – СПб.: Наука, 2009. – 281 с.
3. Борофски Р. Введение к книге: «Осмысливая культурную антропологию» // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 1. – С. 3–18.
4. Выжлецов П. Г. Основные положения культурного эволюционизма Л. Уайта // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 3 (5). – С. 79–93. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1160> (дата обращения 30.12.2018).
5. Выжлецов П. Г., Выжлецова Н. В. Структурно-функциональный анализ общества и культуры А. Р. Рэдклифф-Брауна // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2018. – № 2 (20). – С. 91–108. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fikio.ru/?p=3194> (дата обращения 30.12.2018).
6. Выжлецова Н. В. Сопоставление предметов социокультурной антропологии и культурологии // Шестая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества»: тезисы докладов. – СПб.: ГУАП, 2018. – С. 139–143.
7. Ионин Л. Г. Парадигма // Культурология: Энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – С. 157–158.
8. Маркус Д. О социокультурной антропологии США, ее проблемах и перспективах // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 2. – С. 43–55.
9. Орлова Э. А. Понятийный аппарат культурной антропологии // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. – М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. – С. 362–384.

10. Раппопорт Р. А. Эволюция человечества и будущее антропологии // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 6. – С. 18–30.

11. Резник Ю. М. Культурная (социальная) антропология: Предмет и теоретические основания // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. – М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. – С. 345–362.

12. Салинс М. Фрагменты интеллектуальной автобиографии // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 6. – С. 57–78.

13. Тлостанова М. В. Глобализация // Культурология: Энциклопедия. В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – С. 471–476.

References

1. Arutyunov S. A., Ryzhakova S. I. Cultural Anthropology [*Kulturnaya antropologiya*]. Moscow, Ves mir, 2004, 216 p.

2. Belkov P. L. Ethnos and Mythology. Elementary Structures of Ethnography [*Etnos i mifologiya. Elementarnyye struktury etnografii*]. Saint Petersburg, Nauka, 2009, 281 p.

3. Borofsky R. (Ed.) Assessing Cultural Anthropology [Vvedenie k knige: “Osmyslivaya kulturnuyu antropologiyu”]. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 1995, № 1, pp. 3–18.

4. Vyzhletsov P. G. Basic Ideas of L. White’s Cultural Evolutionism [Osnovnye polozheniya kulturnogo evolutsonizma L. Uayta]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 3, pp. 79–93. Available at: <http://fikio.ru/?p=1160> (accessed 30 December 2018).

5. Vyzhletsov P. G., Vyzhletsova N. V. Structural and Functional Analysis of Society and Culture by A. R. Radcliffe-Brown [Strukturno-funktsionalnyy analiz obshchestva i kultury A. R. Redkliff-Brauna]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2018, № 2, pp. 91–108. Available at: <https://fikio.ru/?p=3194> (accessed 30 December 2018).

6. Vyzhletsova N. V. Comparison of Subjects of Sociocultural Anthropology and Culturology [Sopostavleniye predmetov sotsiokulturnoy antropologii i kulturologii]. *Shestaya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Filosofiya i kultura informatsionnogo obshchestva”*: tezisy dokladov (The Sixth International Conference “Philosophy and Culture in Information Society”: Theses of Reports). Saint Petersburg, GUAP, 2018, pp. 139–143.

7. Ionin L. G. (Levit S. Y. Ed.) Paradigm [Paradigma]. *Kulturologiya: Entsiklopediya. V 2 t. T. 2.* (Culturology: Encyclopedia. In 2 vol. Vol. 2). Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007, pp. 157–158.

8. Marcus D. On the Sociocultural Anthropology of the United States, Its Problems and Prospects [O sotsiokulturnoy antropologii v SSHA, yeye problemakh i perspektivakh]. *Etnograficheskoye obozreniye* (Ethnographic Review), 2005, № 2, pp. 43–55.

9. Orlova E. A. The Conceptual Apparatus of Cultural Anthropology [Ponyatiynyy apparat kulturnoy antropologii]. *Sotsiokulturnaya antropologiya: istoriya, teoriya i metodologiya: Entsiklopedicheskiy slovar* (Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary). Moscow, Akademicheskii Proekt, Kultura; Kirov, Konstanta, 2012, pp. 362–384.

10. Rappaport R. A. The Evolution of Mankind and the Future of Anthropology [Evolyutsiya chelovechestva i budushcheye antropologii]. *Etnograficheskoye obozreniye* (Ethnographic Review), 1995, № 6, pp. 18–30.

11. Reznik Y. M. Cultural (Social) Anthropology: Subject and Theoretical Foundations [Kulturnaya (sotsialnaya) antropologiya: Predmet i teoreticheskiye osnovaniya]. *Sotsiokulturnaya antropologiya: istoriya, teoriya I metodologiya: Entsiklopedicheskiy slovar* (Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary). Moscow, Akademicheskii Proekt, Kultura; Kirov, Konstanta, 2012, pp. 345–362.

12. Sahlins M. Fragments of an Intellectual Autobiography [Fragmenty intellektualnoy avtobiografii]. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 2008, №6, pp. 57–78.

13. Tlostanova M. V. (Levit S. Y. Ed.) Globalization [Globalizatsiya]. *Kulturologiya: Entsiklopediya. V 2 t. T. 1.* (Culturology: Encyclopedia. In 2 vol. Vol. 1). Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007, pp. 471–476.

УДК 392.51; 316.324.8

Брак в постиндустриальную эпоху и его репрезентация в массовой культуре*

Карасёва Ульяна Андреевна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра рекламы и современных коммуникаций, студент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ulyanakaraseva@yandex.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,

телефон: +7 (812) 373-20-02.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории культуры XX века был дан анализ многих социальных институтов. Однако брак как институт и индустрия, а также его художественная репрезентация в медиа-среде пока еще не стали объектом специального культурологического исследования.

Цель исследования: Выделить отличительные особенности транслируемого современного брачно-семейного контента и определить степень влияния создаваемых средствами массовой коммуникации визуальных образов, во-первых, на индивидов и действительное взаимодействие между ними и, во-вторых – на формирование новых социокультурных практик.

Результаты: Глобальное действие средств массовой коммуникации в современной информационной культуре привело к повсеместной интерпретации фактов реальности в масс-медийной среде. В постоянно ускоряющейся информационной культуре цифровые коммуникации технически опосредуют традиционные модели переживания индивидуальных и коллективных событий. Этот процесс позволяет замещать социокультурные смыслы институтов и ритуалов искусственно созданными знаками и мифами.

Выводы: В результате проникновения через экран в личное пространство индивида знаков реальности социальная жизнь оказывается реконструированной в новую информационную среду – гиперреальность. Дезориентация индивида в мире пустых образов этой среды приводит к отсутствию в постиндустриальном обществе универсальных свадебных традиций и обычаев. Современные художественные репрезентации любви, семьи и брака в СМИ подтверждают данное предположение.

Ключевые слова: информационная культура; репрезентация; брак; средства массовой информации; влияние; традиции; свадьба; знаки; потребление.

---

* © У. А. Карасёва, 2019.

Marriage in the Post-Industrial Era and Its Representation in Popular Culture

Karaseva Ulyana Andreevna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Advertising and Modern Communications, student, Saint Petersburg, Russia.

Email: ulyanakaraseva@yandex.ru
15 Gastello st., Saint Petersburg, 196135, Russia,
tel.: +7 (812) 373-20-02.

Abstract

Background: The theory of culture of the XX century analyses many social institutions. Marriage as an institution and industry and its imaginative representation in the mass media, however, have not become the object of a special cultural study yet.

Purpose: To highlight the distinctive features of the broadcast modern marriage and family content and determine the influence of mass media visual images, first, on individuals and the actual interaction among them and, second, on the formation of new sociocultural practices.

Results: The global impact of the mass media on modern information culture has resulted in a widespread interpretation of real facts through the mass media environment. Information culture enables digital communications to mediate technically and develop traditional patterns of experiencing individual and collective events. This process allows replacing the sociocultural meanings of institutions and rituals with artificially created signs and myths.

Conclusion: As a result, such penetration of simulacrum through the screen into the personal space of the individual has reconstructed social life into a new information environment, i. e. hyperreality. Disorientation of the individual in the world of empty images of this environment leads to the absence of common wedding traditions and customs in post-industrial society. Modern imaginative representations of love, family and marriage in the media confirm this hypothesis.

Keywords: information culture; representation; marriage; media; influence; traditions; wedding; signs; consumption.

Исследователями культуры XX в. были описаны многие социальные институты и индустрии: классическими стали работы о моде (Г. Зиммель, Р. Барт, Ж. Липовецки), искусстве (В. Беньямин, Т. Адорно), экономике (Ж. Бодрийяр) и коммуникации (М. Маклюэн, П. Вирильо) и др. При этом исследования по многим другим, частным моментам социальной жизни либо еще не проводились, либо известны только в узких кругах специалистов. Мы бы хотели обратить внимание на брак как институт и индустрию. Эта тема широко представлена, с одной стороны, в социологии, с другой – в маркетингологии, но культурологически рассматривается значительно реже. Не забывая богатейшую традицию изучения семьи социокультурной

антропологией, следует признать пионерскими и культурологические исследования в рамках исторических работ Ф. Арьеса «Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке» (1960) и Ю. М. Лотмана «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)» (1993). Предметом нашего рассмотрения будет медийная художественная репрезентация. Свою задачу мы видим в том, чтобы определить особенности транслируемого контента и понять, влияют ли современные медиа на формирование нового уклада во взаимоотношении между индивидами в создании брачных союзов и новых практик вследствие считывания изменённых средствами массовой коммуникации социокультурных смыслов (мифов, знаков, симулякров реальности).

Существует точка зрения, что современное информационное общество характеризуется, в первую очередь, «ускорением реальности» (П. Вирильо). Ускорение является сутью цифровых коммуникационных технологий, которой соответствуют особые формы производства и потребления, особая эстетика, особая политика и геополитика. Ещё М. Маклюэн высказывал мысль, что географическое пространство под влиянием медиа превращается в «глобальную деревню»: не существует больше ни центра, ни периферии, ни привычного нам географического горизонта объективной реальности. Мгновенность, массовость и вездесущность становятся определяющими константами современности. Под влиянием масс-медиа события реальной жизни становятся частью медиа-реальности, интерпретированными через технические средства коммуникации. Такая переработка реальности ведёт к тому, что пространственно-временные параметры в современной массовой культуре также претерпевают изменения: время сжимается, а пространство выворачивается наизнанку, «глобальное оказалось внутри конечного мира, а локальное стало внешней периферией. Так произошло глобалитарное изменение, выведшее на поверхность небольшие поселения, в результате которого изгнанию подлежат не только отдельные люди, а их жизненное и экономическое пространства» [7, с. 15–16]. Поэтому причина сильного влияния СМИ на многие сферы человеческой деятельности кроется в их вездесущности, что стало возможным благодаря указанному перераспределению пространства.

Далее, информационный мир характеризуется пренебрежением теоретической природой истины в пользу прагматической полезности и эффективности. Исследуя вопрос об интерпретации фактов реальности в медийной среде, французский философ Ж. Бодрийяр утверждает, что масс-медиа антикоммуникативны (информативны). Так, научно принятая коммуникативная структура «передатчик – закодированное сообщение – приёмник» – это изначально абстракция и мистификация. Ведь нельзя вступить в символический обмен, дать ответ на полученное сообщение функциональному предмету: радио, телевизору, видеокамере, проводам Интернета. Закодированное сообщение опосредуется масс-медиа, приобретает функциональный характер и предстает перед нами в своём окончательном виде, налагая запрет на любую форму обмена и обратимости. Здесь как с потреблением: общепризнанные образцы потребления – это особый порядок,

при котором разрешается только брать и использовать, это система уже установленных абстрактных общественных отношений.

Отсюда следует определение масс-медиа по Ж. Бодрийяру: «Это не просто совокупность технических средств для распространения содержания информации, это навязывание моделей» интерпретаций передаваемого сообщения. Иными словами, через СМИ до нас доходит не оригинальное сообщение, а абстракция и мистификация, опосредованная кодом и захваченная формой или знаком. При этом подразумевается, что оригинальное сообщение, пройдя через платиновый телеэкран, теряет свой изначальный смысл. По сути, масс-медиа – удивительное средство манипуляции, ибо оно создает как минимум три абстракции: абстракцию общественного мнения, абстракцию подконтрольности СМИ человеку и абстракцию истинности передаваемого сообщения. В этом смысле Ж. Бодрийяр критикует М. Маклюэна: его знаменитое высказывание *Medium is the message* на самом деле звучит как *Medium is the model*. «Будучи институционализированным при помощи средств воспроизведения, превращенным в зрелище при помощи масс-медиа, слово умирает» [4, с. 209], – заключает Ж. Бодрийяр.

Слово (живое, подвижное сообщение из реального мира) «умирает» (мифологизируется, интерпретируется), и на смену ему приходит слово реконструированное – целые символические (знаковые) системы, собираемые в модели и транслируемые повсеместно в медиaprостранстве «глобальной деревни». Конструируемые СМИ модели, по мнению Ж. Бодрийяра, специальным образом «изготавливают», комбинируя в них различные элементы реальности. Благодаря искусственно созданному набору элементов на экране «разыгрывается» событие, структура или ситуация, из чего возможно только извлечь тактические заключения, но не вступить с ними в символический обмен.

Эта особенность СМИ хорошо просматривается на примере одного из самых популярных семейных реалити-шоу «4 Свадьбы». Согласно замыслу этого шоу, четыре невесты соревнуются друг с другом в том, чья свадьба самая лучшая, за обладание главным призом – свадебным путешествием. Они по очереди ходят друг к другу на торжества, а затем выставляют оценки по четырем критериям: платью невесты, банкетное меню, место проведения и общее впечатление. Следует понимать, что шоу призвано продемонстрировать четыре абсолютно реальные свадьбы, но они отнюдь не кажутся нам живыми, наоборот, они изъяты из этой реальности, подменены и помещены в гиперреальность. В результате на экране перед зрителем возникает четыре разных модели, скомбинированных из абстрактных знаков реальности. Перепроизводство, засилье этих знаков на экране обуславливает утрату реальностью содержательного, ценностного компонента. Зритель не понимает ни глубинного смысла торжества, ни атмосферы демонстрируемой «реальности», но зато наблюдает, как один за другим комбинируются в единую картинку яркие знаковые элементы. Таким образом, отражение глубинной реальности сменяется ее извращением, затем маскировкой ее отсутствия и, наконец, утратой какой-либо связи с реальностью, заменой подлинного смысла

образом отсутствующей действительности – симулякром. А реальные чувства, мотивации и сложности героев отчуждается в симулятивное медиа-пространство без зрительского права на то возразить. Даже на уровне голосования за лучшую свадьбу мы наблюдаем однонаправленность: зрителю предлагается лишь четыре заранее подготовленных критерия оценки, то есть получается, что навязываются не только модели свадеб, но и социальная практика суждения, не допускающая особого мнения. Возможно только считать знаковый код, «потребить» навязанные образы и действовать соответственно им.

Рис. 1 «4 Свадьбы» (телеканал «Пятница»)

Феномен «гиперреальности» (Ж. Бодрийяр) можно считать еще одной характеристикой информационного общества: «Сегодня же вся бытовая, политическая, социальная, историческая, экономическая и т. п. реальность изначально включает в себя симулятивный аспект гиперреализма: мы повсюду уже живем в “эстетической” галлюцинации реальности» [5, с. 152]. Жанр «реалити», как в рассматриваемом примере, – ярчайшее тому подтверждение. Взгляд созерцающего и изображение на экране представляют практически одно целое, «наши глаза словно растворяются в изображении» [2, с. 75–87]. Возникает «эффект соприкосновения» с иллюзией, что фактически позволяет ей проникать в личное пространство каждого индивида и создавать гиперреальность – особое измерение, где смешивается внутренне и внешнее, интимное и публичное, экранные действия и события реальной жизни, подлинных пространства и времени и телевизионных, воображаемых.

Со временем репрезентируемые в обществе потребления через СМИ образы, симулякры «современных зрелищ» порождают скуку и пресыщенность зрителей вновь выходящими ТВ-шоу и киношедеврами. Чтобы преодолеть этот

внутренний кризис перепроизводства знаков реальности, представители медиаиндустрии погрузились в создание гипертехничности, гипернаглядности, гиперэффективности и гиперчувствительности. Сверхчеткость, насыщенность, трехмерность изображения, объемность звука, яркость и сверхнатуральность – все силы современных технологий пущены на то, чтобы питать интерес зрителя.

Между тем Ж. Бодрийяр убежден, что «чем больше стремятся к реальному, обладающему своим цветом, размером и т. п., тем больше, от одного технического усовершенствования к другому, углубляется реальное отсутствие мира» [3, с. 165]. Гиперреальность всё больше замещает собой выдохшуюся реальность целой чередой более ярких и колоритных, но содержательно пустых эффектов действительного, истины, объективности. Эффект реальности оказывается значительно более привлекательным и «реальным», чем сама реальность. Экстатическое распространение информации на экранах телевизоров несет тотальную близость и мгновенность всех вещей, обрушивается потоком их чрезмерного, детализированного раскрытия. Так, действительная социальная жизнь обретает черты инсценировки, спектакля, а межличностные взаимоотношения переходят в разряд функциональной продуманной игры.

Интерпретация фактов реальной жизни в массмедийной среде имеет для нас особое значение в свете нашего исследования об особенностях медиарепрезентации семьи и брака, о влиянии создаваемых визуальной коммуникацией образов на действительное взаимодействие между людьми. И если верно, что «визуализация является наиболее заметной стороной виртуализации» (П. Вирильо), так ли сильно и безапелляционно навязываемые через экран модели детерминируют поведение человека? Замечает ли человек, обитая в вывернутом наизнанку мире, будучи изолирован и лишен права отвечать на потребляемый медийный образ, что не просто «изображение продукции является частью художественного оформления и может не соответствовать рекламируемому товару»¹, но что никакого рекламируемого товара уже не существует?

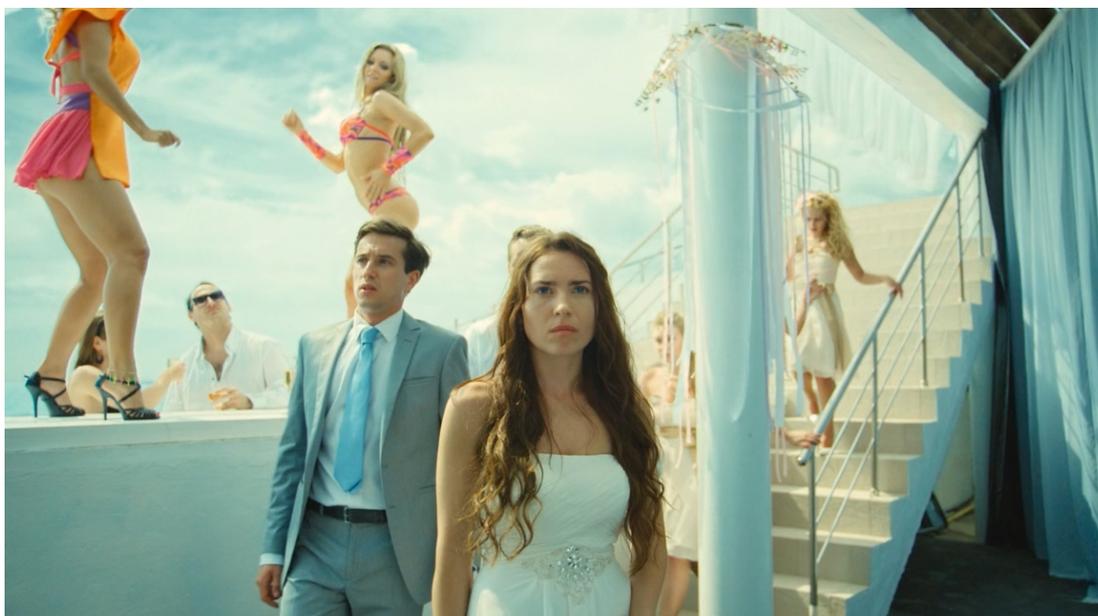
В современной межличностной коммуникации люди нередко относятся друг к другу как к функциональным предметам с претензией на обладание и использование, а не на понимание, обмен и взаимодействие. Выбирается определённая группа социально значимых критериев оценки, которые играют ключевую роль и при выборе партнера, и при создании союза, и даже при планировании самого торжества. Вспомним популярный российский фильм «Горько!» (2013, реж. Жора Крыжовников). В центре сюжета – молодая пара, Рома и Наташа, которые решили вступить в брак и вместе со своими родителями готовятся к предстоящей свадьбе. В представлении зрителя всё могло бы сложиться прекрасно и в подготовке к будущему торжеству, и в его проведении, если бы режиссер фильма не погрузил его в череду сменяющихся друг друга по нарастающей диаметрально противоположных образов: родители

---

¹ Выдержка из комментария к рекламе МакКомбо на постере

жениха – простые рабочие, родители невесты – элита Геленджика. Родители с обеих сторон навязывают формат свадьбы «как у людей» с рисом в волосах, водкой и конкурсами, но самим брачующимся в то же самое время хочется воплотить детскую мечту невесты и провести свадьбу, как в сказке «Русалочка», с аркой и алыми парусами; предложенный родителями ресторан «Золотой» – типичный среднестатистический банкетный зал, а место в мечтах молодоженов – популярный белоснежный яхт-клуб на берегу моря и т. д. и т. п.

В итоге молодые решают провести две свадьбы (по закону жанра, происходят они одновременно), и от родителей поехать сразу же на берег моря к своей мечте. Однако, всё же оказавшись на «свадьбе мечты» в яхт-клубе, молодожены попадают в общество приглашенных организатором гостей, совершенно чужих незнакомых людей. Эти приглашенные для имиджа праздника гости составляют заключительное противоречие всем присутствующим на официальной части свадьбы родственникам, да и самим молодоженам.

Рис. 2 «Горько!» (реж. Ж. Крыжовников, 2013)

Наблюдаемая зрителем, казалось бы, комичная ситуация в итоге оборачивается в не очень комичные последствия: конфликт между женихом и невестой, конфликт «отцы и дети», драки, пошлость, доведенная до абсурда, попытка саможжения невесты и как итог – прибытие ОМОНа и примирение всех участников «торжества» в автобусе спецслужб. Так что чувство обеспокоенности сопровождает зрителя от начала и до конца: хочется смеяться, но смех застревает в горле.

На наш взгляд, основная идея фильма заключается в следующем: драма, разворачивающаяся вокруг подготовки к свадьбе, обусловлена, прежде всего, отсутствием в культуре «общества потребления» универсальных традиций проведения этого торжества. В информационной культуре, где национальные традиции и культурные различия отеснены на периферию цифровых

коммуникаций, ритуальная память культуры, общепринятые модели переживания индивидуальных и коллективных событий теряют какую бы то ни было ценность. В традиционных обществах представить себе показанную в фильме конфликтную ситуацию едва ли возможно, в то время как в современном обществе подобные ситуации становятся реальностью всё чаще.

Важной особенностью фильма является то, что повествование в нем ведется от первого лица. Такой стиль съемки отсылает нас к упомянутому ранее телешоу «4 свадьбы», что формально роднит брачные реалити-шоу и обсуждаемый фильм. По Ж. Бодрийяру, так действуют современные медиа в обществе потребления: любая информация получается нами в форме происшествия или зрелища. «Повсюду документальное кино, прямой репортаж, экстренное сообщение... Повсюду ищут “сердце события”... – стремятся испытать головокружение от целостного присутствия в событии,... потому что истина события видимого, переданного по телевизору, записанного на киноленту, именно означает в точности, *что я там не был*» [3, с. 15]. Мир, полностью выставленный на всеобщее обозрение в режиме live с помощью различных средств коммуникации или медиа, становится средой, в которой мгновенно производятся, распространяются и воспринимаются различные культурные коды, видоизменяющие как человеческие отношения, так и структуру общества в целом. Выбранный режиссером «Горько!» способ съемки и репрезентации разыгрывающейся в фильме драмы следует интерпретировать гиперреалистически. Столь сильная драматизация событий внешнего мира в СМИ, по Ж. Бодрийяру, просто необходима для оправдания гедонистического образа жизни современного человека, отчужденного от реальности посредством потребления её знаков. Опасность, жестокость, фатальность внешнего мира на экране компенсирует и в каком-то смысле оправдывает исключение из действительности, чувство комфорта и безопасности. Конфликт по поводу подготовки к свадьбе гипертрофирован режиссёром и подан им как катастрофа. Благодаря использованию гротеска, яркой иллюстрации крайностей и стереотипных образов «Горько!» можно отнести к постмодернистскому жанру эксплуатационного кино или trash-комедии. Персонажи фильма – колоритные и узнаваемые: отец-десантник, влиятельный служащий мэрии, брат-зэк, быдло-подруга, обрюзгшие лица гостей торжества, тамада (самый лучший) Сергей Светлаков и т. д. Все они узнаваемы, а их образы – ни что иное, как стереотипы, даже гиперстереотипы, по Ж. Бодрийяру. Если драки, то самые зрелищные и крупным планом; если музыка, то самая известная и очень громкая; если кульминация, то с попыткой саможжения главной героини, огнестрельными ранениями жениха и ОМОНОм. В определенный момент создается впечатление, что детали в этом фильме настолько доведены до абсурда, что режиссер фильма снимал вовсе не комедию, а фильм ужасов.

Рис. 3 «Горько!» (реж. Ж. Крыжовников, 2013)

Фильм «Горько!» представляет две модели проведения свадебного торжества: модель брачующихся (европейская, романтическая, гламурная) и модель родителей (устаревшая, традиционная, постыдная для молодых). Но, в сущности, обе модели были индустриально сформированы в готовый для потребления продукт: «...события, история, культура представляют понятия, которые выработаны не на основе противоречивого реального опыта, а *произведены как артефакты на основе элементов кода и технической манипуляции медиума*» [3, с. 164]. При отсутствии общепринятых свадебных обычаев, характерных для традиционных культур, современный человек начинает изобретать мифические формы и ритуалы. Модель «русалочки» и модель «отца со связями» равно сконструированы из набора воображаемых элементов. Даже на уровне аргументации моделей в фильме отцом или дочерью ни та, ни другая не отсылают к тому, «как принято» или «как правильно», но зато отсылают к целому ряду исключительно личных мотиваций. Следовательно, обе модели равно симулятивны: сконструированные из знаков реального обе модели создают видимость того, чего на самом деле нет – общепринятой традиции или равно универсальной модели. Так, на наш взгляд, фильм «Горько!» через утверждение того, что никакими общепринятыми моделями человечество не обладает, иллюстрирует страдание современного человека от невозможности сделать выбор, подобно тому, как и главная героиня, оказавшаяся в ситуации псевдовыбора и потому разочаровавшаяся в обеих моделях (для подобной иллюстрации, возможно, и были нужны образы противоположностей).

Действительно, согласно Ж. Бодрийяру, индивидуальный, продиктованный реальными потребностями выбор априори иллюзорен – он определяется самой структурой потребления, придающего значение не

конкретным феноменам или их истинному смыслу, а абстрактным ценностям, тождественным отчуждённым от них знакам. А значит цель выбора модели или обладания «нужным» набором знаков – возможность индивида приблизиться к его такому же иллюзорному личному счастью. Счастье, выраженное количественно, позволяет подчеркнуть свою индивидуальность (модель «русалочки») или достичь более высоких позиций в обществе (модель «отца со связями»), потому как потребительские практики становятся новыми признаками социальной позиции. Следовательно, конструирование моделей и заполнение их мифологизированными практиками происходит потому, что отсутствие общепринятой свадебной традиции становится одной из черт современного общества.

Итак, культурно обделенный традицией и ритуалом современный человек оказывается в гиперреалистическом мире пустых образов. Ценой зрелищности становится воспроизведение механистических, индустриально проработанных действий, которые не учитывают всю сложность противоречий во взаимодействии между людьми. Они, между тем, опосредуются не только технически, но и социально – через систему потребления с ее стремлением к достижению счастья, индивидуализмом, консюмеризмом и др. В таком положении находятся молодожены из фильма «Рассказы» (эпизод «Мир крепежа», реж. М. Сегал, 2012). Главная героиня, как и в «Горько!» – невеста, опасается неожиданностей на свадьбе и хочет детального планирования праздника. С нашей точки зрения, это означает как раз утрату традиционных моделей бракосочетания, когда молодоженам приходится выдумывать свои «идеальные свадьбы». Но здесь режиссер идет дальше и показывает, что обратной стороной этой утраты является унификация и механизация всей дальнейшей жизни в браке. Герой А. Мерзликина – организатор свадеб – предлагает им не только свадьбу, но и сценарий основных моментов брачной жизни до самой смерти супругов.

Рис. 4 «Мир крепежа» (реж. М. Сегал, 2012)

Таким образом, глобальное действие средств массовой коммуникации в современной информационной культуре привело к повсеместной интерпретации фактов реальности в масс-медийной среде. Цифровые коммуникации, технически опосредуя традиционные модели переживания индивидуальных и коллективных событий, замещают социокультурные смыслы институтов и ритуалов искусственно созданными знаками и мифами. Этим и объясняется отсутствие в обществе потребления универсальных свадебных обычаев. Рассмотрение медийной художественной репрезентации семьи и брака позволило нам выделить некоторые особенности транслируемого в СМИ контента: массовость, вездесущность, информативность, гиперреалистичность, мифологичность и др. В результате проникновения через экран в личное пространство индивида знаков реальности социальная жизнь оказывается реконструированной в новую информационную среду – гиперреальность. Дезориентация индивида в мире пустых образов этой среды приводит к формированию новых практик во взаимоотношении между индивидами в создании брачных союзов: унификация и механизация взаимодействий между индивидами посредством их детализации на экране, функциональный подход к заключению брачных союзов (не на основе обмена, а на основе потребления социально значимых характеристик) и к планированию самого торжества (создание моделей и наполнение их мифологизированными образами в попытке достижения личного, социального и потребительского счастья, идеала «общества потребления»).

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.
2. Бодрийяр Ж. Ксерокс и бесконечность // Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – С. 75–87.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика, 2006. – 314 с.
4. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 193–226.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
6. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – 318 с.
7. Вирильо П. Информационная бомба. Стратегия обмана. – М.: Гнозис, 2002. – 192 с.
8. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

References

1. Barthes R. Mythologies [*Mifologii*]. Moscow, Akademicheskiiy proekt, 2008, 351 p.
2. Baudrillard J. Xerox and Infinity [*Kseroks i beskonechnost*]. *Prozrachnost zla* (The Transparency of Evil). Moscow, Dobrosvet, 2000, pp. 75–87.

3. Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures [*Obschestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*]. Moscow, Respublika, 2006, 314 p.

4. Baudrillard J. Requiem for the Mass Media [Rekviem po mass-media]. *Poetika i politika: Almanakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii RAN* (Poetics and Politics: Almanac of The Russian-French Center of Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences). St. Petersburg, Aleteyya, 1999, pp. 193–226.

5. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death [*Simvolicheskiy obmen i smert*]. Moscow, Dobrosvet, 2000, 387 p.

6. Baudrillard J. Seduction [*Soblazn*]. Moscow, Ad Marginem, 2000, 318 p.

7. Virilio P. The Information Bomb. Strategy of Deception [*Informatsionnaya bomba. Strategiya obmana*]. Moscow, Gnozis, 2002, 198 p.

8. McLuhan M. Understanding Media. The Extensions of Man [*Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*]. Moscow, Zhukovskiy; KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2003, 464 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 159.942; 159.91

Спор о происхождении эмоций. Чувствуем ли мы головой или сердцем? (комментарий к работам В. С. Дерябина, посвященным анализу теорий происхождения эмоций)*

Забродин Олег Николаевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации», кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ozabrodin@yandex.ru

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6–8,
тел.: +7-950-030-48-92.

Авторское резюме

Предмет исследования: Проведенный в работе В. С. Дерябина анализ двух альтернативных теорий происхождения эмоций – Джемса – Ланге и У. Кеннона.

Результаты: К указанному анализу В. С. Дерябин подошел с позиций материалистической диалектики, рассматривая возникновение эмоций как высший этап эволюционного развития аффективности (чувств, влечений и эмоций). Автор подчеркивал, что в переживании простых чувств удовольствия и неудовольствия, влечений (голод, жажда, половое влечение) определяющую роль играет афферентная (центростремительная) нервная импульсация, поступающая в головной мозг от рецепторов периферических органов. Поэтому и в формировании эмоций в центрах головного мозга он придавал важное значение усиливающей эмоции афферентной импульсации, поступающей с периферии.

Вывод: Примененный В. С. Дерябиным в середине 30-х годов XX века диалектический подход к анализу образования эмоций позволил снять противоречия существовавших в то время двух альтернативных теорий и предложить единую теорию формирования эмоций.

Ключевые слова: эмоции; анализ происхождения эмоций; диалектический подход; единая теория образования эмоций.

---

* © О. Н. Забродин, 2019.

The Dispute about the Origin of Emotions. Do We Feel Using Our Head or Heart? (Commentary on V. S. Deryabin's Works Devoted to the Analysis of Theories of Emotions Origin)

Zabrodin Oleg Nikolaevich – The First Saint Petersburg State Medical University Named after Academician Pavlov, Anesthesiology and Resuscitation Department, Senior Research Worker, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Email: ozabrodin@yandex.ru
6–8 Lew Tolstoy st., Saint Petersburg, 193232, Russia,
tel.: +7 950 030 48 92.

Abstract

Purpose: To analyze the two alternative theories of emotions origin, namely the W. James – K. Lange and W. B. Cannon theories, in V. S. Deryabin's work.

Results: V. S. Deryabin has analyzed the theories mentioned above from the standpoint of materialist dialectics, considering the emergence of emotions as the highest stage of the evolutionary development of affectivity (feelings, inclinations and emotions). The author has emphasized that in the experience of simple feelings of pleasure and displeasure, inclinations (hunger, thirst and sexual desire) the afferent (centripetal) nervous impulses that enter the brain from the receptors of peripheral organs play the decisive role. Therefore, in the initial formation of emotions in the centers of the brain, he has attached great importance to the stirring up emotion caused by afferent impulses coming from the periphery.

Conclusion: Dialectical approach to the analysis of emotions formation, which V. S. Deryabin applied in the middle of the 1930s, allowed him to remove the contradictions from the two alternative theories, existed at that time, and to advance an integral theory of emotions formation.

Keywords: emotions; analysis of the origin of emotions; dialectic approach; integral theory of emotions formation.

Давний спор между психологами и физиологами о механизме возникновения эмоций отражал дуализм в воззрениях на психическую деятельность. Этому вопросу В. С. Дерябин посвятил два раздела своей монографии «Чувства, влечения и эмоции» (название при издании – «Чувства. Влечения. Эмоции»): «Теория происхождения эмоций Джемса – Ланге» и «Возражения против теории Джемса – Ланге». Последний раздел был исключен редакторами издания, по-видимому, в связи с его насыщенностью данными физиологических экспериментов и возможной сложностью восприятия широким читателем. Вместе с тем, оба раздела монографии представляют единое целое. При написании этих разделов автор исходил из принципов материалистического монизма и психофизиологического единства.

В период написания монографии данные об анатомио-физиологическом субстрате эмоций были скудными. К концу 20-х гг. существовали две основные

теории возникновения эмоций. Так называемая «периферическая» теория происхождения эмоций была выдвинута известным американским психологом Уильямом Джемсом (1842–1910) и датским психологом и физиологом Карлом Ланге (1834–1900). Теория Джемса – Ланге придавала первостепенное значение в возникновении эмоций так называемым висцеральным (т. е. исходящим из внутренних органов) ощущениям, рефлекторно возникающим под влиянием внешних раздражений – в первую очередь в сердце [см.: 4], или же вследствие возникающих при этом сосудистых реакций [см.: 6].

«Центральная» теория возникновения эмоций, выдвинутая У. Кенноном (1871–1945) в 1927 г. [см.: 5; 8], объясняла переживание и выражение эмоций механизмом корково-подкорковых взаимоотношений в центральной нервной системе, главным звеном которого является возбуждение подкоркового образования, зрительного бугра – таламуса. Позднее эта теория была дополнена «гипоталамической» теорией Э. Гельгорна, согласно которой формирование эмоций обусловлено возбуждением подбугорья (гипоталамуса) и его связей со структурами переднего и среднего мозга [см.: 1; 2].

К рассмотрению двух альтернативных теорий В. С. Дерябин подошел с позиций материалистической диалектики. Во-первых, с позиций целостного рассмотрения – «во всех связях и опосредствованиях», во-вторых, в аспекте эволюционного развития аффективности (чувств, влечений и эмоций), высшим этапом которого являются эмоции. В. С. Дерябин подчеркивал, что в образовании простых чувств, дающих окраску неприятным ощущениям (болевым, температурным и др.), и влечений – мотиваций (голод, жажда, половое влечение) важную роль играет поступающая в головной мозг центростремительная нервная импульсация, вызывающая висцеральные ощущения.

Поэтому-то в свете генетической связи простых чувств, чувств, связанных с влечениями, и эмоций В. С. Дерябин выдвигает своё объяснение психофизиологических механизмов эмоций, лишённое односторонности указанных теорий. Признавая ведущую роль центральных механизмов в возникновении эмоций, В. С. Дерябин обосновывает значение в этом процессе висцеральных ощущений, служащих, в частности, для усиления эмоциональных переживаний. Ярким примером тому представляется действие введенного человеку адреналина, который, как известно, не проникает в головной мозг и не вызывает эмоций, но усиливает уже имеющиеся эмоции [см.: 7].

В. С. Дерябин пишет по этому поводу: «Если концепцию Джемса – Ланге дополнить, приняв во внимание участие в эмоциональных реакциях таламических и гипоталамических центров, то ход физиологических процессов, с которыми связаны эмоциональные реакции, можно представить в таком виде. Процессы могут протекать как “сложнейшие безусловные рефлексы”, осуществляющиеся через подкорковые центры (И. П. Павлов), и по типу временной связи, представляя “объединенную деятельность коры и подкорки”... Можно думать, что аналогично этому при взаимодействии коры и подкорки могут возникать разнообразнейшие вегетативно-эндокринные

реакции, вызывающие таламические и корковые процессы, с которыми связано неисчислимо богатство эмоциональных проявлений у человека» [3, с. 162].

При подготовке к публикации с целью большей доступности изложения в скобках представлены пояснения к отдельным физиологическим и медицинским терминам. В связи с тем, что публикуемые разделы входят в монографию, подготовленную к печати в середине 30-х годов прошлого столетия, даны ссылки на более поздние издания отдельных авторов.

Список литературы

1. Гельгорн Э. Регуляторные функции автономной нервной системы. – М.: Издательство иностранной литературы, 1948. – 415 с.
2. Гельгорн Э., Луфборроу Дж. Эмоции и эмоциональные расстройства. – М.: Мир, 1966. – 672 с.
3. Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции: о психологии, психопатологии и физиологии эмоций. – М.: ЛКИ, 2013. – 224 с.
4. Джемс У. Психология / Под ред. Л. А. Петровской. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
5. Кеннон В. Физиология эмоций. – М. – Л.: Прибой, 1927. – 173 с.
6. Ланге К. Аффекты (душевные движения): Психофизиологический этюд. – СПб.: Типография училища глухонемых, 1890. – 67 с.
7. Тимофеев Н. Н., Гурари А. Л. Влияние адреналина на депрессивных больных // Труды Военно-медицинской академии. – Л.: Издательство Военно-медицинской академии РККА им. С. М. Кирова, 1936. – 287 с.
8. Cannon W. B. The James – Lange Theory of Emotions: A Critical Examination and an Alternative Theory // The American Journal of Psychology. – 1927. – V. 39. – Pp. 106–124.

References

1. Gelgorn E. Regulatory Functions of the Autonomic Nervous System [*Regulyatornyye funktsii avtonomnoy nervnoy sistemy*]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1948, 415 p.
2. Gelgorn E., Lufborrou J. Emotion and Emotional Disorders [*Emotsii i emotsionalnye rasstroystva*]. Moscow, Mir, 1966, 672 p.
3. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations, Emotions. About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [*Chuvstva, vlecheniya, emotsii. O psikhologii, psikhopatologii i fiziologii emotsiy*]. Moscow, LKI, 2013, 224 p.
4. James W. Psychology [*Psikhologiya*]. Moscow, Pedagogika, 1991, 368 p.
5. Cannon W. B. Physiology of Emotions [*Fiziologiya emotsiy*]. Moskow – Lenigrad, Priboy, 1927, 173 p.
6. Lange C. Affects (Mental Movements): Psychophysiological Etude [*Affekty (dushevnye dvizheniya): Psikhofiziologicheskiy etyud*]. Saint Petersburg, Tipografiya uchilischa glukhonemykh, 1890, 67 p.
7. Timofeev N. N., Gurari A. L. Effect of Adrenaline on Depressive Patients. [Vliyanie adrenalina na depressivnykh bolnykh]. *Trudy Voенno-meditsinskoy akademii* (Proceedings of the Military Medical Academy). Leningrad, Izdatelstvo

Voenno-meditsinskoy akademii RKKA im. S. M. Kirova, 1936, 287 p.

8. Cannon W. B. The James – Lange Theory of Emotions: a Critical Examination and an Alternative Theory // *The American Journal of Psychology*, 1927, Vol. 39, pp. 106–124.

Приводимые ниже разделы монографии «Чувства Влечения Эмоции» не имеют общего названия, хотя по содержанию являются единым целым. Это позволяет дать им следующее заглавие.

В. С. Дерябин

**Анализ двух альтернативных теорий происхождения эмоций и
диалектически обоснованная единая теория***

(Публикация О. Н. Забродина)

Теория происхождения эмоций Джемса – Ланге

Физические изменения при эмоциях так резко бросаются в глаза, что на роль их в эмоциях уже давно обратили внимание. Какое же значение они имеют? Обычно представляется такой порядок: внешнее раздражение вызывает психическую реакцию, например, испуг, вследствие этого появляется вздрагивание «от испуга», сердцебиение. В. Вундт [см.: 2] говорит, что направление и качество аффекта субъективно ощущается гораздо раньше, чем появляются самые слабые симптомы физических изменений, а потому точка зрения, считающая исходным пунктом эмоции психическую сторону, более согласуется с выводами непосредственного наблюдения. В то же время нельзя не отметить, что телесные явления, наблюдающиеся при эмоциях, усиливают самые душевные движения. Например, сердцебиение, дрожь и затруднение дыхания усиливают страх. Вследствие тесной связи и взаимодействия явлений психических и физических, В. Вундт называет эмоции процессами психофизическими и телесные явления рассматривает как явления, «сопровождающие аффекты».

У. Джемс в 1884 г. [см.: 6] и К. Ланге в 1890 г. [см.: 8] совершенно иначе оценили значение физиологических явлений при эмоциях. Они выдвинули теорию, что эмоции есть восприятие ощущений, вызванных изменениями в теле вследствие внешнего раздражения. Внешнее раздражение, служащее причиной возникновения аффекта, вызывает рефлекторно изменения в деятельности сердца, дыхания и кровообращении, в тоне мышц. Вследствие этого во всем теле при эмоции испытываются разные ощущения, из которых и складывается переживание эмоций. К. Ланге [см.: 8] считает первичными сосудодвигательные изменения, остальные же телесные изменения – второстепенными, зависящими от малокровия мозга или прилива крови к нему и от изменения кровенаполнения органов.

Обыкновенно говорят: мы потеряли близкого человека, огорчены, плачем; мы повстречали медведя, испугались, дрожим; мы оскорблены, приведены в

---

* © О. Н. Забродин, 2019.

ярость, наносим удары. А, согласно теории Джемса, порядок событий формулируется так: мы опечалены, потому что плачем, боимся, потому что дрожим, приведены в ярость, потому что бьем.¹ Если бы телесные проявления не следовали немедленно за восприятием, то, по их мнению, не было бы и эмоции. Если мы представим себе какую-нибудь эмоцию и мысленно вычтем из нее одно за другим все телесные ощущения, с ней связанные, то от нее, в конце концов, ничего не останется. Если из эмоции страха устранить сердцебиение, затрудненное дыхание, дрожание в руках и ногах, слабость в теле и т. д., то не будет и страха. Нет гнева, если нет волнения в груди, прилива крови к лицу, расширения ноздрей, стискивания зубов и кулаков, а, наоборот, дыхание ровное, а лицо спокойно. Человеческая эмоция, лишённая всякой телесной подкладки, есть один пустой звук. Сходные мысли высказывал Б. Спиноза. Р. Декарт говорил, что эмоция является не чем иным, как осознанием органических двигательных, сосудистых и висцеральных, а особенно сердечных изменений. Большая часть наших душевных волнений, говорит Ч. Дарвин, так тесно связана с выражением их, что они едва ли существуют, если тело остается пассивным. «Человек, например, может знать, что его жизнь находится в величайшей опасности, или может сильно желать спасти ее, но в то же время может воскликнуть, как Людовик XVI, когда он был окружен свирепой толпой: „Боюсь ли я? – Пощупайте мой пульс!“» [4, стр. 141].

В доказательство правильности своей теории У. Джемс указывает на то, что, вызывая произвольно проявление той или другой эмоции, ее можно усилить: бегство усиливает паническое чувство страха; можно усилить гнев, дав волю внешним проявлениям; возобновляя рыдания, мы усиливаем чувство горя. Расправьте морщины на лбу, проясните свой взор, выпрямитесь, заговорите громко, весело приветствуя знакомых, и вы невольно поддадитесь мало-помалу благодушному настроению. Для придания себе храбрости мы громко говорим, свистим, и это придает нам уверенность, и, наоборот, стоит сдержать гнев, досчитать до десяти, и повод к гневу может показаться ничтожным.

Актеры, представляя себе определенную эмоцию, воспроизводя голосом, мимикой и жестами определенные движения, вызывают общие физиологические явления данной эмоции. Гамлет говорит по поводу игры актера:

«Чудовищно! Какой-нибудь актер
Притворно, под влиянием мнимой страсти
Насилует себя и так морочит,
Что вдруг лицо бледнеет от волнения,
И слезы на глазах, и странный вид,
И голос оборвавшийся, и все

---

¹ Это похоже на такие утверждения, как «идет дождь, потому что я открыл зонтик». Такая формулировка У. Джемса не соответствовала, в сущности, его собственным воззрениям. У. Джемс и К. Ланге причину, вызывающую эмоции, видели во внешних раздражениях, а субъективную сущность их – в ощущении рефлексорно наступивших в теле изменений. Мой гнев – это мои ощущения, возникшие вследствие афферентных импульсов, исходящих из сердца, легких, мускулов и т. д., но причина их возникновения не в них самих, а во вне.

В его наружности подходит к горю.

Каков обман! Все ради ничего».

Однако опрос показал, что актеры только тогда хорошо играют роль, когда действительно переживают эмоции, а не производят только, хотя бы и искусно, мимику и телодвижения, соответствующие эмоциям.

Понятно, что даже искусное воспроизведение одной только мимики не дает еще переживания эмоции. Телесные проявления, например, страха заключаются, кроме мимики, в сердцебиении, дрожи и т. д. В сумме возникающих вследствие этого ощущений ощущение от сокращения мимических мышц составляет сравнительно ничтожную часть. Эта часть не может при волевом воспроизведении заменить целое. Актер, воспроизводя голосом, мимикой и жестами определенную эмоцию, вызывает по ассоциации соответственное представление, и только живое представление эмоции может вызвать всю сумму телесных переживаний, а, следовательно, и соответственное субъективное переживание, придающее высшую естественность игре.

Что физиологические изменения не есть только явления, сопровождающие психические, доказывается также и тем, что эмоции могут возникать без всякого внешнего воздействия на психику, под влиянием чисто телесных причин (химических и лекарственных воздействий). Известно, что вино «веселит сердце человека», вином можно «залить тоску», благодаря вину исчезает страх – «пьяному море по колено».

Мухомор вызывает припадки бешенства и склонность к насильственным действиям. Настой мухомора в старину давали воинам, чтобы привести их в «кровожадное состояние». Гашиш может вызывать припадки буйства. Emetinum – рвотный корень, рвотный камень, вызывает угнетенное состояние со страхом и частью с тоской.

При отравлении стрихнином возникает чувство страха. Сильный страх возникает также при лечебном применении метразола, вызывающего сильную реакцию со стороны сердечно-сосудистой системы. Теплой ванной, введением под кожу кислорода, морфином или опиумом можно уменьшить чувство тоски у депрессивных больных. Струя холодной воды, вызывая сокращения кожных сосудов, хорошо действует против гнева.

Эмоции возникают также под влиянием внутренних причин в случаях патологических. При заболеваниях сердца и аорты появляется тоска, которая иногда достигает чрезвычайной степени (предсердечная тоска). Страх появляется нередко у сердечных больных при нарушении компенсации, а при наступлении компенсации исчезает. При неврастении обычное явление – раздражительность. При маниакально-депрессивном психозе появляется то тоска и страх, то веселое, повышенное состояние и часто – склонность к гневному аффекту.

И при многих других заболеваниях имеется страх или радость без объектов этих эмоций: больной боится, но сам не знает, чего, или счастлив без причины. Так, эйфория наблюдается при прогрессивном параличе, туберкулезе и др. Болезни желудка могут вызывать угнетенное настроение. Здесь эмоции ясно возникают эндогенно.

У маленьких детей страх появляется от действия сильных звуков, т. е. вследствие силы раздражения, а не от сложной психической причины. Свою теорию У. Джемс распространяет только на возникновение простых эмоций (гнев, страх и т. п.), изменения в периферических органах при которых очень сильны. Относительно высших эмоций он говорит: «Я не отрицаю того факта, что могут быть... эмоции, обусловленные исключительно возбуждением центров совершенно независимо от центростремительных токов. К таким чувствованиям можно отнести чувство нравственного удовлетворения, благодарности, любопытства, облегчения после разрешения задачи. Но слабость и бледность этих чувствований, когда они не связаны с телесными возбуждениями, представляют весьма резкий контраст с более грубыми эмоциями». Впрочем, он прибавляет, что и «...тонкие эмоции всегда бывают связаны с телесным возбуждением: нравственная справедливость отражается в звуках голоса или в выражении глаз и т. п.» [6, с. 283 – 284].

Схему обычного представления о возникновении эмоций, например, страха, можно изобразить так [рис. 1]

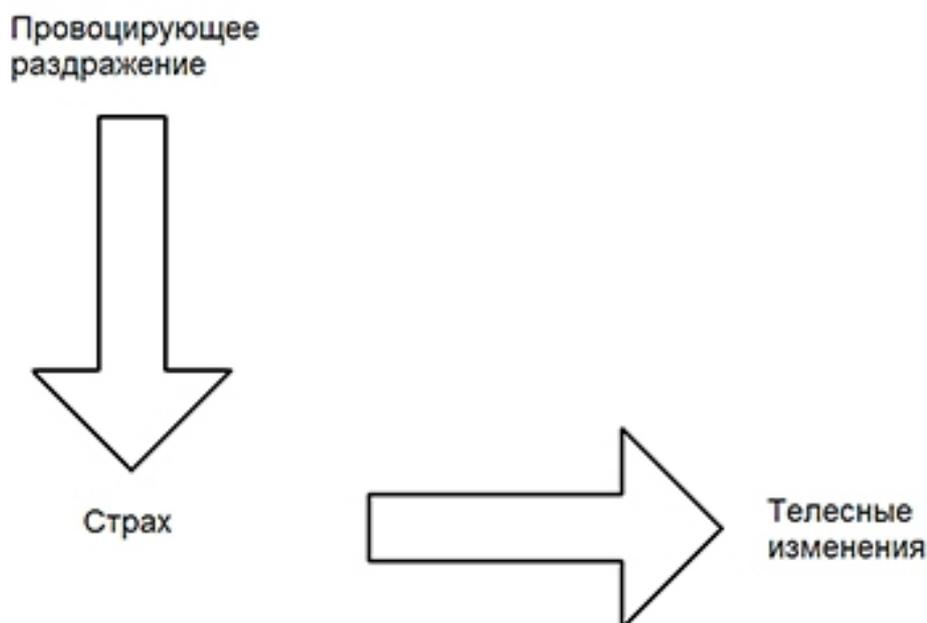

Рисунок 1. Схема обычного представления о возникновении эмоций

По теории Джемса – Ланге представляется такая схема [рис. 2]²

---

² Т. е. страх есть комплекс ощущений, вызванных телесными изменениями.

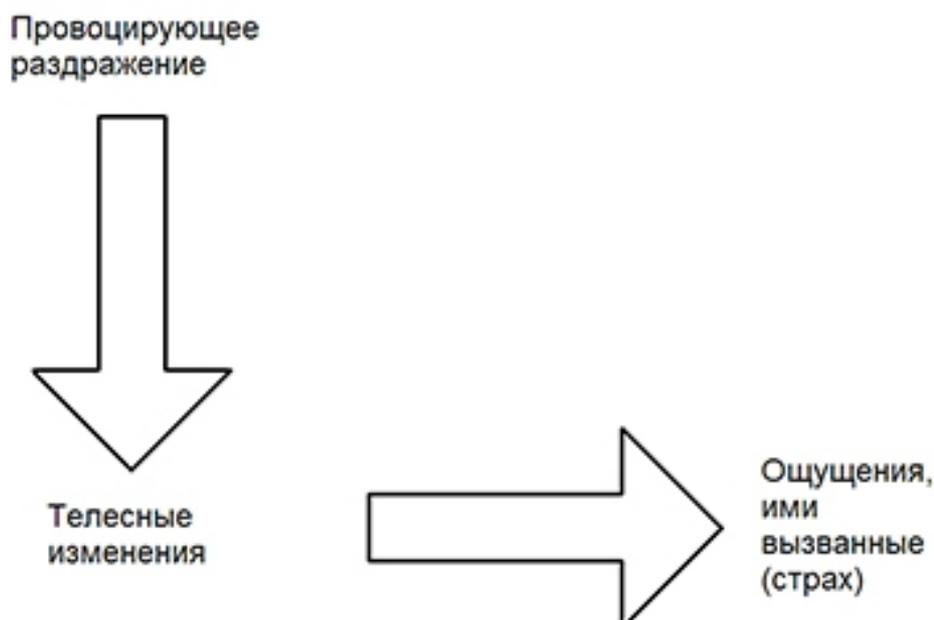

Рисунок 2. Схема Джемса – Ланге

Голод, жажда и сексуальное влечение, так называемые жизненные чувства, очень близки к эмоциям, куда их нередко и относили. Теперь мы знаем, что влечения – *это комплексы ощущений, возникающих вследствие изменений внутри нашего тела* (курсив мой – О. З.). Теория Джемса – Ланге, рассматривающая эмоции как ощущения, вызванные изменениями в нашем теле, сближает их с жизненными чувствами.

Мы видим, что голод и жажда проявляются в виде безусловных гематогенных (т. е. осуществляемых через кровь – О. З.) рефлексов – геморефлексов, которые имеются как у низших животных, так и у собаки без больших полушарий. На этих безусловных рефлексах строится ряд условных рефлексов, и в ходе развития создаются сложные взаимоотношения подкорковых механизмов и коры головного мозга. Над первичными простейшими пищевыми безусловными и условными реакциями возникает сложная психическая (точнее, психофизиологическая) надстройка; влечение к пище, свойственное всем организмам, усложняется у человека в чрезвычайной степени. Аналогичную картину хода развития можно проследить и в отношении аффектов.

Выражение элементарных эмоций: гнева, страха, радости – можно широко проследить в животном царстве; они проявляются у животных как высоко, так и низко организованных. У собаки без больших полушарий [см.: 17] наравне с проявлением голода и жажды наблюдается и проявление эмоций. Такая собака дает реакции положительного и отрицательного чувственного тона на ощущения вкусовые, кожные и сильные звуковые. Так, на вкус мяса, смоченного раствором хинина, она кривила морду и выплевывала кусок, а лакомую пищу ела скорее, чем менее вкусную. В последнем случае все, смотревшие на еду, получали впечатление, что животное во время нее получает приятное удовлетворение. При чистке она давала проявления неудовольствия

лаем, брыканием, бесцельным кусанием. При вынимании из клетки получался форменный припадок бешенства: она сильнейшим образом брыкалась лапами, чрезвычайно громко лаяла, кусала вокруг, причем способность найти место раздражения у нее отсутствовала. Таким образом, при сохранении части аффективных реакций у собаки после удаления коры головного мозга наблюдалось исчезновение большинства их. Угрожающие жесты, показывание кролика переставало вызывать реакцию, не было разницы в реакции по отношению к своим и чужим и т. п.

Имеются ли у собаки без больших полушарий субъективные проявления, мы, конечно, не знаем, но несомненно, что, с одной стороны, ряд раздражений вызывает по типу безусловного рефлекса выразительные движения соответственных эмоций и что, с другой стороны, большая часть эмоциональных выразительных реакций исчезает вместе с исчезновением условных рефлексов вследствие удаления коры головного мозга. Это дает основания предполагать, что физиологические процессы, с которыми связаны эмоции у собаки, протекают по типу реакций условных и безусловных. Мысль эта высказывалась неоднократно. Уже К. Ланге отметил, что в эмоциональной области имеет место образование временных связей. И. П. Павлов писал: «Можно надеяться, что еще более сложные акты, обозначаемые пока психологическими терминами гнева, страха, игры и т. д., будут приурочены к простой рефлекторной деятельности части головного мозга, лежащей прямо под большими полушариями» [11, с. 122].

В. П. Осипов [см.: 10] неоднократно повторял, что эмоциональные и аффективные процессы развиваются по типу условных рефлексов. У. Кеннон [см.: 7] также указывал на наличие условно-рефлекторных реакций в эмоциональной сфере.

Действительно, образование временных связей в эмоциональной сфере можно проследить на ряде наиболее простых эмоций. Это можно проверить на выразительных движениях, т. е. на той мимике и жестах, которыми выражаются эмоции.

Возражения против теории Джемса – Ланге³

Теория Джемса – Ланге в ряде случаев не встретила признания. Особенно важные возражения против нее привели известные физиологи Ч. Шеррингтон и У. Кеннон. У. Кеннон [см.: 15] так суммировал возражения, выдвигаемые против теории Джемса – Ланге.

1. Аффективное поведение у животных не меняется при полном отделении внутренних органов от центральной нервной системы (ЦНС).

2. Искусственное вызывание висцеральных (т. е. возникающих во внутренних органах – О. 3.) изменений, типичных для сильных аффектов, не вызывает переживания соответственной эмоции.

3. Очень различным эмоциональным состояниям соответствуют

---

³ Этот раздел написан В. С. Дерябиным с целью критики возражений против теории Джемса – Ланге в свете своих представлений об эволюционной преемственности, с одной стороны, чувств и влечений (мотиваций), при которых висцеральные ощущения играют значительную роль, и эмоций – с другой. – О. 3.

одинаковые висцеральные изменения.

4. Внутренние органы обладают относительно слабой чувствительностью.

5. Висцеральные изменения возникают слишком медленно, чтобы быть источником аффектов.

Однако каждое из этих положений вызывает возражения и не может считаться твердо доказанным. Наиболее серьезное возражение против роли висцеральных ощущений при эмоциях сделал своими опытами Ч. Шеррингтон [см.: 14]. Он перерезал у собаки спинной мозг тотчас позади выхода диафрагмального нерва (n. phrenicus). Спустя необходимое время, были перерезаны с промежутками в 28 дней оба блуждающих и оба симпатических нерва. Этими операциями была произведена децентрализация области груди, внутренних органов, кровеносных сосудов и всего тела, начиная от задней части плеч. Оставались чувствительными только голова, шея, плечи, передние разгибательные мускулы передних конечностей. Диафрагма – единственный мускул позади лопаток, который сохранил свои афферентные (современное название центростремительных нервов – О. З.) нервы.

Собака прожила 20 дней, и, несмотря на отсутствие ощущений от внутренних органов и мускулатуры, проявляла внешне такие же аффекты, как и в норме: выражала радость при виде сторожа, ярость при приближении кошки. Голос был сильно ослаблен, но все же можно было радостный лай отличить от гневного ворчания. Кстати, можно упомянуть, что Зоммер и Гейманс [цит. по: 7] наблюдали эмоциональные реакции на изолированных головах собак, кошек и кроликов, у которых жизнь и мозговая деятельность поддерживалась посредством искусственного кровообращения.

У. Кеннон и С. Бриттон [см.: 16] в течение многих месяцев поддерживали жизнь кошек после удаления у них всего симпатического отдела вегетативной нервной системы (т. е. у так называемых симпатикоэктомированных животных – О. З.). Таким образом были исключены реакции, осуществляющиеся через посредство возбуждения симпатической нервной системы – СНС: вазомоторные реакции (реакции кровеносных сосудов – О. З.), секреция А, торможение кишечника, пиэлоэрекция (подъем волосяных сосочков – О. З.) и проч. Но в присутствии собаки симпатикоэктомированная кошка выказывала признаки ярости: шипела, выгибала спину, оскаливалась, поднимала лапу, чтобы ударить. Отсутствовало лишь поднимание волос (т. е. пиэлоэрекция – О. З.).

При обсуждении опытов Ч. Шеррингтона и У. Кеннона следует иметь в виду, что при наличии прежних возбуждений в головном мозгу возможно их оживление по типу условного рефлекса.

А. А. Ухтомский [см.: 13] писал о том, что восстановление однажды пережитых доминант (т. е. сильного источника возбуждения в ЦНС – О. З.) может происходить по кортикальным компонентам (т. е. по возобновлению очагов возбуждения, находящихся в коре головного мозга – О. З.). Больше или меньше восстановление всей прежней констелляции, отвечающей прежней доминанте, приводит к тому, что прежняя доминанта переживается или в виде сокращенного символа (психологическое воспоминание), или в виде

распространенного возбуждения со всеми прежними сосудистыми и секреторными явлениями.

Если до кастрации жеребец не испытал coitus, возбудимость полового аппарата у него полностью прекращается. Половая доминанта в этом случае оказывается просто вычеркнутой из жизни животного. Но если до кастрации coitus был испытан, кора успела связать с ним зрительно-обонятельные и соматические ощущения, то и в мерине половое возбуждение и попытки ухаживания будут возобновляться при приближении кобылы. При этом, когда гормональные возбудители исчезли, то доминанта может восстанавливать свои соматические компоненты чисто нервным путем, рефлекторно, по кортикальным компонентам.

Мы полагаем, что такой механизм мог иметь место и у собаки Ч. Шеррингтона с перерезанными афферентными волокнами от большей части тела и внутренних органов и, в частности, таким образом могло происходить условно-рефлекторное возникновение мышечных реакций.

К. М. Быков [см.: 1] также отмечает, что иногда условный рефлекс более действителен, чем безусловный. В то время, как безусловный рефлекс уже не дает эффекта, условный раздражитель способен вызвать реакцию. Такая возможность лишает опыты Ч. Шеррингтона полной убедительности.

В. Кеннон [см.: 7] установил наличие А (адреналина) в крови при страхе и гневе и пытался инъекцией его раствора вызвать эти эмоции. Однако при введении А эмоции не возникали, хотя и наблюдались признаки возбуждения нервной системы.

Мараньон [цит. по: 7] произвел аналогичные опыты на большом числе лиц: у подопытных возникали ощущения пери- или эпигастральной пальпитации (усиленной, неправильной работы сердца – О. З.), диффузной артериальной пульсации, стеснения в грудной клетке, сжимания в горле, сухости во рту, нервности, недомогания. В некоторых случаях эти ощущения были связаны с неопределяемым аффективным состоянием: «Я чувствую, как если бы я испугался», «как будто ожидаю большую радость», «как будто бы я плакал, не знаю почему», «как будто бы я испытал большой испуг, однако успокаиваюсь», «чувствую, как если бы они собирались мне что-то сделать».

Эти переживания не носили характера настоящей живой эмоции. Лишь в малом числе случаев развивалась настоящая эмоция, обычно – печали со слезами, всхлипываниями, вздохами. При этом отмечались какие-то предрасполагающие моменты: в случаях гипертиреозидизма (повышенной функции щитовидной железы – О. З.), после предварительного разговора с пациентами относительно их детей или умерших родителей, т. е. **А усиливал уже существующие переживания**). Случаи настоящей субъективной эмоциональной реакции, таким образом, были исключением, а не обычным явлением. Обычно же телесные изменения, произведенные А, не вызывали эмоций.

Н. Н. Тимофеев и А. Л. Гурари [см.: 12] в клинике психиатрии Военно-медицинской академии производили инъекции А при депрессивных состояниях у больных маниакально-депрессивным психозом (13 чел.). При этом

наблюдался явный сдвиг состояния вегетативной нервной системы в сторону симпатикотонии (преобладания тонуса СНС – О. З.). Со стороны психической при этом наблюдалось резкое усиление всех основных симптомов заболевания. У больных отмечался громкий плач, ажитированное поведение, усиление идей самообвинения и проч. В некоторых случаях А вызвал появление страха.

При депрессивных состояниях простой формы раннего слабоумия (шизофрении) А не влиял на психическую симптоматику. При параноидной форме шизофрении реакции на А нарастали медленно, были более длительными и варьировали по своему характеру. При этом установлено понижение тонуса вегетативной нервной системы. В этом может найти объяснение менее яркая и непостоянная по своему характеру реакция депрессивных больных на А. Нельзя, конечно, ожидать одинаковой у всех подобной реакции.

Ряд фактов указывает на то, что при эмоциональном возбуждении вовлекается не только симпатическая, но и парасимпатическая нервная система. Об этом говорят такие общеизвестные явления, как слезы при сильных эмоциях, а также то, что ожидание, связанное с волнением, вызывает позывы к мочеиспусканию. Отмечают, что большинство экзаменуемых испытывает позывы к мочеиспусканию. То же наблюдалось в траншеях Первой мировой войны. Сюда же относится «медвежья болезнь» при испуге. Брунsvик [цит. по: 7] наблюдал в экспериментальных условиях, что удивление, испуг и неудовольствие вызывают повышение тонуса желудочно-кишечного тракта, а страх и раздражение – понижают его.

Известно, что испуг вызывает заметное уменьшение частоты пульса. Э. Гельгорн и сотрудники [см.: 3] провели следующие опыты. У кошек перерезался спинной мозг в шейном отделе, чтобы исключить поступление симпатических нервных импульсов к надпочечникам. Затем их ставили перед яростно лающей собакой. Аффект ярости, вызванный этим у кошек, привел не к глюкозурии (выделению сахара с мочой, наступающему при повышенном его содержании в крови – О. З.), а к гипогликемии (пониженному уровню сахара в крови – О. З.), но после перерезки блуждающих нервов этот эффект исчезал. Аналогичное явление вызывалось у крыс, у которых шумом хлопущих вызывался испуг. В норме у них эмоция страха вызывала гипергликемию. После удаления надпочечников страх вызывал гипогликемию, а после удаления надпочечников и двухсторонней ваготомии (перерезки блуждающих нервов – О. З.), произведенной под диафрагмой, изменений содержания сахара в крови не наблюдалось.

Таким образом, при реакциях ярости и страха у кошек и крыс возникает возбуждение не только симпатико-адреналовой системы, но и вагоинсулярной системы. Следовательно, вегетативно-эндокринные реакции при эмоциях сложнее, чем предполагал У. Кеннон.

Железы внутренней секреции при эмоциях, как и всегда, действуют не изолированно, но их действие усиливается, модифицируется или блокируется действием других желез. Так, секрет щитовидной железы усиливает действие А, но на артериальное давление действует противоположным образом – возбуждает п. depressor и тем самым понижает его. Действие одной и той же

железы поэтому при разных констелляциях может быть не связано с одинаковыми психическими проявлениями. Гиперфункция щитовидной железы вызывает то маниакальное состояние, то страх, то тревогу, то тоску. Весьма возможно, что разница в реакциях при введении А зависит от соотношения с работой других эндокринных желез. А определяется в крови при реакциях, кажущихся противоположными – при страхе и ярости.

Обе реакции при своей противоположности (астеническая и стеническая) стоят близко друг к другу. «Мы одновременно и боимся того существа, которое хочет нас убить, и желаем сами убить его» (У. Джемс). Страх легко переходит в гнев и гнев в страх в зависимости от ситуации. Но и при одной и той же эмоции получаются разные реакции: то человек обращается в бегство, то совершает в порыве страха разрушительные действия (что наблюдается иногда у душевнобольных), то цепенеет от страха.

Возможно, что в этих случаях *дело идет о действии разных количеств одних и тех же биологически активных веществ*. Малые дозы А вызывают сужение кровеносных сосудов, большие – расширение; малые повышают свертываемость крови, большие понижают ее; малые дозы атропина замедляют деятельность сердца, большие – ускоряют и т. д., и т. д. Отсюда возможно предположить, что разные количества эндогенных биологически активных веществ, вызывая различное физиологическое действие, могут продуцировать разный психический эффект.

Возможны также варианты индивидуальных реакций на одно и то же количество данного вещества: при физиологических опытах раздражения одинаковой силы могут давать различный результат. Например, в опытах В. В. Стрельцова в лаборатории Л. А. Орбели [см.: 9] после раздражения симпатического нерва препараты (задние лапки лягушки) в течение более длительного времени не теряли возбудимость, и не наступала контрактура (спазм – О. З.) мышц, но в известном проценте случаев при аналогичном раздражении возбудимость резко падала и быстро наступала контрактура. В 12 % случаев при глубоких степенях отравления хлоралгидратом после раздражения симпатического нерва наступало длительное тоническое мышечное сокращение. Приходится думать, что при различных условиях одни и те же раздражения вызывают в мышце разные физико-химические процессы.

Аналогичные явления могут наблюдаться и в организме человека при разных его состояниях. Различное действие одна и та же доза А производит на симпатикотоника (с преобладанием тонуса СНС) и ваготоника (с преобладанием тонуса блуждающего нерва – О. З.).

Таким образом, заключение У. Кеннона об отрицательных результатах его экспериментов вызывают следующие сомнения.

1. Факты показывают, что при эмоциях нельзя все внутрисекреторные явления сводить к выделению А. В реакциях участвует ряд желез, и введение А не воспроизводит всех условий, имеющих место в организме при эмоциях.

2. Наблюдавшиеся в отдельных случаях другими авторами появления эмоций при введении А показало, что при неизвестных пока условиях А-ом можно вызывать переживание эмоций.

3. В условиях экспериментов необходимо иметь в виду как различное действие от различных доз вводимого вещества, так и разное действие одной и той же дозы в зависимости от состояния организма. Поэтому сказать в настоящее время, что мы не сможем, искусственно вызывая висцеральные изменения, при этом не вызвать эмоции, было бы преждевременно.

В. Кеннон [см.: 7] установил, что различным эмоциональным и неэмоциональным состояниям соответствуют одинаковые висцеральные изменения. Характерные признаки возбуждения СНС и наличие сахара в моче были установлены при страхе и ярости, при лихорадке, при действии холода и при асфиксии в период возбуждения. Одинаковые телесные изменения, с точки зрения У. Джемса и К. Ланге, должны были повести к тому, что гнев, холод и лихорадка чувствовались бы одинаково, но этого нет. Однако при этом приходится иметь в виду, что степень возбуждения СНС при ярости и лихорадке, страхе и холоде неодинакова и что количественная разница в физиологических процессах часто связана с качественной разницей в процессах психических.

Мы не ощущаем нормальной работы сердца, но ощущаем усиленную его работу и патологические изменения в его функционировании (например, при нарушениях ритма сердечных сокращений – З. О.). Определенная степень давления на нервы сокращающейся матки вызывает ощущение оргазма, а усиление ее сокращений продуцирует боль. До сих пор не установлены грани интенсивности физиологических процессов в органах, с переходом которых возникают новые психические переживания. С физиологическими процессами, кажущимися при поверхностном наблюдении однородными, может быть связана целая шкала разнообразных ощущений.

По поводу того, что внутренние органы относительно не чувствительны, упоминалось выше. В настоящее время от этого представления приходится отказаться⁴. Внутренние органы не обладают свойствами эпикритической (тонко дифференцированной и точно локализованной – О. З.) кожной чувствительности, но дают качественно иные, очень разнообразные ощущения. Мощно развитая морфология внутренних органов дает основание допускать большие потенциальные возможности интероцептивной (связанной с рецепторами внутренних органов – О. З.) чувствительности.

И, наконец, относительно последнего возражения У. Кеннона, что висцеральные изменения происходят слишком медленно, чтобы быть источником аффектов. Можно сказать, что далеко не все такого рода внутренние изменения происходят медленно. Очень быстро может «вспыхивать краска стыда», моментально замирает сердце от испуга (сердце «екнуло»). Но надо принять во внимание и то, что **эмоции не сводятся только к безусловным рефлексам, а огромное большинство их протекает по типу условных и высших психических процессов.**

Одновременно с возникновением представлений оживляются корковые

---

⁴ После Великой Отечественной войны монография В. С. Дерябина «Чувства. Влечения. Эмоции» была дополнена автором главой «Чувствительность внутренних органов», включившей последние данные об их чувствительных рецепторах, частично вошедшие в печатные издания монографии [см.: 5].

следы эмоциональных процессов.

Таким образом, следует заключить, что психические переживания, появившиеся в связи с оживлением этих эмоциональных процессов, подкрепляются и усиливаются ощущениями, возникающими при появлении соматических (телесных – О.З.) изменений. В последовательное течение аффекта могут вливаться ощущения от позднее происходящих более медленных висцеральных изменений.

Литература

1. Быков К. М. Кора головного мозга и внутренние органы. – М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1947. – 284 с.
2. Вундт В. Чувства и аффекты // Основы физиологической психологии. Вып. 5. Т. 3. Гл. XVI. – СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1910. – С. 125–280.
3. Гельгорн Э. Регуляторные функции автономной нервной системы. – М.: Иностранная литература, 1948. – 415 с.
4. Дарвин Ч. Выражение душевных волнений. – СПб.: Типография А. Пороховщикова, 1896. – 222 с.
5. Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции: О психологии, психопатологии и физиологии эмоций. – М.: ЛКИ, 2013. – 224 с.
6. Джемс У. Психология / Под ред. Л. А. Петровской. — М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
7. Кеннон В. Физиология эмоций. Телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости. – Л.: Прибой, 1927. – 175 с.
8. Ланге К. Аффекты (душевные движения): Психофизиологический этюд. – СПб.: Типография училища глухонемых, 1890. – 67 с.
9. Орбели Л. А. О некоторых достижениях советской физиологии // Избранные труды. Т. 2. – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1962. – С. 587–606.
10. Осипов В. Н. О физиологическом происхождении эмоций // Сборник, посвященный 75-летию академика И. П. Павлова. – 1924. – С. 105–114.
11. Павлов И. П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга // Полное собрание сочинений. Т. IV. – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1951. – С. 7–448.
12. Тимофеев Н. Н., Гурари А. Л. Влияние адреналина на депрессивных больных // Труды Военно-медицинской академии. – Л.: Издательство Военно-медицинской академии РККА им. С. М. Кирова, 1936. – 287 с.
13. Ухтомский А. А. Учение о доминанте // Собрание сочинений. Т. 1. – Л.: Издательство ЛГУ, 1950. – 329 с.
14. Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. – Л.: Наука, 1969. – 390 с.
15. Cannon W. B. The James-Lange Theory of Emotions: A Critical Examination and an Alternative Theory // The American Journal of Psychology. – 1927. – Vol. 39. – Pp. 106–124.
16. Cannon W. B., Britton S. W. Pseudoaffective Medulliadrenal Secretion // The American Journal of Psychology. – 1925. – Vol. 72. – Pp. 283–294.
17. Goltz F. Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die

Verrichtungen des Grosshirns // Archiv für die gesamte Physiologie. – 1892. – Bd. 51. – № 11–12. – Pp. 570–614.

References

1. Bykov K. M. Cerebral Cortex and Internal Organs [*Kora golovnogo mozga i vnutrennie organy*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo meditsinskoy literatury, 1947, 284 p.
2. Vundt V. Feelings and Affects [Chuvstva i affekty]. *Osnovy fiziologicheskoy psikhologii*. Vyp. 5. T. 3. Gl. XVI (Fundamentals of Physiological Psychology. Is. 5. Vol. 3. Ch. XVI). Saint Petersburg, Tipografiya P. P. Soykina, 1910, pp. 125–280.
3. Gelgorn E. Regulatory Functions of the Autonomic Nervous System [*Regulyatornye funktsii avtonomnoy nervnoy sistemy*]. Moscow, Inostrannaya literatura, 1948, 415 p.
4. Darvin C. The Expression of the Emotions in Man and Animals [*Vyrazhenie dushevnykh volneniy*]. Saint Petersburg, Tipografiya A. Porokhovschikova, 1896, 222 p.
5. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations, Emotions: About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [*Chuvstva, vlecheniya, emotsii: O psikhologii, psikhopatologii i fiziologii emotsiy*]. Moscow, LKI, 2013, 224 p.
6. James W. Psychology [*Psikhologiya*]. Moscow, Pedagogika, 1991, 368 p.
7. Cannon W. Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear and Rage: An Account of Recent Researches into the Function of Emotional Excitement [*Fiziologiya emotsiy. Telesnye izmeneniya pri boli, golode, strakhe i yarosti*]. Leningrad, Priboy, 1927, 175 p.
8. Lange C. Affects (Mental Movements): Psychophysiological Etude [*Affekty (dushevnye dvizheniya): Psikhofiziologicheskiy etyud*]. Saint Petersburg, Tipografiya uchilischa glukhonemykh, 1890, 67 p.
9. Orbeli L. A. On Some Achievements of Soviet Physiology [O nekotorykh dostizheniyakh sovetskoy fiziologii]. *Izbrannye trudy*. T. 2 (Selected Works. Vol. 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1962, pp. 587–606.
10. Osipov V. N. On the Physiological Origin of Emotions [O fiziologicheskom proiskhozhdenii emotsiy]. *Sbornik, posvyaschenny 75-letiyu akademika I. P. Pavlova* (Collected Works Dedicated to the 75th Anniversary of Academician I. P. Pavlov). 1924, pp 105–114.
11. Pavlov I. P. Lectures on the Work of the Cerebral Hemispheres [Lektsii o rabote bolshikh polushariy golovnogo mozga]. *Polnoe sobranie sochineniy*. T. IV (Complete Works. Vol. IV). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 7–448.
12. Timofeev N. N., Gurari A. L. Effect of Adrenaline on Depressive Patients. [Vliyanie adrenalina na depressivnykh bolnykh]. *Trudy Voenno-meditsinskoy akademii* (Proceedings of the Military Medical Academy). Leningrad, Izdatelstvo Voenno-meditsinskoy akademii RKKa im. S. M. Kirova, 1936, 287 p.
13. Ukhtomskiy A. A. The Theory of Dominant [Uchenie o dominante]. *Sobranie sochineniy*. T. 1 (Collected Works. Vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, 329 p.

14. Sherrington C. The Integrative Action of the Nervous System [*Integrativnaya deyatelnost nervnoy sistemy*]. Leningrad, Nauka, 1969, 390 p.

15. Cannon W. B. The James-Lange Theory of Emotions: A Critical Examination and an Alternative Theory. *The American Journal of Psychology*, 1927, Vol. 39, pp. 106–124.

16. Cannon W. B., Britton S. W. Pseudoaffective Medulliadrenal Secretion. *The American Journal of Psychology*, 1925, Vol. 72, pp. 283–294.

17. Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology), 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Приём в аспирантуру ГУАП по направлению «Философия науки и техники» в 2019 году

Кафедра истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения приглашает специалистов и магистров в аспирантуру по направлению «Философия науки и техники».

Возможны очное и заочное обучение:

– очное обучение: стоимость – 100 000 рублей за семестр, срок обучения 3 года;

– заочное обучение: стоимость 25 000 рублей за семестр, срок обучения 3 года, 10 месяцев.

Приём документов проводится с 12 августа по 3 сентября 2019 года. Вступительные экзамены состоятся с 5 по 17 сентября 2019 года.

По окончании обучения аспирантам выдаётся диплом исследователя-преподавателя. В случае успешной защиты диссертации аспирант получает учёную степень кандидата философских наук.

Контактная информация:

– электронная почта кафедры истории и философии: hiph@hf-guar.ru,

– ответственный за образовательную программу, доктор философских наук, профессор Орлов Сергей Владимирович: orlov5508@rambler.ru.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf
- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет

- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся авторское резюме (обычно 100–250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «-», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно

иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по гиперссылке с сайта нашего журнала или с pdf-версии номера эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [Транслитерированное название книги]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109–116.

Игнатъев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3–5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском

языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать

употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложенный подход к концепции информационного общества является попыткой сформулировать некоторые фундаментальные идеи философского материализма, необходимые, с точки зрения автора, для построения научной теории современного этапа общественного развития.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Рисунки должны быть предоставлены редакции отдельными файлами в форматах jpg или png и должны быть пронумерованы в том порядке, в каком появляются в тексте.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними

ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «Ph. D.» «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагелло, д. 15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph. D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,
phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2019.